

Мария Никольская

ПРЕДАНИЕ О БАЛИИ

Мария Никольская

Предание о балии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67021904

SelfPub; 2023

Аннотация

«Лишь жертва избранной балии откроет врата. Лишь возрождение разрушит все преграды». Вся жизнь Есении изменилась в одночасье, когда она узнала, что принадлежит к балиям – древним заклинательницам животных. Вслед за молчаливым спутником, называющим себя Обратнем, Есения отправится в дорогу, навстречу своей судьбе. Вчерашняя деревенская девчонка теперь служит королю, пытаясь наладить контакт с волшебным лесом. Но в столице королевства все не так, как кажется. Есении придется пройти долгий путь через предательство и боль, чтобы наконец обрести себя. Сможет ли она выжить, если последняя балия, служившая королю, погибла?

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	47
Глава 6	57
Глава 7	73
Глава 8	91
Глава 9	117
Глава 10	125
Глава 11	136
Глава 12	148
Глава 13	160
Глава 14	170
Глава 15	184
Глава 16	202
Глава 17	210
Глава 18	223
Глава 19	237
Глава 20	256
Глава 21	271
Глава 22	282

Глава 23	291
Глава 24	301
Глава 25	312
Глава 26	325
Глава 27	339
Глава 28	353
Глава 29	368
Глава 30	385
Глава 31	399
Глава 32	413
Глава 33	422

Мария Никольская

Предание о балии

Посвящается моему мужу.

Ты мой свет во тьме.

Без тебя эта книга никогда бы не родилась.

Пролог

Сухие осенние листья скрипели под ногами Есени, но она не замечала ни багряно-желтой красоты вокруг, ни яркого предзакатного неба. Единственная мысль билась внутри: «Скорее, скорее».

Она спешила домой, стараясь успеть раньше матери, которая запрещала Есени выходить после захода солнца. В это время Морена, богиня зла и смерти, бродила по земле в поисках заблудших душ. Таковы были предания деревни, где жила Есени, но ей они казались сказками, выдуманскими взрослыми, чтобы пугать маленьких детей. Она в свои почти семнадцать летних пор давно уже выросла из страшилок, что рассказывают у огня.

Однако мать не разделяла ее сомнения, и правило в их доме было всегда одно: приходить домой до навьевого часа. Есени жила вдвоем с матерью Анастасией, отца своего она не знала, да и знать не хотела. Объяснение матери, что он бросил их и ушел искать лучшей жизни в дальние края, вполне устраивало Есению. У нее была любящая, хоть и строгая мама и полно питомцев, о части из которых Анастасия знала, но о большинстве и не ведала. Сколько себя помнила, Есени всегда заботилась о животных, как домашних, так и диких (к недовольству ее матери). Они слушались ее, собаки никогда не кусали, кошки не царапали, и даже старый

осел соседа, дяди Казимира, славившийся крутым нравом, при виде Есении вел себя как ягненок.

Поговаривали, что дар передан ей от матери, знаменитой в деревне знахарки. Анастасия лечила всю деревню от любой хвори. Все знали: что бы ни случилось, надо бежать к знахарке, она и ногу маленькому Ване, что полез через забор, вправит, и лихорадку у старой бабушки Лады вылечит.

Шестнадцать лет назад Анастасия появилась в долине, что притаилась у подножия могучих, покрытых плотным ковром деревьев гор, с маленькой Есенией на руках. Деревня Удолия была совсем небольшой, она находилась на окраине королевства Элейния.

Удолия была расположена далеко от столицы, и время будто обошло ее стороной. Жители деревни с подозрением относились ко всему новому и непонятному, а именно таким им показалось появление Анастасии. Сначала дом «чужачки» обходили стороной. Поговаривали, что она водит дружбу с Чернобогом, повелителем темных сил и недугов, что она принесет несчастье в деревню. Слишком уж она была молода и красива: высокий стройный стан, черные как ночь волосы до талии и яркие зеленые глаза, как у ведьмы.

Оправдать жителей деревни можно лишь тем, что так говорили обо всем новом, что появлялось в их тесном мирке, да и зависть человеческая заставляет совершать много ошибок.

Скоро, однако, Анастасия стала незаменимой в деревне,

ведь только она знала, какие травы помогут уйти хвори из тела, какое снадобье выбрать от бессонницы, какой отвар нужно пить, чтобы ребенок родился здоровым. Старожилы еще поворчали, мол, «нечего всяким чужакам доверять», но когда Анастасия вылечила маленькую дочку старосты, то тут уже и говорить было нечего, в деревне ее приняли.

С тех пор Анастасия помогала жителям чем могла, и растила дочку Есению, которая была непохожа на мать, как день непохож на ночь: была она совсем мала ростом и хрупкая, точно колосок, длинные, жемчужно-белые волосы струились за спиной, но самое странное в ней – глаза разного цвета: один голубой, другой карий, как жженный сахар.

Люди удивлялись, в кого же Есения такая пошла, и решили, что в отца, которого в деревне никто никогда не видел. Хотя она и выглядела так, будто любой ветерок может ее сдуть, точно бумажную фигурку, жители деревни давно не обманывались ее безобидным внешним видом. Есения росла настоящим сорванцом. Если где-то случалась какая-нибудь шалость, все знали, кто за этим стоит, были ли это выпущенные на волю из загона свиньи или пропавшее исподнее дяди Казимира, чудесным образом оказавшееся на самой высокой ветке.

Однако к шестнадцати летним порам Есения повзрослела и уже меньше бегала с соседскими мальчишками за ягодами, возвращаясь перемазанная, как чертенок. Все больше ею овладевала задумчивость, которая так свойственна девуш-

кам ее возраста. Сверстницы Есении уже все влюблялись, да не по одному разу, все как будто за день стали старше ее, а она так и осталась ребенком. Она хотела больше походить на этих девушек, ей не нравились ни ее белые волосы, ни глаза разного цвета. «Я похожа на старуху», – часто думала Есенин, подолгу разглядывая себя в потертом зеркале.

Разные глаза в деревне считали печатью злого Чернобога, и многие жители начали сторониться ее, словно она вдруг за пару лет превратилась в проклятую. У Есении было мало друзей, мать ограждала ее неизвестно от чего, и чаще всего приходилось сидеть дома или, когда становилось совсем скучно, гулять в лесу неподалеку.

К семнадцати летним порам она уже разбиралась в целебных травах, где они растут, как их правильно смешивать, могла даже приготовить несложный отвар для снятия головной боли. Мать хотела, чтобы она продолжила ее дело, но Есенину мучило гнетущее чувство несогласия с такой судьбой. Она не хотела всю жизнь провести в деревне, на одном месте. Незведанные просторы манили, обещая другую жизнь.

Глава 1

Есения забежала в маленькую избу, и, быстро заперев дверь, оглянулась по сторонам. Все было тихо, мать еще не вернулась. Оратай, большой черный пес, выскочил из-под лавки, но узнав ее, сразу подошел и начал ластиться к ногам. Мать не одобряла, что Есения пускала пса в дом, ведь его место было во дворе, но Оратай был старым, защитник был из него так себе, так что со временем он превратился в совсем домашнего.

Напряженные мышцы Есении наконец расслабились, дыхание чуть замедлилось. Мать сегодня пошла на другой конец деревни, где хворала старушка Добрава, одна из старожилков. Говорили, что жить ей осталось считанные дни, и мать, как могла, облегчала ее страдания. Именно поэтому она так задержалась и не поймала Есению. Она собирала в лесу целебные травы и не заметила, как быстро пронеслось время. «Еще бы чуть-чуть, и меня бы схватила Морена», – хмыкнула про себя Есения.

Она налила в глиняный горшок воды и поставила в очаг, чтобы приготовить чай к приходу матери. Та оставила ей ужин, и, не зная, когда мать вернется, Есения поела без нее. За окном ночь постепенно открывала свои объятия, мир как будто затих в предвкушении волшебства. Есения всегда любила это время дня, хотя другие жители и считали его дур-

ным, когда нечисть вылезает из своих укрытий. Для Есении же это было время покоя, все тревожные мысли отпускали ее, и можно было просто сидеть и смотреть в окно на растилающуюся ночь.

Есенина подумала, что мать скорее всего останется на ночь у постели больной и поднялась по маленькой лестнице в свою постель под самой крышей.

Разбудил ее звук гремящей внизу посуды. Спустившись вниз, Есенина увидела, как мать разбирает травы, собранные вчера в лесу. Воздух был наполнен запахом горького дикого перца и пряного чабреца.

Мать обернулась, коротко бросив:

– Доброе утро. Завтрак на столе.

Чай был ароматным и обжигающим, как и ржаные лепешки. Есенина удивлялась, как мать всегда знала, когда она спустится к завтраку. Ворожба, не иначе.

– Как там старушка Добрава? – спросила Есенина, разделавшись с едой.

– Так же, как и предрекалось, со дня на день линия ее жизни прервется, – спокойно ответила мать.

– Ты сегодня опять пойдешь к ней?

– Да, сейчас закончу здесь и сразу отправлюсь, а что, ты что-то хотела спросить, Есенина?

Мать всегда видела ее насквозь. Есения хотела отпроситься на Праздник урожая. Деревенские девушки собирались разводить большой костер, петь песни и вплетать ленты в волосы. Это был праздник, когда молодых не заставляли идти домой до захода солнца. Считалось, что в ночь осеннего равноденствия Морена не может забрать тебя или натравить свою нечисть из Нави – мира мертвых. Поговаривали, что в эту ночь можно найти своего суженого, если задобрить богиню Мокошь, что нитями сплетает судьбы людей.

Есении очень хотелось пойти еще по одной причине: поговаривали, что на празднике будет сын старосты Игорь, глядя на которого у Есении в последнее время сердце билось быстрее. Однако она знала, что матери не понравится ее просьба, ведь с тех пор как ей исполнилось шестнадцать летних пор, мать перестала отпускать ее гулять после навъего часа, без исключений: будь то Праздник урожая или обычный день.

– Есения, ты же знаешь, тебе нельзя выходить... – начала Анастасия.

– Но я не могу понять почему, мама. Все остальные пойдут, и никто сегодня не боится Морену! – Есении было обидно до слез.

– Я не могу объяснить тебе всего, дочка. Ты должна понять и довериться мне.

Но Есения не понимала, и в ее голове стал рождаться план побега.

Мать должна была ухаживать за Добравой до поздней ночи, поэтому Есения вполне могла сбежать ненадолго на Праздник урожая. Она знала, что мать доверяет ей, послушаться было совестно. Потом она подумала об Игоре, как он приглашает ее потанцевать, как нежно прикасается к лентам в ее волосах, и решила, что на пару часов она уж может отлучиться.

Прочитав быструю молитву богу Велесу, приносящему удачу, Есения тихонько выскользнула из дома. Ей все казалось, что сейчас она услышит голос матери, которая спросит, куда она собралась. Но все было тихо. Изба их стояла на окраине деревни, и издали Есения услышала манящие звуки музыки и задорного смеха. Праздник начался. Она побежала, сразу забыв о своих метаниях.

Большой костер возвышался на главной площади, в самом сердце деревни. Вокруг него уже танцевали молодые парни и девушки в ярких нарядах. Блузки девушек: ярко-оранжевые, как пламя, лазурно-голубые, пурпурные, словно спелая ежевика, горели разноцветными огнями. Ленты в их волосах летели по воздуху, словно ветер ласкал их своими пальцами, глаза их сверкали, как драгоценные камни. Даже самая неказистая девушка деревни сегодня казалась красавицей, окутанной волшебством. Парни смеялись, хватали девушек за

руки и кружили, кружили, пока их голоса не сливались в одно целое.

Есения пожалела, что не сшила себе нарядной блузки, но нужно было благодарить судьбу, что она вообще попала на этот праздник. Взгляд ее скользил между танцующими, пытаясь отыскать золотистые, как колосья, волосы Игоря. Вдруг она почувствовала движение за своей спиной и низкий голос спросил:

– Меня ищешь?

Есения обернулась и встретилась взглядом с сыном старосты, на его губах играла усмешка. Она вдруг смутилась.

– А если и так, то что? – спросила она.

– А то, что тогда я потанцую с тобой.

И Игорь увлек Есению прямо к костру, они влились в быструю пляску. Он держал ее за руки, обнимал за талию, и большего она на тот момент не могла и желать.

Игорь увлек Есению в лес, под большую сосну. Здесь почти не слышно было громкого гула возбужденных голосов, они вдруг оказались совершенно одни. Прилив сил от быстрого танца стал проходить, костер больше не грел. Прохладный ночной ветерок коснулся кожи, и Есения зябко поежилась.

– замерзла? – Игорь подошел совсем близко, и ее окутал

запах дыма и хмельного меда. – Хочешь, согрею тебя?

Все мысли из головы улетучились, когда он положил ладонь на ее щеку. Есения смогла только кивнуть. Первое прикосновение губ было нежным, словно Игорь боялся, что она убежит. Это был первый поцелуй Есени, сердце ее стучало так громко, что она слышала его повсюду: в груди, в руках, в губах.

Почувствовав ее осторожный отклик, Игорь стал более напористым. Его губы, секунду назад такие ласковые, стали грубыми, руки сжимали плечи до боли. Есения попыталась отстраниться, сказала ему прекратить, но он будто оглох. Ее охватила паника, Игорь был слишком силен, и тогда словно что-то вселилось в Есению, и она со всей силы его укусила. Игорь сразу очнулся, отпрыгнул от нее и поднес пальцы к губам: на них была кровь.

– Что ты натворила, глупая девка? – в бешенстве закричал Игорь.

Есения отступила на шаг.

– Я просила меня отпустить, – твердо ответила она.

– Ну, погоди, ты за это поплатишься! Думаешь, ты особенная? Знаешь, сколько девушек были бы счастливы сейчас стоять на твоём месте? – Игорь начал наступать на нее, но тут позади них послышалось рычание.

Обернувшись, Есения увидела волка, медленно выходящего из чащи. Раньше она видела их только в книгах, что показывала ей мать, но никакие истории не могли подгото-

вить ее к встрече с этим диким и опасным животным.

Волк был большим, его шерсть цвета песка отливала золотом. Янтарные глаза серьезно посмотрели на Есению, словно волк понимал, что происходит. Затем его взгляд переместился на Игоря, волк низко зарычал и сделал шаг к нему. Игорь побледнел, казалось, он не мог пошевелиться от страха.

Позже Есения пыталась понять, что двигало ею, когда она встала перед сыном старосты, защищая его. Ноги будто сами несли ее, она сделала шаг вперед, прямо к волку. Тот перестал рычать и уставился на нее немигающим взглядом. Будто во сне, Есения подняла руку, когда Игорь наконец очнулся и зашипел ей на ухо:

– Ты что делаешь, идиотка? Он тебе руку откусит!

Но на Есению вдруг сошло абсолютное спокойствие. Она поднесла руку к волчьей морде, почему-то зная, что он ее не тронет. Однако она не ожидала того, что произойдет: волк прижался к ее ладони, будто требуя ласки.

– Ты – ведьма! Проклятая! – в ужасе вскрикнул Игорь и со всех ног бросился бежать назад к костру.

Странно, но Есения еще никогда не чувствовала себя в большей безопасности, чем с этим волком. Он посмотрел на нее и, не зло рыкнув, медленно пошел обратно в лес, где растворился в ночи.

Есения шла обратно к площади как во сне. То, что случилось, просто не могло произойти. Конечно, животные все-

гда ее слушались, она хорошо управлялась с ними, но чтобы дикий волк прижался к ее руке – нет, это явно был сон. Но недолго ей было пребывать в раздумьях. Едва Есения вышла к костру, то увидела, как странно все смотрят на нее. «Быстро расходятся новости», – мрачно подумала она. Сердце ее замерло, когда среди жителей деревни Есения увидела мать, что смотрела на нее с разочарованием. Есения подошла к ней, и единственное, что мать смогла вымолвить, было:

– Домой. Быстро.

Глава 2

Есения была наказана. С того дня, как она сбежала на праздник, мать запретила ей выходить из дома, даже в лес за травами. Она почти не разговаривала с Есенией, только время от времени бормотала себе под нос про глупых девчонок, что никогда не слушают своих мам.

Есения понимала, что разочаровала ее, но все-таки наказание было слишком суровым. Мать больше не отлучалась из дома надолго, и Есения знала, что теперь за ней следить будут еще пристальнее. Только Оратай стал ей компанией, верный друг, что никогда не предаст.

Не то чтобы ей очень уж хотелось выходить из дома. После истории в лесу половина деревни ее побаивалась, шепот: «Проклятая!» – доносился до нее со всех сторон. Оставшаяся же половина показывала пальцем, ведь Игорь все представил так, будто это она к нему приставала.

Он рассказывал всем леденящую душу историю, что она, мол, заманила его в лес, набросилась на него, а когда он пытался вырваться, натравила на него дикого волка. «Да, раненая мужская гордость и не такие истории выдумывает», – размышляла Есения. Любовного увлечения Игорем после этого как ни бывало. Ей были неприятны все эти пересуды, но по сравнению с угрюмым молчанием матери они не сильно ее задевали.

Мать и так говорила немного, а теперь их трапезы проходили в полном молчании. На четвертый день Есения не выдержала и спросила:

– Ты теперь со мной никогда не будешь разговаривать? Я же извинилась, мне стыдно, что я сбежала, хотя ты мне и запретила! Я что, буду теперь дома до скончания веков сидеть?

Мать продолжала есть, не поднимая глаз. Есения взорвалась:

– Тебе не кажется, что ты уже достаточно меня наказала? Что ты от меня еще хочешь?

На этот раз она добилась своего. Мать резко выдохнула и зло отбросила ложку.

– Достаточно наказала? Ты хоть понимаешь, как опасна была твоя выходка? Я чуть с ума не сошла, когда увидела, что тебя нет! Этот волк в лесу мог разорвать тебя на части!

– Но не разорвал! – закричала Есения. – Он прижался к моей руке, я же говорила! Он не стал бы нападать на меня!

– Ах, не стал бы? Да тебе просто повезло, глупая ты девочка!

– Я уже давно не маленькая девочка, мама! Почему ты не веришь, что волк меня послушал? Я уверена, он был разумен и...

– Все, хватит! – мать встала, глаза ее гневно сверкали. – Иди спать, Есения, мы больше не будем это обсуждать!

– Но, мама...

– Иди Есения, не заставляй меня еще сильнее тебя нака-

зывать!

– Сильнее твоего наказания только смерть, мама! – громко топая, она поднялась по лестнице наверх и легла в постель. По ее лицу струились слезы обиды.

«Ну почему она мне не верит?» – была последняя мысль Есении, прежде чем она забылась тревожным сном.

Несмотря на то, что мать все еще злилась на Есению, ей пришлось попросить дочь о помощи. Она была единственной знахаркой на всю деревню и всегда очень рассчитывала на Есению, которая собирала полезные травы в лесу и помогала сушить их. Утром, через неделю после случая на Празднике урожая, они с матерью отправилась в лес, пополнить запас целебных трав. Есения была так рада наконец выбраться из дома, что даже угрюмое молчание не слишком ее волновало. Она с наслаждением вдыхала лесной воздух, наполненный ароматом прелых листьев и хвои. Горы-великаны обнимали деревню с двух сторон и сейчас, сплошь покрытые огненно-желтым платком, они привлекали к себе внимание, словно нарядная девушка, зардевшаяся от похвалы.

Мать отошла вглубь леса в поисках целебных трав, а Есения обнаружила под большим трухлявым пнем кустики спелой брусники. У нее было прекрасное настроение впервые за эту неделю, она даже начала тихонько напевать себе под нос.

Неожиданно она услышала, как кусты недалеко от нее зашевелились. Есения, помня недавнюю историю, уж подумала, что снова какой-то зверь пришел из чащи. Однако через секунду она смогла различить тихие шепотки. Поднявшись на ноги, Есения пошла в сторону кустов, но тут из них выскочили несколько мальчишек, все примерно от семи до десяти летних пор. Они с опаской глядели на нее.

– Привет, – дружелюбно произнесла Есения. – Что вы делаете в этом лесу? Здесь могут быть дикие звери.

– Мы знаем, кто ты! – зло произнес самый старший мальчик, выйдя чуть вперед. – Ты водишь дружбу с Чернобогом! Ты проклятая!

Не успела она как-то отреагировать на это глупое обвинение, как первый небольшой камень ударился о землю возле ее ног. Тогда она и поняла, что мальчишки не просто пришли погулять по лесу. Они выследили ее.

– Получай, проклятая! – закричали мальчишки, забрасывая ее камнями.

Они стояли далеко от Есени, видимо, побаивались подходить ближе. Однако все же один камень попал в нее, больно ударив по руке, а другой оставил царапину на лице. Есени нечем было защититься. Нападение было столь внезапным и жестоким, что она даже не подумала убежать, да и это было не в ее характере. Зная, что они напали на нее из-за истории с волком, она закричала:

– Ах вы, мерзкие мальчишки! Вот сейчас я призову

огромного медведя из леса, и он всех вас съест!

Угроза сработала, и дети, испуганно крича, бросились врассыпную. На ее крик прибежала мать. Длинная коса расплелась за ее спиной, так она спешила. Мать обняла Есению за плечи, стараясь не задеть рану.

– Мне жаль, что так случилось, милая. Они действительно верят, что ты можешь призывать животных, а это для них – признак темных сил.

– Похоже, все в деревне верят в эту мою способность. Все, кроме тебя, – с горечью произнесла Есения.

Вырвавшись из хватки матери, она зашагала к дому.

Царапина на лице и синяк быстро зажили, но душевные раны залечить было не так просто. Есения всегда чувствовала, что отличается от других, тем более мать не поощряла ее дружбу с деревенскими ребятами. Однако она первый раз столкнулась с такой ненавистью и не понимала, чем заслужила ее. Злость на мать росла с каждым днем. Каждый раз, когда Есения пыталась завести с ней разговор о волке, та ее прерывала.

Через несколько дней после того, как они ходили в лес, среди ночи разразилась сильная гроза. Громкий треск прервал сон Есении, заставив ее подпрыгнуть на постели. Сердце ее громко стучало, и первой мыслью было позвать мать,

но тут она поняла, что это всего лишь гром. На улице природа показывала всю свою мощь. Косые ливневые нити заливали окошко под крышей, ветер швырял листья и ветки. Внизу, под лавкой, скулил Оратай.

«Я и правда как маленькая, чуть что, сразу маму звать», – отругала себя Есения. Она по привычке посмотрела вниз, где обычно спала мать, но постель была пуста. «Видимо, пошла к больному, хотя в такой поздний час и в такую погоду...»

Есению охватило тревожное предчувствие. Она спустилась по лестнице и посмотрела в окно. На улице, с левой стороны избы, Есения увидела две фигуры. В одной из них она сразу узнала мать, но вторая была ей незнакома. Ее затопило любопытство: с кем мать разговаривает так поздно и почему она не приглашает гостя в дом в такой жуткий ливень. «Нет, здесь явно что-то происходит», – решила она. Она накинула на себя плащ, что висел у входа, и потихоньку выскользнула из дома.

Очень осторожно, чтобы вдруг мать не услышала, Есения кралась вдоль передней стены избы, пытаясь услышать хоть что-то. Тихо выглянув из-за угла, она увидела, что мать разговаривает с мужчиной, высоким и стройным. Больше ничего разглядеть было невозможно, дождь заливал глаза. Есения прислушалась, и то, о чем они говорили, заставило ее окаменеть.

– Ты не имела права утаивать ее от короля, Анастасия. Есения принадлежит ему, как и все рожденные с даром ба-

лий, – голос мужчины был низок и суров.

– Я не отдам ее королю. Ты знаешь, что произошло с другими, Оборотень! – еще никогда Есения не слышала, чтобы мать говорила так отчаянно.

– Ты ведь знала, что как только ее дар проявится, я найду вас. О чем ты думала? Сила Есении растет, как ты собиралась скрывать это от всех? Ее нужно учить, и это была твоя обязанность.

– Я не смогла, – Мать сказала это так тихо, что Есения едва слышала. – Я полюбила это дитя, она не заслуживает участи, уготованной ей.

– Это не тебе решать, – мужчина вздохнул. – Она не твоя дочь, Анастасия. Ты хотя бы рассказала ей про дар?

– Она слишком хорошо ладит с животными и понимает, что отличается от остальных людей. Но я пыталась защитить ее от правды.

– Это было глупо, ведь теперь она окажется в мире совсем незащищенной. Ей почти семнадцать летних пор, а она ничего не знает ни о своем даре, ни как им управлять. Ты не защитила ее, Анастасия, ты не оставила ей ни малейшего шанса выжить.

Есения будто онемела изнутри. После слов о том, что Анастасия ей не мать, в ушах появился гул. Ее словно захлестнула огромная волна, и она тонула в ней, не могла сделать ни вдоха. Как будто во сне, она вышла из своего укрытия и подошла к говорившим. Есения не видела, как спокойно по-

смотрел на нее мужчина, будто все время знал, что она прячется за углом и подслушивает. Она же не отводила взгляд от матери.

– Это правда? – тихо спросила Есения.

Мысли приходили к ней словно через густой туман.

– Есения, вернись в дом сейчас же, ты вся промокла, – воскликнула Анастасия.

– Это правда? Не лги мне. Ты мне не мать, ты... Кто ты вообще?

Анастасия виновато смотрела на нее, по лицу текли слезы, а может, это был просто дождь, заливающий все вокруг.

– Есения, милая, ты не понимаешь! Ты была приговорена с рождения! Король использует таких, как ты, в своих интересах, я пыталась лишь защитить тебя.

Но Есения не слышала оправданий матери, в ее голове словно ударами билось слово: «Ложь, ложь, ложь». Она испытала такую ярость, будто все ее тело охватил пылающий огонь.

– Вся моя жизнь – твой обман. Ты почти никуда не отпускала меня, не хотела, чтобы я общалась с деревенскими ребятами, ходила куда-то помимо леса. Даже после того, что произошло на Празднике урожая, ты отрицала любое мое слово о том, что волк меня понимал. У тебя было полно времени, чтобы сказать мне правду. Но ты только лгала и лгала, – теперь Есения уже не сомневалась, что Анастасия плачет, но в этот момент ей было все равно. Она чувствовала

себя как осенний листок, который ветер несет далеко-далеко, оторванный от всего, что ему дорого.

Есения повернулась к мужчине с льдистыми голубыми глазами, что обманчиво спокойно стоял, прислонившись к стене дома, который еще минуту назад она считала своим. Из-за короткой темной бороды он сначала показался ей старым, но сейчас она с удивлением поняла, что, несмотря на грозный и низкий голос, он был совсем молод, ненамного старше ее.

– Вы расскажете о моем даре? – спросила она. – Заберете меня отсюда?

– Именно так, маленькая Есения, – насмешливо протянул он.

– Что ж, значит, я пойду собирать вещи, – сказала она, развернувшись к дому.

Вдруг раздался отчаянный крик. Мать бросилась к ней.

– Нет, Есения, подожди, послушай меня! Тебя нельзя идти с ним, ему до тебя нет дела, он тебя погубит!

Не успела она сделать даже вздох, мужчина уже оказался рядом с матерью. Он схватил ее за горло и прошептал очень тихо, но Есения все равно услышала каждое его слово:

– Ты уже достаточно натворила, Анастасия. Предупреждаю, не стой у меня на пути. Я ищейка короля, ты же знаешь, – он еще немного сжал руку на горле, и Есенин показалось, что вместо кончиков пальцев у него появились когти. Она сразу же отбросила эту мысль, потому что это было

невозможно.

Мать с ужасом смотрела на незнакомца, и, какой бы гнев Есения сейчас ни испытывала, она не могла на это смотреть.

– Стойте! – вскрикнула она. – Не надо делать ей больно. Я же сказала, что пойду с вами.

Мужчина отпустил Анастасию и посмотрел на Есению. Его глаза снова стали насмешливыми, словно ничего и не было.

– Ну что ж, так тому и быть. Иди собирайся.

Есения сделала, как он сказал, стараясь не замечать умоляющий взгляд матери, который просил ее передумать. Она зашла в дом, не переставая думать о том, что увидела: ей показалось, что, когда мужчина держал горло ее матери в тисках, в его глазах на секунду промелькнула боль.

Но это сейчас было неважно. Похоже, приключения, к которым она так стремилась, наконец нашли ее. Отчего же в груди тогда так болело?

Глава 3

Алый рассвет занимался над долиной, когда Есения покидала Удолию – единственное место, что она знала. Душа ее была в смятении, долг и жажда приключений боролись между собой. Она понимала, что будет скучать по долине, по Оратаю, по... матери. Есения пыталась перестать называть ее так, но глупое сердце все никак не унималось, пытаясь найти Анастасии оправдание.

Оборотень шел рядом с Есенией, почти не обращая на нее внимания. Когда она спросила, почему его так зовут, ее спутник ответил, что он – ищейка и привык менять лица в погоне за добычей. Есении показалось это объяснение достаточно странным, но она промолчала. С тех пор Оборотень не произнес ни слова. Казалось, он потерял к ней всякий интерес и был глубоко погружен в свои мысли. Есения не знала, с чего начать разговор, вопросы роились у нее в голове, словно дикие пчелы.

До Хорсана, столицы Элейнии, был примерно месяц пути. На лошадях до города можно было добраться быстрее, но Оборотень почему-то предпочитал путешествовать на своих двоих. Есения не возражала, она немного побаивалась его, да и на лошади сидела всего-то пару раз в жизни.

К концу первого дня пути, когда даже высокие горы – последнее напоминание о доме, скрылись вдаль, они сдела-

ли привал в лесу. Оборотень разжег огонь, и они перекусили припасами, что Есения захватила из дома. Она украдкой рассматривала своего спутника. Непослушные волосы цвета черного янтаря постоянно падали ему на лоб, но, казалось, его это не слишком волновало. Стройное тело напоминало Есени диких лесных котов, о которых она читала в книгах. Опасные хищники, они заманивали жертву в лес и там набрасывались.

– Увидела то, что тебе понравилось, маленькая Есения? – насмешливо произнес Оборотень, поймав ее за разглядыванием.

Она густо покраснела и выпалила:

– Почему ты называешь меня маленькой? Я же не ребенок!

Оборотень рассмеялся:

– Ты когда-нибудь видела птиц пеночек? Несмотря на то, что они очень скромного размера и неприметны на вид, эти птицы поразительно красиво поют. Ты напоминаешь мне их.

Есения не знала: обидеться ей на такое сравнение или чувствовать себя польщенной. В итоге она решила никак не реагировать, чтобы не выставить себя душой.

– Мне кажется, ты сам немногим старше меня. Сколько тебе летних пор?

Оборотень покачал головой, улыбка растаяла, приоткрыв непонятную Есени горечь.

– Ты неправа, я намного старше. И может, тебе кажется,

что мы на равных, но не обольщайся, Есения. Я здесь, чтобы обучить тебя хотя бы минимальным навыкам владения силой. То, что другие девушки с даром балий знают с детства, тебе придется осваивать за месяц нашего пути. Анастасия была варити, защитницей. Она обязана была беречь тебя и до шестнадцати лет рассказать о твоём даре. Но она поступила эгоистично и спрятала тебя. Ты должна бросить все свои силы на изучение дара и во всем слушать меня, ты поняла?

Есения могла только кивнуть.

– Вот и отлично, – Оборотень вздохнул, будто этот разговор его утомил. – На рассвете мы начнем тренироваться, так что советую хорошо отдохнуть. Я не буду давать тебе поблажек.

Он лег возле костра и отвернулся от нее. Видимо, разговор был окончен.

Есения внезапно проснулась. Вокруг было темно, значит, вставать еще не время. Ее разбудило какое-то предчувствие. Но предчувствие чего? Есения посмотрела на место, где спал Оборотень, но там никого не было.

«Где же он? Надеюсь, не бросил меня», – вдруг испугалась Есения. Она встала и осмотрелась, но не было никаких следов ее спутника.

Вдруг невидимая сила поманила ее в лес. «Это безумие,

там наверняка полно диких животных, а мне даже защитить себя нечем», – подумала она, но странная тяга не оставляла, и Есения стала медленно продвигаться все глубже и глубже. Деревья здесь росли ближе друг к другу, и в какой-то момент ей пришлось продираться сквозь их ветви. Они обступали ее со всех сторон, Есения начала задыхаться, но неожиданно все закончилось, и она оказалась на небольшой поляне.

На ней, освещенный лунным светом, лежал ирбис. Шерсть его переливалась всеми оттенками серебра, от нее будто исходило сияние. У Есении перехватило дыхание от красоты этого потрясающего животного. Ирбис был огромен, он не был похож на своих собратьев из книг. Есения стояла далеко, и зверь, видимо, не слышал ее. Он медленно поднялся на лапы, выгнул спину. Она подумала, что ирбис сейчас уйдет в лес, но тут животное громко заревело. Рев был таким яростным и полным боли, что у нее внутри все перевернулось. Но то, что открылось ее глазам, было просто невозможно.

Ирбис начал менять форму. Вместо огромных лап появились человеческие руки и ноги, его тело издавало громкий треск, словно ломалась каждая кость. Есения стояла, будто окаменев. Было ясно, что превращение заставляло ирбиса испытывать безумную боль. Последней обратилась голова животного, и вот уже на поляне стоял человек... причем обнаженный, хотя в темноте едва ли можно было рассмотреть что-то, кроме его очертаний.

Есения потрясенно выдохнула и, невольно шагнув назад, наступила на сухую ветку. Хруст показался оглушающим в ночной тишине. Получеловек-полуирбис медленно обернулся на звук. На Есению смотрел Оборотень.

Не разбирая дороги, Есения бежала обратно к костру. Ветки цеплялись за ее платье, хлестали по лицу, но паника гнала ее вперед. Сейчас она не могла осмыслить то, что увидела. Когда Оборотень сказал, что меняет лица, она и представить себе не могла, что он может превращаться в животное.

Есения вздохнула с облегчением, когда впереди показался свет костра. Его оберегающие объятия согрели ее, страх немного отступил, но все же она, заметив неподалеку большую палку, спрятала ее за спину. Через несколько минут Оборотень, уже полностью одетый, вышел из чащи.

Вздыхнув, он спросил:

– Что ты видела?

Есения крепче сжала палку, ее шершавая кора больно впиалась в руку.

– Ты был ирбисом, а потом... Потом превратился в человека. Мне показалось, что это приносит ужасную боль, Оборотень! Кто ты такой на самом деле?

Он задумчиво молчал несколько минут, словно собираясь

с мыслями. Затем перевел взгляд на темный лес впереди и сказал:

– Я расскажу. Но сначала выбрось этот сучок, ты что меня им огреть собиралась?

Есения поморщилась, но отложила палку. Недалеко.

– Что ты знаешь о лесе Гринхорн? – нахмурился Оборотень.

– Это волшебный лес из сказок? Где живут разумные животные, которые намного превосходят знаниями людей? – удивилась она.

– Да. Вот только это не сказки. Лес существует на самом деле, и я там вырос.

Есения не знала, верить ли ей тому, что говорит Оборотень. С другой стороны, она только что видела, как он превратился из ирбиса в человека, удивляться ли теперь, что лес, который она всегда считала выдуманным, существует на самом деле?

Тем временем Оборотень продолжал свой рассказ:

– Лес Гринхорн не всегда был лишь сказкой. Когда-то давно обитатели леса жили в мире с людьми. Они делились своими знаниями, а в ответ ждали, что люди не будут приходить к ним с дурными намерениями. Так было не одну сотню лет. Однако человеческая жадность не знала пределов. Завоевав все земли и подчинив их себе, люди не остановились, их желания лишь росли, и взоры их обратились на Гринхорн. Король людей Драгомир созвал многотысячную армию, чтобы

уничтожить лес и забрать богатства, что он хранил. Люди пришли в лес, убивали всех животных на своем пути и жгли многовековые деревья.

Однако, когда они дошли до центра леса, на поляне их ждал огромный олень. Его рога были настолько велики, что казалось, будто они касались небес, и были они покрыты мхом и цветами. Это был хозяин леса, великий защитник животных. Олень спокойно смотрел на людей, что пришли в его дом с жаждой власти и крови. Он предупредил их, что, нарушив договор о мире, они обрекут себя на вечные страдания. Но люди не послушали хозяина леса. Вытащив мечи, они бросились на оленя, но тот исчез.

Неожиданно громкий гул раздался из-под земли. Из самых недр, сметая все на своем пути, вылезли гигантские растения. Будто щупальца морского чудовища, они нападали на людей и затаскивали их под землю. Со всех сторон раздавались крики и мольбы о помощи. Но через несколько минут и они затихли. На поляне не осталось никого. Весь отряд короля и сам Драгомир не вернулись домой из леса Гринхорн. Лишь одному человеку удалось спастись. Сын короля Владислав, тогда еще совсем ребенок, любопытный и непослушный, пробрался на поле боя. Он так и не смог забыть, что он видел в том лесу, как и не мог понять, почему его пощадили. Но принц не испытывал благодарности. Черные мысли овладели им с тех пор, и только жаждой мести он жил, передавая свое безумие из поколения в поколение, от отца к сыну.

Однако при жизни новому королю не удалось осуществить задуманное. С той битвы лес Гринхорн закрыл свои врата от людей. Никто больше не мог зайти туда, лес оградил себя магией, словно барьером, чтобы больше никогда не допустить вторжения. Люди молились Великому Оленю, защитнику леса, но он был глух к ним. С тех пор прошло уже двести лет, люди постепенно стали забывать о существовании Гринхорна. История превратилась в легенду, а позднее лишь в сказку для детей.

Оборотень замолчал. Есения была поражена настоящей историей леса Гринхорн. Неужели все, что она читала и видела в книгах, было правдой?

– Ты сказал, что родился в Гринхорне, но как это возможно, если лес закрылся от людей?

– Я лишь наполовину человек. Внутри меня живет зверь, и таких, как я, называют оборотнями. В мире людей никто не знает, что это значит, ведь это слово из давно забытых времен. Поэтому я взял себе его как имя, когда ушел из Гринхорна. Младенцем меня подкинули к лесу. Я был первым человеком, кого лес принял за многие годы. Существа из Гринхорна вырастили меня как одного из своих.

Оборотень сделал паузу, и Есения поняла, что это не дает ему покоя. «Какая боль скрывается за этим молчанием?» – подумала она.

– Со временем я стал слышать зверя внутри. Он всегда рядом, сидит в глубине и требует, чтобы я его выпустил. Но,

как ты могла заметить, это приносит ужасную боль. Я пытался не обращаться, но ирбис не может долго спать. Я научился обращаться по своему желанию, а не по желанию зверя, но я вынужден делать это не меньше раза в неделю, чтобы он не выбрался в неподходящий момент.

– Ты же...можешь сдерживать его, ну, когда оборачиваешься ирбисом? – осторожно спросила Есения.

– Да, не бойся. Ушли годы, но я смог его контролировать. Даже когда ирбис на свободе.

Страх отступил, и на его место снова проскользнуло любопытство.

– Как ты стал ищейкой короля?

– Когда я покинул лес, мне некуда было идти. Король Радислав, отец нынешнего короля, взял меня к себе на службу. Моя обязанность – сопровождать таких, как ты, Есения, тех, кто умеет приручать животных, в замок короля. Мой дар – чувствовать силу балий – оказался полезным в этот раз. Раньше никто из варити не осмеливался выкрадывать балий. Как только ты проявила свой дар, я сразу почувствовал, где ты. Думаю, это произошло, потому что я вырос в Гринхорне и связан с ним, как и ты.

– Но зачем королю балии? Что ему нужно от таких, как я?

– Король Земирад пытается вновь заключить мир с лесом Гринхорн. Он является потомком Драгомира, но не одобряет ту кровавую бойню, что устроил его предок. Земирад хочет наладить отношения с жителями леса. Однако Гринхорн не

откликается на зов людей. Король верит, что балии, заклинатели, смогут наладить контакт с жителями леса и вернуть те времена, когда Гринхорн и люди существовали в мире.

Есения пыталась осмыслить все, что рассказал Оборотень. Она не представляла, что ее ждет такая ответственность. Немного подумав, она спросила:

– Оборотень, почему ты ушел из леса Гринхорн, раз ты там вырос?

Но тут словно тень опустилась на его лицо, и он вновь натянул свою насмешливую маску.

– Вот это уже не твое дело, Есения. Ложись спать, для одной ночи хватит откровений. Отдыхать тебе осталось всего пару часов.

Закутавшись в теплый дорожный плащ, Есения легла у костра. Вопросов у нее стало даже больше, чем раньше. Но Оборотень был прав, нужно было хотя бы попытаться заснуть. Не успела эта мысль мелькнуть у нее в голове, как она уже крепко спала.

Глава 4

Казалось, Есения только прикрыла глаза, и уже наступил рассвет. Она чувствовала себя, будто вообще не спала, хотя Оборотень рядом с ней выглядел довольно бодрым.

– Итак, ты готова? – спросил он.

Есения сонно кивнула.

– Какой энтузиазм, – насмешливо протянул Оборотень. – Мы начнем с основ, я расскажу тебе историю появления балий, и попробуем проверить силу твоего дара. Первые балии, или заклинатели, родились много веков назад. Никто не знает точно, когда дар балий проявился первый раз. При дворе короля в старые времена они всегда были посредниками между людьми и волшебными созданиями из леса Гринхорн. Балии ходили в лес и передавали знания людям. Лишь заклинательницам существа леса Гринхорн позволяли услышать их голос, обычным людям это было недоступно. Когда король Драгомир нарушил перемирие, балии не смогли больше попасть в Гринхорн, ведь они были людьми, а значит – врагами. Новый король, Земирад, хочет вновь установить перемирие с лесом Гринхорн, однако пока все тщетно, лес не отвечает балиям. Именно поэтому я занимаюсь поиском таких, как ты, ваше предназначение – помочь людям связаться с лесом.

– Зачем королю перемирие с Гринхорном? – перебила

Есения. – Что такого ценного в знаниях, что там хранятся?

– Легенды гласят, что жители леса обладают способностью лечить любой недуг, поднимать на ноги тех, кто находится на пороге смерти. Жена короля, София, тяжело больна. Говорят, что ее отравили. Лекарши и знахарш со всего королевства не смогли понять, что с ней. Жизнь утекает из нее и осталось ей недолго. Король готов на все, чтобы ее спасти. Он пытается поговорить с лесом, чтобы его жители помогли королеве.

– Если до сих пор ни одной из балий не удалось поговорить с лесом, почему ты думаешь, что у меня получится?

– Человек способен на великие дела, Есения, стоит лишь захотеть, – ухмыльнулся Оборотень. – Сейчас мы посмотрим, что ты можешь.

Он поднялся и пошел вглубь леса. Есении ничего не оставалось, как следовать за ним. Оборотень вышел на ту же поляну, где вчера она видела его обращение, и встал позади нее. Он был так близко, что Есения чувствовала тепло его тела. От него пахло... летом, деревом, нагретым солнцем, и сочной травой, что только что скошили. Этот запах одновременно пьянил и был неуловимо знакомым, словно она знала его раньше, а потом позабыла.

– Итак, ты должна сосредоточиться, – вырвал ее из мечтаний Оборотень, и она обрадовалась, что он не видит ее багрового лица. – Я хочу, чтобы ты призвала к себе какое-нибудь животное. Начнем с малого, например с кролика. Закрой глаза. Почувствуй внутри себя силу, пусть она напол-

нит тебя. Потом подумай о кролике, чего ты хочешь от него, веди его сюда, покажи ему дорогу. Ты поняла?

– Ничего я не поняла. Как это я должна показать ему дорогу? – спросила Есения.

– Твой дар тебе подскажет. Давай, попробуй.

Есения закрыла глаза и попыталась сосредоточиться. «Так, почувствовать силу, я должна что-то чувствовать, но пока ничего, – с отчаянием думала она. – Может, во мне и нет никакой этой силы и Оборотень ошибся?» Есения постояла так еще пару минут, но ничего не изменилось.

– Я ничего не чувствую, Оборотень. Более того, я даже не знаю, что я должна чувствовать! – разозлилась Есения.

– Ты слишком много думаешь. У тебя не получилось с первых секунд, и ты уже опустила руки? – хмыкнул Оборотень. – Попробуй еще, только в этот раз постарайся ни о чем не думать. Сконцентрируйся на дыхании, слушай только его. Почувствуй свое тело, представь, что у тебя в руках большой огненный шар, и направь его в центр своей груди.

Есения вновь закрыла глаза и сделала как говорил Оборотень. В первые минуты она просто слушала свое дыхание. «Вдох-выдох», – повторяла она про себя, погрузившись в своего рода сон, где не было ничего, кроме ее дыхания. Со временем Есения заметила, что в груди немного потеплело. Она продолжала дышать, и тепло становилось все сильнее и сильнее, пока ей не стало совсем горячо. Тогда она вспомнила, что Оборотень сказал представить кролика.

Есения подумала о животном: вот он сидит в лесу, серый мех с коричневыми крапинками. Он настороженно прислушивается к чему-то, будто готов тотчас сорваться с места и убежать. Но вдруг он успокаивается и медленно начинает двигаться к поляне. Тут Есения открыла глаза и увидела того самого кролика. Он смотрел прямо на нее, но как только она сделала шаг вперед, зверек опомнился и быстро, как молния, убежал обратно в лес.

Есения повернулась к Оборотню, который смотрел на нее с улыбкой. В этот раз в ней совсем не было насмешки.

– Как это возможно? Я представила кролика, и на поляну вышел тот же самый! Это какое-то волшебство, как у меня получилось? – удивленно воскликнула она.

– Ты просто видела его, – сказал Оборотень, – это и есть твой дар, Есения. Ты можешь видеть, где животное находится в данный момент, и призвать его к себе. Но это не все. Ты можешь говорить с ними, не человеческим языком, конечно, но они будут тебя понимать, нужно лишь научиться этому. Сегодня ты впервые почувствовала свой дар, и я удивлен, что у тебя так быстро получилось призвать к себе кролика, многим нужно для этого несколько лет. Обычно балии начинают с насекомых, например с бабочек, но у нас на это нет времени. Тебе придется учиться всему быстро, и я решил проверить тебя. Есения, твой дар намного сильнее, чем у всех балий, что я знал. Может, именно тебе удастся наладить контакт с лесом Гринхорн.

Есенин было немного не по себе. Еще вчера она была обычной деревенской девчонкой, дочкой знахарки без всяких способностей, а сегодня на нее надеялась вся Элейния. Большая ответственность и большая опасность. Что будет с ней, если у нее не получится помочь королю?

– Первая тренировка прошла лучше, чем я думал, но нам пора собираться. Впереди долгая дорога, а я должен доставить тебя к королю как можно скорее. Дальше нам придется тренироваться в пути, чтобы не терять времени, – сказал Оборотень.

Есенин решила не страшиться раньше времени и отбросила сомнения. Если Оборотень прав и ее сила велика, что мешает ей сделать все возможное, чтобы помочь королю? Они собрали вещи и отправились дальше.

Прошло две недели с начала пути. Половина дороги до Хорсана была пройдена. Каждую свободную минуту Оборотень обучал Есенину, как пользоваться даром балий, но дальше кролика она так и не продвинулась. Будто весь потенциал своей силы она потратила на первый раз и больше у нее не получалось. Есенин пыталась призвать оленя, дикого кабана, лису и даже волка (хоть Оборотень ей и запрещал), но все тщетно. Дар больше не слушался ее, и кроме кроликов да белок никого приманить она не могла.

Оборотень немного утратил свой энтузиазм, появившийся после первого ее проявления силы. Есения все чаще замечала разочарование, появляющееся на его лице при каждой ее неудаче.

В тот день, они добрались до деревни и решили заночевать, а утром, на рассвете, отправиться дальше. Есения устала, она все силы тратила на то, чтобы развить свой дар, ей было очень обидно. Оборотень не особенно помогал, видимо, он считал, что она недостаточно старается. Вечером того дня у них разгорелся жаркий спор:

– Я старюсь, делаю все, как ты показывал, чего еще ты от меня хочешь? – кричала Есения.

– Это твой дар, не мой. Я помогал в начале, чтобы ты отыскала его в себе. Сейчас ты сама должна с ним справляться. Нельзя всю жизнь действовать по чужой указке, ты не ребенок и сама можешь с ним совладать! – нахмурился Оборотень.

– Это ты обращаешься со мной как с ребенком, ничего о себе не рассказываешь. Когда я заговариваю с тобой о твоём прошлом, у тебя делается такое лицо, как будто я сморозила несусветную чушь!

Оборотень изменился в лице.

– Вот, видишь, это самое лицо! Мне надоело это все, надоело наше путешествие и ты сам!

Есения разъяренно вылетела из гостиницы, где они должны были ночевать, и пошла вниз по улице. Это была обычная

деревня: пара лавок, где торговали провизией и всем необходимым, маленький храм богу Роду, кузница, главная площадь. Деревня напомнила ей родную деревню, и она загрузила. Весь гнев испарился, оставив за собой лишь горечь.

«Оборотень прав, наверное, я недостаточно стараюсь. Его можно понять, он надеялся на меня, а я его подвела», – вздохнула Есения. Она села на лавку возле кузницы и предавалась невеселым мыслям. Вдруг она услышала крики, раздающиеся с главной площади. Ей стало любопытно, тем более для нее несвойственно было долго хандрить, и она отправилась посмотреть, что там происходит.

Осторожно расталкивая людей, плотной стеной окруживших главную площадь, Есения наконец выбралась, и на секунду, как и все, застыла на месте. В город из леса ворвался большущий бурый медведь. Он дико озирался по сторонам, громкие крики пугали и злили его, видимо, он не мог найти дороги обратно. А люди уже зажигали факелы, готовили оружие. «Они же убьют его!» – с ужасом поняла Есения.

Она побежала вперед, прямо к медведю. В этот момент Есения не думала об опасности, лишь хотела спасти напуганное животное. Люди пытались остановить ее, но она рвалась вперед, пока не выбежала прямо перед зверем. Медведь разъяренно зарычал на Есению. Толпа позади нее ахнула от страха.

Есения протянула к медведю руку. На нее вновь сошло то спокойствие, которое она чувствовала, когда повстречалась

в лесу с волком. Ей показалось, что Оборотень где-то вдалеке выкрикнул ее имя, но она не обернулась. Есения смотрела в глаза зверя, в груди зародилось знакомое тепло, которое становилось все сильнее и сильнее. Медведь уже не рычал, а, успокоившись, медленно приближался к Есении, пока не уткнулся мордой в ее руку. Она ласково погладила его.

– Ты можешь идти домой, я покажу тебе дорогу. Никто тебя не тронет, – тихо приговаривала она.

Медведь чуть отошел, но продолжал смотреть, будто спрашивая разрешения. Есения кивнула, и тогда уже зверь развернулся и побежал к лесу.

Тепло схлынуло, оставив после себя легкую слабость, как от долгой ходьбы. Довольно улыбнувшись, она повернулась к людям, но тут улыбка вмиг исчезла. Жители смотрели на нее с ужасом. Есения будто снова очутилась в своей деревне, где после случая с волком люди так же глазели на нее, как на проклятую, словно она опасна. К ней подбежал Оборотень, его бледное лицо застыло в маске холодной ярости.

– Ты что, с ума сошла? – процедил он. – Ты хоть понимаешь, какой опасности себя подвергла? Он мог тебя одним ударом надвое разорвать, глупая девчонка!

– Они бы убили его, Оборотень, – тихо сказала Есения, коснувшись его локтя. – Кому, как не тебе, понимать ценность жизни животного.

Она видела, как тяжело было Оборотню обуздать гнев, что полыхал в нем от ее необдуманного, как ему казалось, по-

ступка. Он смотрел на нее таким взглядом, словно сейчас с радостью бы огрел ее палкой, но было в нем что-то еще. Что-то, от чего Есения вдруг вспыхнула, а сердце опустилось куда-то вниз. Тут Оборотень отвел глаза и странное чувство растаяло.

– Ты очень напугала меня, Есения, больше так не делай, – строго произнес Оборотень и пошел прочь.

Есения удивилась, что он больше не стал ее отчитывать, но жаловаться не собиралась. На рассвете они покинули деревню, провожаемые угрюмыми взглядами ее жителей.

Глава 5

Есения уже начала привыкать к мысли, что теперь, куда бы она ни пошла, везде ее будут преследовать недобрые взгляды. Она знала, что больше никогда не станет такой, как все.

Шли они практически молча. Оборотень не произнес и нескольких фраз после происшествия на площади. Есения тоже упрямо молчала. Она не считала себя виноватой, что спасла напуганное животное от смерти и не собиралась извиняться. От напряженного молчания Есения старалась отвлекать себя мыслями о Хорсане. Оборотень рассказывал, что из портов столицы велась торговля всего королевства. Она больше всего на свете хотела увидеть Замятное море, опустить ноги в соленые волны. По словам Оборотня, несмотря на середину октября, в столице все еще было тепло, как летом. Даже сейчас солнце грело так сильно, что Есения часто снимала плащ. Любопытно было взглянуть и на замок Ратных, резиденцию королевской династии. Она занимала всю восточную часть города и скоро должна была стать для Есении домом. Но об этом думать было пока страшновато. Оборотень вырвал ее из размышлений, бросив:

– Мы пришли. Сегодня заночуем здесь.

Вдалеке виднелись ворота большого города.

– Что это за город? – сразу забыла о своей обиде Есения.

– Это Горниград, «небесный город».

– А почему он так называется, он же находится на земле?

Видимо, Оборотень тоже не смог удержаться от рассказа.

– Много лет назад он находился на самой высокой горе королевства – Харалуг, окруженный со всех сторон снежными вершинами. Путешественники со всего мира приезжали туда, в надежде хоть одним глазком посмотреть на город, но далеко не каждый мог добраться до него. Путь к Горниграду лежал через острые скалы, он был долог и опасен, только самые смелые отваживались на такую дорогу.

– И что же с ним случилось?

Оборотень замялся.

– Жители не смогли заплатить дань королю... и были посланы вниз, в заброшенную деревню, пока не расплатятся.

– Какой ужас!

– Все мы обязаны подчиняться законам королевства, Есения, – строго произнес Оборотень. – Жителям дали выбор: заплатить дань и жить в мире или отказаться. Видимо, жадность пересилила любовь к дому.

– А может, просто дань была слишком большой... – тихо пробормотала Есения, но Оборотень сделал вид, что не слышит.

Ворота в город были открыты, приветствуя путников. Едва сделав шаг внутрь, Есения будто оказалась в другом мире. Громкие крики торговцев и покупателей, что пытались сбить цену, сливались в один сплошной шум, лавки пестрели

товарами всех цветов и размеров. Все здесь казалось ей ди-ковинным. В воздухе стоял запах чего-то сладкого и острого одновременно, люди были одеты в причудливые и красивые наряды таких фасонов, что Есения устыдилась своего простого деревенского сарафана, обычного и скучного.

Она глазела по сторонам, стараясь не замечать, что Оборотень с усмешкой наблюдает за ней. Есения наслаждалась каждой минутой этого нового для нее мира, чихала от незнакомых пряностей и трогала странные товары в каждой лавке. Оборотень вмешался, когда она чуть не отрезала себе палец странной резной ловушкой, и увлек ее в таверну неподалеку.

Там Оборотень заказал для них по большому куску пирога с мясом и два стакана кваса. В пути они давно не ели горячей еды, поэтому обед проходил в основном в молчании. Каждый из них наслаждался трапезой. Когда они закончили, Оборотень, бросив, что скоро вернется, выскользнул из таверны. От сытости Есению немного разморило, она сидела на деревянной скамье, мысли ее текли медленно и беззаботно. За соседним столом сидели двое мужчин, один из которых все больше распалялся, и она невольно вслушалась в разговор.

– Я тебе говорю, это не конь, а просто чудище какое-то! Никто не может с ним справиться! Я за него кучу золотых отдал, он должен был принести мне еще больше, но никто не может его оседлать! – говорил мужчина лет пятидесяти, с густой рыжей бородой.

– Может, тебя обманули? Породистых коней обычно легко седлать, – отвечал второй мужчина. Он был моложе своего спутника, ниже ростом и с пышными усами, которые он постоянно подергивал.

– Да в том-то и дело, что нет! Я сам проследил за его родословной, он из самой лучшей породы, но характер у него отвратительный. Я нанимал лучших укротителей, ни у кого ничего не получилось! Похоже, как ни жаль, придется его усыпить, если он для меня бесполезен.

Есения подслушала разговор, который ее не касался, но она не могла не вступить за беззащитное животное. Страхнув с себя негу, она встала и подошла к мужчинам.

– Я попробую усмирить вашего коня, – твердо сказала она.

Мужчины сразу прекратили разговор и недоуменно уставились на Есению.

– Ты? – бородатый мужчина раскатисто рассмеялся. – Ты хочешь потягаться с лучшими укротителями всего королевства? Ты себя видела? Да конь растопчет тебя одним своим копытом! Уходи, странноглазая, дай нам закончить свой обед, – мужчина отвернулся, все еще посмеиваясь.

Рядом с Есенией, будто из воздуха, возник Оборотень и схватил ее за плечо.

– Ты что творишь? Тебя и на минуту нельзя оставить одну? Сразу вмешайся в дело, которое к тебе не относится?

Однако Есения стряхнула его руку и опять обратилась к мужчинам.

– А если я поставлю десять золотых на то, что смогу усмирить вашего коня? Вы ничего не потеряете и даже выиграете в любом случае: если у меня получится – у вас будет послушный конь, а если нет – то получите десять золотых.

Мужчина с бородой задумался.

– Хорошо, девочка, будь по-твоему. Ну смотри, потом не надо жаловаться, я тебя предупреждал. Меня зовут Радей, пойдёмте, провожу вас в мою конюшню.

– Я Есения, а это Оборотень.

Если Радею и показалось имя Оборотня странным, он и бровью не повел. Втроем они вышли из таверны. Слух, что хрупкая девчонка собирается одолеть чудище Радея, видимо, быстро разлетелся по окрестностям, и несколько человек потянулись за ними, чтобы развлечься зрелищем. Оборотень хмуро шел за Есенией, всем видом показывая свое неодобрение.

– Ты же сам говорил, что мне нужна тренировка. Чем конь хуже лесных существ? – ухмыльнулась Есения.

– Тем, что кролик тебя не забудет до смерти, – пробормотал Оборотень.

Через несколько минут они подошли к конюшне.

– Ну что же, прошу, – Радей насмешливо улыбался, показывая на самое дальнее стойло. – Может все-таки передумаешь? Не хочу, чтобы обо мне пошли слухи, что я отправляю детей на верную смерть.

Вместо ответа Есения решительно зашла в стойло. К стол-

бу был привязан красивый серый конь с гривой цвета ночи. Сильный и грациозный, он был бы прекрасен, если бы не безумный и яростный взгляд. Увидев Есению, конь бешено заржал. При виде такой ярости она впервые в жизни ощутила страх рядом с животным. Она уже было повернула назад, но вспомнила, как Радей сказал, что коня усыпят, если его не усмирить. Оглянувшись, Есения увидела в дверях конюшни небольшую толпу, все ждали, что она будет делать дальше.

Она перевела взгляд на Оборотня, который стоял, прислонившись к двери. Кому-то могло показаться, что он расслаблен, но Есения видела, как напряжены его скрещенные руки, как сжата челюсть. Зная, что она не отступит, но ей нужна его поддержка, он наконец резко выдохнул и кивнул.

Первый шаг дался нелегко, страх сковывал тело, но затем оно наполнилось уже знакомым ей теплом и спокойствием. Энергия прошла через нее от ступней до кончиков пальцев на руках. Конь еще сильнее забился, веревка все туже сжималась вокруг его шеи. Есения начала медленно подходить к коню, вытянув руку. Обычно у нее сразу получалось успокоить животное, но сейчас что-то было не так. Конь не реагировал на нее и бешено мотал головой, у его рта появилась пена, он как будто не слышал ее.

Оборотень резко закричал:

– Есения, уходи оттуда!

В тот момент, когда она сделала шаг назад, а Оборотень забежал в стойло, веревка вокруг шеи коня порвалась и он,

яростно заржав, кинулся на Есению. В один миг Оборотень оказался перед ней, закрыв ее собой, и именно ему достался первый удар.

Конь боднул его головой, удар зверя пришелся в бок Оборотня, он отлетел влево и ударился о стену стойла. Есения вновь осталась без защиты, конь двинулся на нее. В момент, когда он встал на задние копыта, чтобы нанести смертельный удар, Есения собрала всю свою силу. Вновь пропустив через себя энергию, она прямым потоком пустила ее в коня. Она будто проникла прямо в зверя, ее сила неслась к его сердцу. Мысленно она увидела ядро его жизненной силы, но выглядело сердце странно, вокруг него обвилось нечто черное и гнилое.

Инстинктивно Есения почувствовала, что именно эта хворь свела с ума животное. Она попыталась вытянуть ее, бросив на это все свои силы. Не сразу, но хворь поддалась, Есения вырвала ее из коня. Больше она ничего не помнила, тьма сомкнулась над ней.

Есения медленно очнулась. Над ней склонился Оборотень, его лицо было нечетким, но она смогла различить, насколько он бледный.

– Ты как? – спросила она.

– Сама отключилась на целую вечность, а еще меня спра-

шивает, – закатил глаза Оборотень, но тут же поморщился.

– Я в порядке. И судя по тому, что к тебе вернулась твоя обычная сварливость, ты тоже. Что произошло, когда я...

– Свалилась, как куль с ячменем?

– Иди ты к Чернобогу...

Оборотень усмехнулся, но ответил:

– Когда конь меня оттолкнул, я потерял сознание на пару секунд. Потом, когда очнулся, то увидел, как зверюга словно застыла над тобой, а ты подняла к коню руки. Потом он очнулся, а ты упала в обморок и лежала несколько минут как мертвая.

– Как сейчас конь? – обеспокоенно пробормотала Есения.

– Сама посмотри.

Есения встала и не поверила своим глазам. Перед ней было самое обычное животное, спокойно жевавшее сено. К ней подбежал Радей и, сжав ее в объятиях, закружил.

– Никогда я не видел ничего подобного! До сих пор не могу поверить, как это у тебя получилось?

– Это мой дар. Я увидела хворь в его сердце и вытянула ее.

Оборотень резко оттолкнул Радея и спросил:

– Хворь? Какую еще хворь?

– Не знаю, у меня первый раз так получилось. Вокруг сердца коня было что-то черное, и я попыталась это убрать.

Оборотень повернулся к Радею.

– Вашего коня отравили дурманом. То, что описала Есения, – это яд, он пожирает сердце и сводит с ума, медленно

и болезненно убивая жертву.

– Но кому это нужно, травить моего коня? – побледнел Радей.

– Откуда мне знать, поищите среди своих врагов... Или друзей.

Радей нахмурился и сказал, повернувшись к Есении:

– В любом случае спасибо тебе. Я не верил, что ты справишься, за что прошу прощения. Вот твои десять золотых и еще десять сверху за твою смелость. На этом прощаюсь с вами, берегите себя.

Радей развернулся и ушел, а за ним все зеваки, уважительно поглядывающие на Есению.

– Как думаешь, что это было? – спросила она. – Я всегда просто разговаривала с животными, могла призвать их, но видеть их сердце – такого еще не было.

– Если честно, не представляю, даже я, видимо, еще не все знаю про твой дар.

– Хоть в чем-то я тебя обставила! – засмеялась Есения.

– Да, ты не перестаешь меня удивлять.

От взгляда Оборотня ее смех оборвался, а сердце зашлось в уже знакомой пляске. Вежливое покашливание прервало эту тонкую связь между ними. Они обернулись и увидели того самого мужчину с пышными усами, что сидел за столом с Радеем в таверне.

– Я полагаю, что вы балия? – тихо произнес он. Оборотень ощутимо напрягся.

– Откуда вы узнали? – спросила Есения.

– Меня зовут Милош. Давайте пойдём ко мне, и я все расскажу. Вам нужен ночлег, а мой дом не слишком далеко. Не бойтесь, я не причиню вам зла.

– Надеюсь, – оскалился Оборотень. – В любом случае, вы умрете раньше, чем попытаетесь. Мужчина усмехнулся и кивнул.

Глава 6

Дом Милоша оказался не так близко, как он обещал, зато Есении еще раз удалось полюбоваться городом. Они прошли через главную площадь, в центре которой возвышался храм богу Роду. По традиции, в каждом селении должен быть построен такой храм как дань уважения богу, что сотворил все сущее. Однако если в маленьких деревнях, как та, где жила Есения, они были скромными, то в Горниграде храм представлял собой действительно поразительное зрелище.

Его высокие деревянные стены, богато расписанные алым, казалось, касались неба. Древние письмена огибали храм со всех сторон и стекались к центру, где могучее Мировое древо было вырезано прямо над входом. Под раскидистым дубом, что рос рядом, лежали свежесрезанные цветы в знак поклонения и почтения.

Есения не смогла остаться равнодушной к этому месту, которое будто существовало вне времени и надолго пережило бы всех живущих. Положив руку на гладкий от прикосновений ствол дуба, она прочла краткую молитву богу Роду, попросила, чтобы он защитил ее и Оборотня в их путешествии, и, немного подумав, также попросила защиты для Анастасии. Хотя Есения и была зла на нее, но изгнать любовь из своего сердца было не так-то просто.

После этого они продолжили путь. Милош вел путников

узкими улочками, где Есения мельком смогла увидеть уклад жизни города. Дома в основном были каменными, а не деревянными, на многих окнах висели цветы в горшках, а где-то зелень пробивалась прямо сквозь кладку, превращая дом в замок из сказки. Есения наслаждалась запахами свежей выпечки и трав, которые доносились из ближайших домов.

Однако, чем дальше они шли, тем разительнее отличался пейзаж вокруг них. Нарядные каменные дома сменились деревянными хижинами, бедными и покосившимися. Ни цветы, ни зелень не украшали их, окна были заколочены досками, вокруг разносился запах рыбы и нечистот. Люди в сильно поношенной одежде сидели на улице и провожали недобрыми взглядами путников.

– Почему эти районы так сильно отличаются друг от друга? – спросила Есения.

– Наш город расположен в форме круга, – тихо ответил Милош. – Внутреннее кольцо, что опоясывает главную площадь, – это богатый район. Там живет наместник города, его приближенные, зажиточные купцы и торговцы. Внешнее кольцо (мы сейчас здесь) – это бедный район, тут живут те, кто «заботится о наместнике», так он это называет, но по правде – это слуги, что находятся у наместника в рабстве. Платят им сущие гроши, едва на еду хватает, но уйти они не могут. Да и куда им идти, здесь если ты теряешь работу, то попадаешь уже в совсем другой район, нищенский. Там царят грабежи и насилие, ведь у людей нет работы, и они го-

лодают. Надеюсь, что туда вы никогда не попадете.

Милош тревожно оглянулся по сторонам и добавил:

– Этот разговор лучше продолжить у меня, здесь повсюду шпионы наместника, тем более мы как раз пришли.

Он привел их к аккуратному деревянному дому, который, хоть и находился в бедном квартале, выглядел лучше, чем все остальные. Он был покрашен в бледно-голубой цвет, крыша была ровной, а окна украшены занавесками с вышивкой. Милош трижды постучал в дверь. Открыла им миловидная девочка лет четырнадцати.

– Папа, наконец-то ты вернулся! – вспыхнула она от радости.

– Ана, дочка, ставь воду и завари чаю, у нас сегодня гости.

Только после этих слов девушка обратила внимание, что отец пришел не один. Увидев Оборотня, она покраснела с ног до головы и быстро убежала на кухню. Есения и Оборотень вслед за Милошем зашли в дом. Изнутри он был так же, как и снаружи, небогатым, но чистым и уютным, пахло свежевывстиранным бельем, на огне весело булькал горшок с чем-то съестным.

– Сейчас поедим, а потом уж поговорим, – сказал Милош.

– Ну что вы, мы не хотим вас обременять, вы не обязаны кормить нас ужином, – возразила Есения.

Милошу и Ане было явно непросто накормить еще два рта.

– Глупости! – отмахнулся Милош. – Уж супа-то на всех

хватит, вон сколько Ана наварила. У нас не часто бывают гости, тем более такие, – подмигнул он Есении.

Они расположились у огня, Ана налила всем супа. При этом, все еще смущаясь, она не смотрела на Оборотня. Суп оказался горячим и очень вкусным, Есения с удовольствием ела и чувствовала, как силы, покинувшие ее во время схватки с конем, восстанавливаются. Ана разлила всем чаю, и Милош сказал:

– Дочка, оставь нас ненадолго, нам нужно поговорить.

Не сказав ни слова, девочка ушла обратно на кухню. Теперь можно было задать все вопросы, что переполняли Есению.

– Так откуда вы узнали, что я балия? – сразу же выпалила она.

Милош горько усмехнулся.

– Моя жена была такой, как ты. Когда я увидел, как ты усмирила того коня, я сразу понял, кто передо мной. Она могла разговаривать с животными, призывать их.

– А где она сейчас? Я бы очень хотела познакомиться с ней, я ни разу не видела других балий!

– Боюсь, познакомиться не получится, – вздохнул Милош. – Король Радислав в очередной раз призвал ее на службу, – мужчина помолчал. – С тех пор я ее больше не видел.

– Но что же с ней случилось? – ахнула Есения.

– Мне сказали, что на нее напали враги короля, те, кто не хотел, чтобы балии наладили контакт с лесом Гринхорн. Но-

чью кто-то пробрался в ее комнату в замке. Утром ее нашли мертвой, кто-то... перерезал ей горло.

Голос Милоша прервался. Воцарилось молчание. Липкий страх стал пробираться вверх по телу, сердце тревожно сжалось. Есения повернулась к Оборотню и спросила:

– Неужели такая участь ожидает и меня?

Не успел он сказать и слова, как Милош повернулся к нему и вскрикнул:

– Так вот куда вы идете? Ты ищейка короля Земирада, не так ли? Мог бы догадаться по твоему странному имени. Хорсан – верная смерть для балии! Король, как и его отец Радислав, одержим безумием и жаждой мести. Ты ведешь Есению на гибель!

– Осторожнее со словами, Милош, – прорычал Оборотень, резко поднявшись. – В замке многое изменилось со времен короля Радислава. Балий теперь охраняют лучшие воины королевства, и им ничего не грозит. На твоём месте я бы подумал, прежде чем говорить такое о короле! Он спас мне жизнь, дал мне работу, и от его сына Земирада я видел лишь добро. Я не позволю оскорблять их в моем присутствии!

С каждой секундой на его лице все сильнее проступали черты зверя. Есения ахнула, заметив, что пальцы Оборотня заострились, превращаясь в когти, еще чуть-чуть – и он бы бросился на Милоша. Есения резко поднялась, но тут он развернулся и выбежал из дома. Нужно было поспешить за ним,

и Есения уже шагнула вперед, когда Милош остановил ее.

Он по-отечески взял ее за руку и спросил:

– Есения, ты знаешь, кто твой друг?

– Я знала, что он ищейка, если вы об этом, – притворилась она, не зная можно ли раскрывать секрет Оборотня.

– Ты понимаешь, о чем я. Он настоящий оборотень, не так ли? Получеловек-полузверь. Ты знаешь, что он опасен для тебя? Такие, как он рождаются в лесу Гринхорн. Как он смог его покинуть, если его врата закрыты уже двести лет? Ты не задумывалась об этом? За что его изгнали?

– Вы думаете, что раз догадались о его сущности, то знаете его? – разозлилась Есения. – Он никогда не причинит мне вреда. А теперь извините, мне нужно пойти посмотреть, как там Оборотень.

Есения вырвала руку и выскользнула из дома.

Слабый вой и рычание доносились из сарая, что стоял позади дома. Открыв дверь, она увидела, что рыжая лошадь Милоша в страхе забилась в угол и жалобно ржала. Два ярких голубых глаза смотрели прямо на Есению. Оборотень вновь стал ирбисом. Есения еще не видела измененного Оборотня так близко. Она сделала неуверенный шаг вперед. Есения не знала, как он отнесется к тому, что она хочет посмотреть на него поближе. Медленно, шаг за шагом, она прибли-

жалась к задней части сарая, где затаился ирбис, пока не оказалась прямо перед ним.

В тот день в лесу, когда Есения первый раз увидела ирбиса, она не могла и представить, что он такой огромный, было слишком далеко, но сейчас ей приходилось поднимать голову к потолку, чтобы посмотреть в его глаза.

«Глядя сейчас на него, никто бы не усомнился, что он не обычный зверь», – подумала она.

Ирбис смотрел на нее со знакомым насмешливым выражением. Все мысли испарились из головы, медленно она подняла руку, чтобы прикоснуться к меху зверя, и он, уступив, опустил голову. Его шерсть была очень густой, мягкой и шелковистой на ощупь. Осторожно глядя ирбиса, Есения первый раз в жизни почувствовала такое единение с другим существом, покой согрел ее душу.

Внезапно Оборотень поднял голову и насторожился. Есения повернулась и увидела в дверях Ану. Она смотрела на огромного ирбиса с немим ужасом. Было ясно, что девочка еще никогда не видела животных такого размера, а может, и вообще не сталкивалась с хищниками, ведь она жила в городе.

– Ана, он не причинит тебе вреда, – попыталась успокоить ее Есения.

Она сделала шаг к девочке, но та стремительно убежала. Ирбис вздохнул и головой показал Есении на дверь. Намек, что пора уходить, чтобы Оборотень вновь обратился челове-

ком. Закрывая за собой дверь, она вновь услышала те страшные звуки из леса – хруст костей и крик агонии.

Есения зашла обратно в дом. Она хотела разыскать Ану, чтобы объяснить ей, что произошло в сарае. Скрывать тайну Оборотня теперь уже не имело смысла, ведь Милош сразу догадался, кто он такой, а Ана видела обращение. Она нашла их на кухне, Ана плакала, а Милош успокаивал дочь, держа ее за плечи.

– Я все объяснил Ане, Есения. Она знает, что это был Оборотень и кто он такой, – сказал мужчина.

– Простите, мы не хотели доставлять вам столько неудобств, я думаю, что нам с Оборотнем уже пора идти, – ответила Есения.

Милош только хотел возразить, но тут в комнату вошел Оборотень. Глядя на него, трудно было представить, что еще пять минут назад он был зверем, разве что он был чуть более помят, чем всегда.

– Это не Есения должна просить у вас прощения, а я, – сказал он, глядя на Милоша и Ану. – Вы были гостеприимны и добры, а я вспылил. Я понимаю вашу боль и ненависть к королевской семье, вы потеряли жену и мать. Я прошу прощения также за то, что обратился в вашем доме, это... было невежливо с моей стороны. Как и сказала Есения, мы сейчас же уходим.

– Ну, ну, хватит! – рассмеялся Милош. – Я тоже погорячился и наговорил лишнего, вы уж меня извините. Не гово-

рите глупостей и оставайтесь на ночь, куда вы пойдете по такой темноте?

На улице действительно сгустились вязкие сумерки, искать в потемках гостиницу было бы неразумно. Видимо, Оборотень подумал о том же.

– Хорошо, мы останемся на ночь, благодарим вас.

Милош постелил им под самой крышей. Есения еще ни разу за все путешествие не спала так близко к Оборотню. Их всегда что-то разделяло: костер, когда они ночевали в лесу, разные комнаты в деревенской гостинице, но у Милоша был небольшой дом, и им пришлось потесниться. Эту ночь они должны были провести совсем рядом, на соседних подстилках.

Все это пронеслось в голове у Есении, пока все желали друг другу спокойной ночи и разбредались по комнатам. Оборотень поднялся по лестнице и устроился поудобнее на подушке.

– Есения, ты спать собираешься? Ты что там застряла внизу? – спросил Оборотень, не подозревая о ее внутреннем смятении.

Она поднялась и легла рядом с ним.

– Ты молодец, что извинился перед Милошем, не ожидала от тебя, – сказала она, чтобы разрядить напряжение, которое чувствовала.

– А ты считаешь меня монстром, Есения? – усмехнулся Оборотень. – Я знаю, когда я неправ, и готов признать это.

– Просто ты всегда так упрям, я думала, что ты не пере-
силишь себя, – подразнила она.

– Может быть, ради тебя я готов измениться.

Казалось, эти слова вылетели помимо его воли. Похоже, Оборотень пожалел о них сразу же, потому что вздохнул и отвернулся.

– Спи давай, Есения, – проворчал он.

С Оборотнем всегда было так: он был то горячим, то холодным, то подпускал ее близко, то отстранялся. В нем словно жили два разных человека, и это не считая того, что в нем была еще и животная сторона. Есения устала от этих игр. Она ворочалась с боку на бок, не могла уснуть. Разговор с Оборотнем совсем лишил ее сна, да еще эта кровать под толчком навевала тоску по дому.

Есения вспомнила родную деревню, огонь в очаге в их хижине, запах трав и выпечки, что встречал ее с порога. Она скучала по Анастасии. Есения запрещала себе думать о ней, слишком уж она была зла, но сейчас невольно поддалась воспоминаниям и сразу ощутила острую боль потери. «Увижу ли я ее когда-нибудь? Прощу ли я ее?» – подумала она.

Так и не сомкнув глаз, Есения решила спуститься и попить воды. Она думала, что все уже давно спят, но обнаружила Милоша, сидевшего у очага.

– Тоже не спится? – спросил он.

Есения кивнула.

– Ну, тогда выпей со мной травяного чая. Я часто не сплю

по ночам, все вспоминаю Надию, так звали мою жену.

Ароматный чай согревал руки и словно снимал с души груз воспоминаний. Есения села рядом с Милошем и попросила:

– Может, расскажете мне о ней? Если, конечно, вы не против. Как балия вышла замуж за человека? Я думала, балии живут в замке короля.

– Оборотень не рассказывал тебе, как рождаются заклинательницы?

– Нет, я несколько раз спрашивала его об этом, но Оборотень всегда говорил, что я все узнаю в Хорсане.

– Мне понятна его скрытность. Балии очень редки, многие хотят навредить вам, видимо, так он хотел защитить тебя.

– Но почему нам хотят навредить?

– Балии ценны для короля. Без вас он не сможет наладить контакт с лесом Гринхорн, не сможет вылечить свою жену. Враги Ратных – ваши враги, все, кто хочет отомстить королю, желают зла и балиям. Именно поэтому убили Надию, по крайней мере, так мне сказали.

Есении показалось, что он не верит в это, но она не стала перебивать.

– Балии рождаются примерно раз в десять лет, – продолжил Милош. – Бывает, что в один год рождается несколько заклинательниц, но чаще всего одна. Мало кто знает, это хранится в секрете, что у всех балий глаза разного цвета, прямо как у тебя. В момент, когда рождается балия, животные

в округе начинают вести себя необычно, так король узнает, что появилась на свет новая заклинательница. Новорожденную балию забирают из семьи – это традиция. Считается, что если оставить балию у родных родителей, то она не раскроет весь потенциал своего дара. По моему мнению – это чушь. Просто король хочет с рождения контролировать ваш дар. Для этого нанимают специальных женщин – варити. Они должны жить в глухих деревнях с балиями, учить их пользоваться даром, а также оберегать. В шестнадцать летних пор, когда дар достигает полной силы, варити отправляют балий в Хорсан, служить королю. Как я понял, после того, как Оборотень появился в замке, именно он сопровождает балий.

– Значит, мои настоящие родители отказались от меня? – отвела глаза Есения.

Она постаралась скрыть, как сильно задел ее рассказ Милоша.

– Пойми, что у них просто не было выбора. Когда к тебе в дом приходят гвардейцы короля, едва ли возможно им противостоять.

Этот странный образ никак не укладывался в голове, как она ни старалась. Неужели где-то есть люди, на которых она похожа? Может, у ее отца были такие же жемчужные волосы? Была ли ее настоящая мать такой же худой и маленькой, как она сама? Живы ли они еще?

– Получается, Анастасия была моей варити, – наконец за-

думчиво пробормотала Есения, – но почему же она не рассказала мне о моем даре...

– Что тебя тревожит, девочка? – спросил Милош.

И, глядя в эти добрые глаза, она, сама от себя не ожидая, рассказала ему всю свою историю: про то, как они жили вдвоем с матерью, про одиночество и клеймо «проклятой», про волка и пересуды жителей деревни, про предательство Анастасии, которая вовсе ей не мать, про боль разлуки, про тоску по дому.

Она будто выплеснула из себя все горе, что накопилось в ней. Есения вдруг поняла, что с тех пор как ушла из дома, не проронила ни одной слезинки, но сейчас из ее груди вырвались глухие рыдания. И вот она уже плакала на плече у Милоша, а он по-отечески успокаивал ее, как еще недавно так же успокаивал Ану.

Слезы прекратились. Есения почувствовала легкость, будто то, что так тяготило и тянуло к земле, наконец рухнуло и разбилось о землю.

– Простите, что я так раскисла, – смущенно пробормотала она, отстраняясь.

– Это ничего. Всем нам порой нужно очистить душу, – улыбнулся Милош. – Есения, ты не думала, что Анастасия сделала это, чтобы тебя защитить? Многие балии отправлялись в Хорсан и уже не возвращались. Возможно ли, что она полюбила тебя, хотя это было запрещено для варити, и решила сбежать с тобой, чтобы уберечь?

– Может быть, и так, – нахмурилась она. – Но она обязана была рассказать мне про мой дар, она же знала, что я понимаю животных, но делала вид, что это не так, она позволяла мне чувствовать себя глупо, только лишь бы я не раскрыла этот секрет. Нет, этого я не могу ей простить!

– Что ж, возможно, ты еще изменишь свое мнение.

Милош грустно улыбнулся, добавив:

– Ты многое поведала мне, теперь моя очередь. Расскажу тебе про мою Надию. Еще младенцем, как и всех балий, ее забрали от родителей, и варити ухаживала за ней. В шестнадцать летних пор ее представили ко двору короля Радислава. Она была прекрасна, моя Надия. Волосы цвета вороного крыла, глаза как у тебя, только один серый, как стальной клинок, а другой зеленый, словно молодая трава. Она сияла при дворе. Надия была полна надежд, она хотела быть той, кто отворит двери леса Гринхорн, однако быстро разочаровалась как в своем даре, так и в короле.

Надия умела внушать животным страх, она ненавидела эту часть своего дара, но король Радислав именно этого от нее и хотел. Он заставлял ее делать ужасные вещи: в бою сводить с ума лошадей под всадниками, животные бились в конвульсиях в предсмертных муках. Но на этом он не остановился, в своем безумии король заставлял Надию делать это просто ради забавы, на своих званых ужинах он приказывал Надии развлекать его гостей, внушая животным биться друг с другом, ему нравилось смотреть на смерть.

Надия не могла выдержать этого и ушла. Для балии сбежать от службы королю – верная смерть. Надия долго скиталась, преследуемая воинами короля, пока не набрела на небольшой город. Там она спряталась от стражи в маленьком сарае, она была в отчаянии и уже готова была сдаться, но когда кажется, что весь свет погас, всегда пробивается лучик надежды. Ее нашел молодой парень, он жил в доме рядом с сараем. Привлеченный странным шумом, он зашел в сарай и увидел голодную и бледную молодую девушку. Но ни грязное платье, ни затравленный взгляд не могли затмить ее чудную красоту. Он пропал, в ту же секунду он поклялся, что никогда ее не отпустит и не даст в обиду.

– Это вы были тем мужчиной! – воскликнула Есения.

– Да, это был я, – рассмеялся Милош. – У одной знахарки, что я знал с детства, я достал отвар, которым Надия окрасила свои волосы в более тусклый цвет, и эта же знахарка дала мне зелье, чтобы сделать черными ее глаза. Мне было больно оттого, что она вынуждена скрывать свою внешность, но это был единственный способ ее защитить. Мы поженились через несколько месяцев, и через год Надия подарила мне дочь. Мы с женой прожили вместе десять лет, это было самое счастливое время в моей жизни.

Милош нахмурился. Есения поняла, что он подошел к печальной части своего рассказа.

– Четыре года назад, когда Ане было всего девять летних пор, король Радислав нашел Надию. Гвардейцы забрали На-

дию на службу, так они сказали. Но больше мы ее не видели. Через год король Радислав скончался, и на трон сел его сын, Земирад.

– Вы не верите в то, что Надию убили враги короля?

– Нет, и никогда не верил. Никто не мог сбежать от Радислава безнаказанным. Я не доверял королю Радиславу и не доверяю его сыну. Издавна в роду королев жили безумие и жажда власти. От короля Драгомира, что нарушил перемирие с лесом Гринхорн, до Радислава, что погубил мою жену. Я не встречался с Земирадом, и говорят, что он другой, милостивый король, но от гнилой ветки может быть только гнилое яблоко, запомни мои слова. И будь осторожна в замке короля, была б моя воля, я бы тебя не пустил туда, но я тебе не отец, и, коли уж ты решила, то будь настороже. Опасность может подстергать где угодно, и даже твой Оборотень не сможет тебя защитить. Тем более он ищейка короля и верен ему. Если нужно будет выбирать, последует ли он за своим сердцем?

Этот вопрос еще долго бился в ее разуме, пока сон наконец не пришел к ней.

Глава 7

Есению разбудил звук гремящей посуды. Просыпаться было тяжело, этой ночью она проспала от силы пару часов. Потянувшись, она встала и спустилась по лестнице вниз. Все уже давно проснулись и теперь завтракали на кухне. Слышно было только Милоша, который рассказывал какую-то историю. На огне булькала вода для чая, свежие булочки, только из печи, ждали ее. Есения с наслаждением вдохнула такой домашний запах.

– Доброе утро, – улыбнулась она.

– Доброе, доброе, – ответил Милош. – Мы тебя будить не стали, знаем, что ты почти не спала ночью. Ну, садись, угощайся.

Есения села, стараясь не смотреть на Оборотня. Их вчерашний разговор и беседа с Милошем все еще не давали ей покоя. Есения боялась, что, едва взглянув на нее, Оборотень сразу догадается о ее сомнениях. Благо поддерживать разговор было не нужно, Милош говорил за четверых.

Уютный завтрак прервал громкий стук в дверь.

– Интересно, кого это принесло в такой ранний час? – пробормотал Милош.

Из-за двери послышалось: «Именем Гостивара, наместника Горниграда, мы приказываем открыть дверь!»

– Ну вот, говорил же, что повсюду шпионы наместника.

Видимо, ему донесли, что вы здесь!

Вздохнув, он поднялся и пошел открывать дверь. Ана побледнела. Заметив это, Есения спросила:

– Что такое? Чем так страшен наместник?

– Когда тебя вызывают к нему – это всегда сулит большие неприятности, – тихо проговорила она.

В дом зашли двое гвардейцев. Они были одеты в яркие синие камзолы, расшитые золотом, и высокие черные сапоги. Острые штыки ясно говорили, что пришли они сюда далеко не с миром. Посреди скромного жилища Милоша они, в своей дорогой форме, были не к месту.

Высокий гвардеец с тонкими, закрученными вверх усами, вышел вперед. Видимо, он был старше по званию, потому как презрительно осмотревшись по сторонам, он торжественно обратился к Есени и Оборотню:

– Наместник Гостивар ждет вас у себя в резиденции!

– Мы были бы рады зайти, но, к сожалению, очень спешим. Король Земирад ждет нас в столице как можно скорее, – издевательски-учтивым тоном произнес Оборотень, даже не поднявшись со стула.

– Это не просьба, ищейка, – вмиг сбросил напыщенный тон командир. — Как слуга короля ты обязан выказать уважение наместнику. Это закон.

– Я служу только королю и не обязан подчиняться вашим идиотским законам, – фыркнул на это Оборотень.

– Что ж, видит Род, мы просили вас по-хорошему.

Рука командира крепче сжала штык, он повернулся ко второму гвардейцу, широкоплечему парню с отсутствующим взглядом, и тот вышел вперед.

– Наместнику не нравится, когда всякий сброд, – он презрительно кивнул головой на Милоша и Ану, – укрывает гостей города, ведь все должны сначала зарегистрироваться в книге посещений Горниграда. Обходить этот закон – означает нарушать его, а это, в свою очередь, значит, что последует наказание.

Гвардейцы угрожающе двинулись на Милоша и Ану. Милош встал перед дочерью, защищая ее собой, и Есения поняла, что достаточно молчала.

– Мы пойдем с вами, если вы оставите их в покое, – громко сказала она.

– Что ты делаешь, Есения? – прошипел Оборотень, схватив ее за руку. – Нам уже давно пора двигаться в путь, и у нас нет времени на какого-то наместника.

– Я не дам в обиду своих друзей, – разозлилась Есения и выдернула руку из его хватки.

Прощаться им пришлось второпях. В напряженном молчании Есения быстро обняла Милоша и Ану, и они с Оборотнем вышли за дверь под тяжелым взглядом командира. Последнее напутствие Милоша, которое он успел прошептать ей, стучало внутри: «Прошу тебя, Есения, будь осторожна. И удачи тебе».

Они шли за гвардейцами по узким улочкам Горниграда, все быстрее приближаясь к его центру – резиденции наместника Гостивара. Через некоторое время они оказались перед большими золотыми воротами, такими высокими, что Есении пришлось поднять голову к небу, чтобы увидеть, где они кончаются. Командир крикнул, чтобы открыли ворота, и медленно, со скрежетом и натугой, они стали отворяться. Гвардейцы провели Есению и Оборотня внутрь, и они словно оказались в другом королевстве.

Перед ними простирался огромный сад с удивительными цветами, буйство красок которых поражало. Посреди сада раскинулся большой пруд, в котором плавали яркие рыбки разных цветов: оранжевые, синие, зеленые. Даже воздух здесь казался другим, чем в городе, – более влажным и душным, от тяжелого запаха у Есении кружилась голова. Через пруд был проложен мост с красивыми резными перилами из дерева, талантливый мастер вырезал на них листья и виноградные лозы.

Неожиданно мучительный рев разорвал тишину, заставив Есению вздрогнуть. Оборотень шагнул к ней чуть ближе.

– Что это такое? – спросила она у командира.

– Это зверинец господина. Наместник Гостивар увлекается не только редкими растениями, но и животными, – он яв-

но наслаждался испугом Есении. – Его коллекция интересных зверей самая редкая во всей Элейнии.

Ей стало жаль этих бедных животных, что на потеху наместнику вынуждены жить в клетках. Есении хотелось подойти к ним, однако гвардейцы, не останавливаясь, прошли через мост к главным воротам резиденции. На входе стояли стражники, которые молча расступились. Видимо, Есению и Оборотня здесь давно ждали. Второй гвардеец, сопровождающий их, остался снаружи.

Резиденция поражала своей роскошью. На каждой стене висели гобелены со сценами сражений и диковинными чудищами, колонны были украшены золотом и драгоценными камнями, повсюду стояли статуи. Командир долго вел их коридорами в главный зал, где их ждал наместник, так долго, что, казалось, этому пути не будет конца. Наконец они остановились перед входом в зал. Гвардеец бросил им через плечо: «Ждите здесь», – и зашел к наместнику один.

– Достопочтимый наместник Гостивар, ваши гости прибыли! – торжественно произнес он.

– Ну наконец-то! Почему я должен так долго ждать? Немедленно веди их сюда, идиот! – послышался в ответ недовольный визгливый голос.

Командир вернулся, от его уверенности не осталось и следа, он был бледен и выглядел униженным.

– Прошу за мной, – процедил он.

Втроем они зашли в главный зал, где Есения наконец

смогла утолить свое любопытство в отношении наместника. Однако вид его скорее разочаровывал. Это был тщедушный человек непонятного возраста, ему могло быть как тридцать, так и все шестьдесят летних пор. В лице его не было ничего примечательного, встретив такого человека на улице, Есения никогда бы не вспомнила его снова.

Однако обыкновенность он с лихвой искупал своими одеждами. Было похоже, что он натянул на себя все самое дорогое и безвкусное, что было в его шкафу. От количества золотого и блестящего на нем слепило глаза.

Наместник важно восседал на троне, что стоял посреди огромного зала, который был украшен так же пышно, как и он сам. С двух сторон от наместника его приближенные, одетые крикливо и странно, тихо шептались между собой. «Либо здесь ни у кого нет вкуса, либо это такой непонятный обычай», – подумала про себя Есения.

Наместник довольно оглядел ее, не обращая внимания на Оборотня.

– Есения, я полагаю? Как приятно видеть вас в моей резиденции! Меня зовут Гостивар, я наместник этого города. Я давно вас жду! А это, видимо, ваш сопровождающий? – она заметила, что радушная улыбка наместника не касалась его глаз, будто он хотел скрыть истинные чувства.

– Мы рады приветствовать вас, наместник, – слегка поклонился Оборотень. – Мы пришли показать вам наше почтение, однако нам уже пора двигаться в путь. Нас ждет ко-

роль Земирад, и, к сожалению, мы не можем более задерживаться.

Улыбка на лице Гостивара потухла. Злые глаза обратились на Оборотня.

– Я обращался не к тебе, ищейка, – повысил голос наместник. – Как посмел ты говорить без разрешения в моем присутствии?

Оборотень побледнел, в его глазах промелькнула хищная ярость ирбиса. Он сделал шаг вперед, но Есения схватила его за локоть. Нельзя было, чтобы он выпустил зверя здесь. Сама она тоже дрожала от злости. Возможно, обратись Гостивар к ней с таким пренебрежением, она бы и стерпела. Однако угрозы друзьям уже настроили ее против наместника, а оскорбление Оборотня заставило защищаться.

– Он *посмел* говорить, потому что ему поручено быть моим проводником и защитником, – ее голос, отраженный от каменных стен зала, прозвучал оглушающе. – Оборотень – приближенный короля Земирада, а не просто мой сопровождающий! Не уважать его – значит не уважать короля.

Сердце тревожно билось, лицо горело. Обернувшись к Оборотню, Есения встретилась со знакомой насмешливой улыбкой, но в глазах его появилась едва заметная теплота, а ярость исчезла.

Наместник сначала, казалось, оторопел от такой вспышки, приближенные зашептались громче. Однако резкий взмах руки заставил их замолчать, и все замерли в жадном

ожидании наказания. Гостивар сощурился, его лицо, которое пошло багровыми пятнами, не предрекало ничего хорошего, но тут он вдруг улыбнулся.

– Я не хотел обидеть вас, балия, – миролюбиво произнес он. – Видимо, я не так понял характер ваших отношений. Приношу вам свои извинения, – перевел он взгляд на Оборотня.

Тот осторожно кивнул.

– Да, я знаю, что вы балия, – произнес наместник в ответ на вопросительный взгляд Есении. – Я знаю все, что происходит в моем городе, запомните это. Например, я знаю, кто укрывал вас в своем доме.

– Милош не укрывал нас, господин наместник, а милостиво предоставил нам свой кров, и мне бы не хотелось, чтобы его наказывали, – нахмурилась Есения.

– Ну что вы, какое наказание! Ни о чем таком и речи не было! Я даже награжу его за то, что в итоге вы оказались в моей резиденции!

Несмотря на слова наместника, Есения не могла расслабиться. Его холодный взгляд, казалось, проникал под кожу. «В этом странном месте нужно быть настороже», – подумала она.

– Я понимаю, вы спешите в Хорсан, – тем временем продолжал Гостивар, – но не откажите мне в любезности отужинать со мной сегодня вечером и переночевать в моей резиденции, а завтра поутру вы вновь можете отправиться в путь.

Есения задумалась на секунду. Переночевать в таких хоромах... звучало заманчиво, тем более мысль об удивительных питомцах наместника не давала покоя. Ей хотелось увидеть их, убедиться, что им не причинили зло.

– Хорошо. Мы благодарны вам за приглашение и рады будем остаться у вас ненадолго, – наконец ответила она.

– Замечательно!

Наместник хлопнул в ладоши, подзывая слугу. Мальчик примерно двенадцати летних пор мгновенно появился рядом с ним. Он был одет в сияющий белый камзол с золотыми нитями. Удивительно было видеть на слуге такие пышные одежды. На первый взгляд казалось, что это был обычный ребенок, однако, чем дольше Есения смотрела на него, тем больше странностей замечала. Лицо мальчика было абсолютно гладким, глаза ничего не выражали, он выглядел словно живая кукла. Есении стало не по себе.

– Проводи наших достопочтенных гостей в их покои, – тем временем произнес наместник.

Мальчик-слуга жестом пригласил Есению и Оборотня следовать за ним. Они вышли из главного зала, и вновь их вели длинными коридорами.

– Что-то ты разошлась при разговоре с наместником, – тихо хмыкнул Оборотень. – Не боялась, что он велит тебя казнить?

– Балии слишком ценны, ты что не знала? – в тон ему ответила Есения. – Тем более я никому не позволю так с тобой

говорить.

Они немного отстали от своего провожатого, и Есения шепотом спросила:

– Тебе этот мальчик не кажется странным?

– Ты имеешь в виду, что нас как будто ведет статуя, а не живой человек? – выгнул бровь Оборотень. – Так выглядят приближенные слуги Гостивара. Этот не единственный, здесь должна быть еще парочка таких. Я слышал, что наместник сам воспитывает их с рождения, чтобы они были верны только ему. Им нельзя доверять, цель их жизни лишь одна – служить Гостивару. Поэтому будь осторожна с ними.

– Но почему они выглядят так...

– Странно? Искусственно?

Есения кивнула.

– В королевстве ходили слухи, что Гостивар увлекается разными экспериментами по скрещиванию видов, ты же видела его сад, нигде в мире больше нет таких цветов и растений. Однако поговаривали, что ботаникой он не ограничился. Я в это не верил, но, увидев его приближенных воочию, тоже стал подозревать. Что-то здесь не так. Есения...

Оборотень не успел закончить мысль, так как их провожатый остановился перед тяжелой резной дверью.

– Госпожа Есения, вам сюда, – безэмоционально произнес мальчик. – Господин Оборотень, вам на другой этаж, идите за мной.

– Разве наши покои не рядом? – обеспокоенно спросила

Есения.

– Нет, господин Оборотень будет располагаться в другом месте, – ответил мальчик.

Есении стало не по себе. За три недели их совместного пути Оборотень всегда был поблизости.

– Это обязательно? – нахмурился Оборотень, заметив ее беспокойство. – Я мог бы...

– Это приказ наместника. Господин Оборотень, прошу следовать за мной.

Выбора не было, Есения и так испытывала терпение Гостивара. Спорить сейчас было попросту глупо... а еще, опасно. Раздраженно выдохнув, Оборотень повернулся к ней и, стараясь обмануть то ли слугу, то ли самого себя, легкомысленно бросил:

– Не переживай так сильно, маленькая Есения, ты не успеешь по мне соскучиться, как мы встретимся за ужином.

Если она снова стала «маленькой», значит точно что-то не так. Оборотень ушел, а Есения, вздохнув, прошла в покои. Ей выделили огромную комнату. Никогда еще она не видела таких больших покоев, весь ее родной дом мог уместиться здесь. Однако величина комнаты, увы, не отвлекала внимание от того, как безвкусно она была оформлена.

Золото было повсюду. Тяжелые шторы, стены, подсвечники и гобелены – все было золотым и давило на Есению своим блеском. «Гостивар на нем прямо помешался», – покачала она головой.

Что привлекло ее внимание, так это большая ванна на кованых ножках, от которой поднимался густой пар. Похоже, ее приготовили только что. Есения опустила руку в горячую воду, она пахла какими-то странными травами, древесными и немного тягучими. Раздеваться в незнакомом месте было неприятно, но кожа зудела от долгой дороги, а ванна была отделена ширмой, так что Есения решилась. Сбросив одежду, она погрузилась в воду, вздохнув от удовольствия.

Через некоторое время она, сонная и румяная от тепла, завернулась в теплый халат, оставленный для нее на огромной кровати посреди комнаты.

– Мы могли бы всей деревней на ней поместиться, – вяло подумала Есения.

Она подошла к окну, из которого открывался вид на город. На первый взгляд такой красивый и разнообразный, Горниград таил в себе и нищету, и голод, и смерть. Теперь, когда Милош показал Есении обратную сторону этого места, она уже не могла спокойно наслаждаться его красотами. Задернув тяжелые парчовые шторы, она прилегла на кровать и незаметно для себя задремала.

Есению разбудил стук в дверь. Через шторы уже не пробивался солнечный свет, а значит, она проспала несколько часов. Открыв дверь, она увидела на пороге того же маль-

чика-слугу, что сопровождал ее ранее. Однако, помня слова Оборотня о нескольких приближенных Гостивара, Есения уже не была так уверена.

– Достопочтимый наместник Гостивар зовет вас отужинать вместе с ним и его гостями, – равнодушно произнес мальчик, не мигая глядя на нее.

Только сейчас Есении пришло в голову, что ее одежда совсем не подходила для званого ужина. Она бросила взгляд на кресло, где неопытным ворохом лежали ее темно-синий сарафан, подол которого совсем запылится в пути, и простая светлая рубаха. Она была украшена на вороте лишь вышивкой, которую сделала Анастасия. Шею и лицо залил жгучий румянец.

– Передайте, пожалуйста, мои извинения наместнику. Я... плохо себя чувствую и не могу быть на ужине, – тихо произнесла Есения.

Мальчик, проследивший за ее взглядом, проговорил ровным тоном:

– Мой господин был так любезен, что распорядился прислать для вас платье. Служанка поможет вам собраться.

Мальчик махнул кому-то за своей спиной, и в комнату почти забежала девушка, которая несла на руках платье потрясающего аквамаринового цвета. Принимать такой дар от наместника было неприлично, но идти в своем наряде также было нельзя. Пока Есения пыталась принять решение, мальчик исчез, оставив ее один на один со служанкой.

Девушка присела в глубоком поклоне, взгляд ее был направлен в пол. Похожая на мышку, она была одета гораздо скромнее мальчика-слуги, в угрюмое темно-серое платье и безразмерный чепец.

– Как тебя зовут? – дружелюбно спросила Есения.

– Лиана, госпожа, – тихо сказала девушка, подняв голову.

Оказалось, что служанка была совсем молодой, примерно ее возраста, и очень милостивой. Платье в ее руках переливалось всеми оттенками голубого, и соблазн рассмотреть, а тем более примерить его был слишком велик. Решившись, Есения сказала:

– Лиана, спасибо тебе, но мне не нужна помощь, я могу и сама справиться.

Девушка побледнела.

– Н-но, госпожа... Если вам не нравятся мои услуги, я могу позвать другую служанку.

– Нет, дело не в тебе, – улыбнулась Есения. – Я выросла в деревне, там никто не помогал мне одеваться. Я просто привыкла все делать сама, понимаешь?

– Но, госпожа... Сами вы не сможете собраться так, чтоб выглядеть достойно наместника. Он дал строгое распоряжение!

– Значит, я буду первой, кто ему откажет, – рассмеялась Есения.

Однако смех ее прервался, когда она увидела, какой ужас промелькнул в глазах Лианы.

– Да что такое с этим ужином? Почему я обязательно должна быть похожей на разряженную куклу? – воскликнула Есения.

– Наместник оказал вам великую честь, госпожа. Немногих он приглашает отужинать с ним. Прошу вас, давайте собираться, иначе мне несдобровать.

Есения хотела расспросить Лину, о чем она говорит, но тут дверь открылась, и вошла другая служанка. Она была старше, и было заметно, что по статусу она выше Лины. Она сразу напустилась на девушку:

– Почему госпожа еще не готова, ты, глупая девчонка? Ужин начнется через пятнадцать минут!

При этих словах Лина еще больше сжалась. Есения не могла смотреть на это и вмешалась:

– Это моя вина, я слишком долго рассматривала платье, вот мы и припозднились.

– Не защищайте ее, госпожа. Эта идиотка ничего нормально сделать не может. Теперь я буду вами заниматься, меня зовут Томила, я старшая служанка.

Не успела Есения и возразить, Лина уже выбежала за дверь. Она проглотила язвительный ответ и решила, что найдет девушку позже, чтобы расспросить ее.

Томила заплела волосы Есении в косы и уложила их короной. Невесомое платье скользнуло по коже, как прохладный летний ветерок. Аккуратные атласные туфельки нежно-белого цвета пришлись впору, словно она всегда их носила. Ко-

гда приготовления были окончены, Есения подошла к зеркалу. На нее смотрела ее копия, но более взрослая. Платье ей очень шло, расшитое мелкими драгоценными камушками, оно заставляло ее сиять, как лунный свет. Воздушные рукава напоминали легкие, прозрачные крылья.

Есения не узнавала себя. Платье, прическа – все это было так непривычно, но мысль стать на один вечер кем-то другим вызывала предвкушение. Никто бы, глядя на нее сейчас, не назвал бы ее проклятой. Она казалась себе сильной и красивой. «Интересно, что скажет Оборотень?» – подумала Есения, и будто тысяча бабочек взметнулись в ее животе.

– Госпожа, вы просто замечательно выглядите! – воскликнула Томила.

– Благодарю, – холодно ответила Есения, все еще ощущая неприязнь к служанке за ее отношение к Лине.

В дверь вновь постучали, и в покои вошел тот же мальчик-слуга.

– Я провожу вас в главный зал, госпожа, – сказал он и, не дожидаясь ответа, пошел вперед.

Все, что оставалось Есени, – поспешить за ним. Главный зал, хотя это казалось невозможным, стал еще роскошнее. Большие столы, полные всевозможных яств, образовали полукруг, рубиновые вина и хмельной мед, которые шумным гостям подливали почти незаметные слуги, лились рекой. Людей было столько, что у Есени зарябило в глазах. Едва заметив ее, к ней навстречу поспешил Гостивар.

– Моя дорогая Есения, я так рад, что вы почтили нас своим присутствием! Вы выглядите просто великолепно! – не успела она оглянуться, как Гостивар вцепился ей в руку с неожиданной для такого тщедушного человека силой и повел за стол. Есения заставила себя вежливо улыбнуться, хотя все, чего она хотела, – это сбросить с себя его руку.

– Где Оборотень? – спросила она.

– Ваш проводник передал, что немного задержится по делам. Но он присоединится к нам позже, – расплылся в улыбке Гостивар.

«Как это похоже на Оборотня – оставил меня с наместником, даже слова не сказал», – разозлилась Есения. Она так хотела увидеть его реакцию на свое преобразование. Теперь же разочарование отравило всю ее радость. Наместник посадил ее по правую руку от себя. Слуга наполнил бокал Есенин багровым напитком. Гостивар поднял свой бокал, побуждая ее сделать то же самое.

– Я не уверена, что мне стоит это пить. Не обижайтесь, просто я никогда раньше...

– Это лучшее вино из моих личных погребов, – улыбнулся Гостивар. – Вам нужно немного расслабиться, моя дорогая. Я вижу, вы расстроены.

Настроение действительно было испорчено, и назло она решила: почему бы и нет. Но от первого же глотка дыхание резко перехватило, из глаз брызнули слезы, такое оно было крепкое.

Гостивар добродушно рассмеялся:

– Не так быстро, госпожа баляя, еще весь вечер впереди.

В голове у Есении зашумело. «Странно, неужели у всех такая реакция на один глоток вина? Зачем тогда люди его пьют?» – вяло подумала она. Мысли в ее голове медленно плыли. Тем временем Гостивар задавал ей вопросы, однако они доносились до нее будто через туман.

«Вроде он спрашивал про мой дар или мне показалось? А что я ответила? Не помню».

Лицо наместника вдруг стало озабоченным.

– Сколько ты ей подмешал? – спросил он у кого-то. – Видимо, для нее это было слишком много! Посмотри на нее, она сейчас отключится! Помоги мне...

Кто-то помог Есении подняться, и ее куда-то повели. Она понимала – что-то не так, но не могла стряхнуть с себя эту удушающую дымку. «Оборотень, где же ты?» – была ее последняя мысль. Затем мир погрузился во тьму.

Глава 8

Есения медленно приходила в себя. Открыв глаза, она не поняла, где находится. Вокруг были склянки с разноцветной жидкостью, пахло чем-то жженым, а сама она лежала на узком неудобном диванчике.

– Проснулись наконец-то, моя дорогая? Я уже начал беспокоиться, – раздался голос Гостивара рядом с ней.

Есения медленно села. Голова все еще кружилась.

– Где я? – голос был таким хриплым, словно она молчала неделями.

– О, вы в лаборатории – это моя гордость. Здесь происходят настоящие чудеса! Приношу свои извинения за эту маленькую оплошность с вином. Мой слуга добавил слишком много эссенции в ваш бокал, но он уже соответствующе наказан, смею вас уверить!

– В мой бокал? Вы что, опоили меня чем-то? Но зачем? – с ужасом прошептала Есения.

Гостивар раздраженно посмотрел на нее, будто был недоволен тем, как медленно она соображает.

– Баляя, я же сказал, произошла ошибка. Вы не должны были отключиться, а лишь открыть мне пару своих секретов!

– Каких еще секретов? Вы что, сумасшедший?

Услышав эти слова, наместник изменился в лице.

– Да, многие называют меня так, – процедил он. – Но разве

это сумасшествие – исследовать природу и ее пределы? Пытаться создать новые, более приспособленные к жизни виды? Человек так слаб, моя дорогая баляя, что плохого, что я хочу сделать его сильнее, лучше?

– Вы пытаетесь играть в бога Рода? Только он может создавать, только он на это способен! Я видела ваших приближенных слуг, этих мальчиков, что вы сделали с ними?

– Я дал им новую жизнь! – закричал Гостивар. – Все они были слабыми, но теперь сильны как никогда. Немного моего особого снадобья – и их не беспокоят человеческие эмоции, то, что нам так мешает!

– Но ведь это и делает нас людьми, – Есения покачала головой. – Без чувств мы перестаем быть человеческими!

– У нас разное мнение на этот счет, баляя. Однако теперь, когда по счастливой случайности вы попали ко мне, вы можете мне наконец узнать, что же отличает балий от людей. Я всегда мечтал понять ваш дар. Разговаривать с животными, приручать их, а вы к тому же умеете еще и исцелять. Разве это не чудо? Под воздействием моей эссенции вы уже рассказали мне немного, однако я хочу знать больше, нет, я хочу знать все!

Тут Есения поняла, зачем Гостивар так хотел видеть ее у себя в резиденции, почему так настойчиво звал на ужин. Он собирался ставить над ней эксперименты. Он был абсолютным безумцем. Ей в голову пришла страшная мысль.

– Где Оборотень на самом деле?

Наместник усмехнулся:

– Он в моей темнице... Пока. Дальнейшая его судьба зависит от вас. Есения, нам нет смысла проводить мои исследования силой, мне это совсем не нравится, я же не злодей какой-то. Если бы вы согласились на это добровольно, я бы мог пообещать вам, что с вашим другом ничего не случится.

Его спокойная, даже дружелюбная речь, совсем не вязалась с жадностью, которая горела в его глазах. Есения поняла, что ее загнали в ловушку.

Оборотень очнулся в грязной камере. Голова жутко трещала. Он нащупал на затылке большую шишку, на пальцах осталась кровь. Последнее, что он помнил, как он вышел из маленькой комнаты для слуг, куда его «любезно» поселил наместник, и направился в главный зал, когда сзади его ударили чем-то тяжелым. Очнулся он уже в этой клетке.

«Проклятье, Есения!» – подумал он. Оборотень чувствовал, что она в опасности. Он попробовал сломать замок, но тот был слишком крепким. Единственным решением было, хоть ему это не нравилось, – обратиться и попытаться выбить дверь. Но это раскрыло бы его, все бы узнали, что Оборотень – это не просто имя, а проклятие. Он скрывался так долго, что показаться всем было выше его сил. Но мысль о том, что Есенин сейчас нужна его помощь, поборола все остальное.

Оборотень заглянул внутрь себя:

– Зверь, я знаю, ты там. Мы должны спасти ее... Помоги мне. Но прошу тебя, не натвори глупостей.

Глубоко вздохнув, Оборотень выпустил ирбиса.

Есения пыталась придумать варианты побега. Все осложнялось тем, что ее голова все еще кружилась от яда наместника. Она попыталась встать, но мир пошатнулся.

– Я никогда не сдамся добровольно в ваши мерзкие руки, – сумела выговорить Есения.

– Жаль, жаль, – вдохнул Гостивар. – Но этот вариант я тоже рассматривал. Тогда мне незачем держать вашего Оборотня в живых, мне он бесполезен.

«Знал бы ты, на что он способен», – злорадно подумала Есения. Тут ей в голову пришла одна мысль. Если внутри Оборотня живет ирбис, сможет ли она попытаться призвать его? Но для этого ей необходимо было сосредоточиться, а это значило попытаться сбежать от Гостивара. Нужно было обмануть его.

– Хорошо, – Есения попыталась сделать свой голос обреченным. – Я согласна участвовать в ваших экспериментах, только сохраните Оборотню жизнь.

– Отлично! – наместник хлопнул в ладоши. – Вы не пожалейте, моя дорогая! Как только вы поймете, как важны мои

исследования, вы с большим энтузиазмом будете мне помогать!

Гостивар отвернулся от нее и начал копаться в бумагах на своем столе, что-то бормоча себе под нос. Видимо, он думал, что Есения слишком слаба, и это стало его ошибкой. Медленно и тихо продвигаясь, Есения схватила первую попавшуюся склянку с зеленой жидкостью с полки, которая была к ней ближе всего, молясь Велесу, чтобы это было что-то опасное, а не просто подкрашенная вода. Как раз когда наместник начал поворачиваться к ней, Есения собрала все свои силы и выплеснула содержимое склянки ему в лицо. Сил не хватило, чтобы вылить ее всю, однако попало достаточно, чтобы Гостивар начал кричать и судорожно тереть лицо.

Видимо, в ней оказалось что-то действительно едкое. Пока он мчался к деревянному ведру с водой, что стояло на полу, Есения вылетела за дверь и побежала. Вслед ей летели крики агонии наместника. Ей приходилось держаться за стены, все плыло перед глазами, но она старалась бежать изо всех сил. Вдруг она на кого-то налетела. Испуганные карие глаза уставились на Есению, и она узнала Лину.

– Слава Роду, Лина, прошу тебя, помоги мне. Наместник гонится за мной, он хочет мне навредить! Он меня опоил!

– Госпожа, я не могу пойти против господина, меня накажут! – побледнела девушка.

– Умоляю тебя, помоги! – Есения чувствовала, что силы

покидают ее.

Лина молчала, видимо боролась со страхом. Но добрая душа все же победила.

– Идемте, я укрою вас в своей комнате, – тихо произнесла она.

Лина подхватила Есению под руку и повела вниз по лестнице. Путь казался бесконечным, она почти теряла сознание. Наконец они подошли к маленькой комнатушке в самом конце узкого коридора. Лина отворила комнату, помогла Есении сесть на кровать, а затем быстро затворила дверь. У девушки тряслись руки, будто Гостивар и все его стражники уже стучались к ним.

– Госпожа, вы сказали, что вас опоили. Вы знаете, что вам дали? – спросила Лина.

– Нет. Наместник что-то говорил об «эссенции», что бы это не значило.

Лина нахмурилась:

– Я поняла. Ждите меня здесь.

Служанка выбежала из комнаты, а Есении оставалось только ждать. Она прилегла на кровать, чтобы остановить головокружение, и попыталась сосредоточиться и увидеть ирбиса, как учил ее Оборотень. Однако ей было слишком плохо, чтобы она могла использовать свой дар, и как она ни пробовала – ничего не получалось. Она чувствовала себя так, словно ее разум отказывался ей подчиняться. Тогда Есения просто закрыла глаза и представила Оборотня, не зверя, а

человека. Она не знала, что с ним, где он сейчас и жив ли он вообще, возможно, Гостивар в отместку за ее побег прямо сейчас причиняет Оборотню боль, а она ничего не может сделать. Одинокая слеза скатилась по ее щеке. «Оборотень, где ты?» – мысленно позвала его Есения.

Все его чувства обострились. Так случалось всегда, когда Оборотень становился ирбисом. Однако в этот раз звериный нюх чуял всю вонь страха и нечистот, что собрались в стенах этой темницы, и они оба поморщились.

«Пора отсюда выбираться», – проговорил Оборотень. Ирбис довольно зарычал. Приготовившись, он всем своим весом кинулся на решетку клетки. Она не поддавалась, похоже, решетка была крепче, чем Оборотень подумал сначала. Но он не отставлял попыток, снова и снова приказывая зверю бросаться на решетку. Наконец она начала поддаваться, и последним, самым сильным рывком ирбис выбил ее.

Оборотень уже слышал, как по лестнице бежит стража наместника. Их было не меньше десяти, но с этим они могли справиться. Одного за другим зверь раскидывал стражников по сторонам, словно они весили не больше бумаги. Ирбис ревел от наслаждения, наконец он смог выбраться на свободу и проявить свою силу. Один из гвардейцев задел его морду штыком, что еще больше разозлило зверя. Не успел Обо-

ротень среагировать, как ирбис отбросил стражника к стене, где тот и остался лежать, живой или мертвый.

Когда со стражей было покончено, Оборотень вновь взял контроль в свои руки. Нужно было обратиться в человека и помочь Есении. Минуты боли, следующие после, были непривычно короче, чем раньше. Поразмыслить об этом Оборотень решил позже, когда будет время.

Рана на лице жгла, кровь заливала левый глаз (видимо, штык хорошенько его задел), но было не до этого. Оборотень как смог вытер кровь рукавом туники, взял оружие у одного из лежащих без сознания гвардейцев и уже собирался броситься вверх по лестнице, чтобы найти Есению. Вдруг он что-то услышал, но не рядом с собой, а как будто внутри.

Ему показалось, что Есения спросила: «Оборотень, где ты?». Он сосредоточился на голосе и на этот раз услышал его уже громче, Есения все повторяла: «Где ты... где ты».

Вдруг он увидел ее, словно это был сон наяву. Есения лежала на кровати в маленькой комнате, рядом с ней худая девушка, похоже, служанка. Интуитивно он понял, куда ему нужно будет идти. Это было невозможно, если только...

В лесу Гринхорн было предание о древней связи существ из леса и балий – проводников знаний между лесом и людьми. Предание гласило, что однажды родится балия, которая будет не просто связующей нитью между Гринхорном и внешним миром, но частью самого леса. Этой балии суждено великое предназначение – объединить мир существ и

мир людей раз и навсегда. Чтобы помочь балии в этой нелегкой миссии, лес выбирает ей хранителя – существо, которое должно оберегать балию ценой своей жизни. Их связь будет столь крепка, что никому не под силу разорвать ее. Балия и ее хранитель будут чувствовать друг друга, знать, что грозит опасность, а иногда и общаться лишь силой мысли.

Предание пронеслось в голове у Оборотня.

– Нет-нет, не может быть, все это бред! Я не могу быть хранителем, я даже не полностью существо и не полностью человек. В предании не было ни слова о том, что хранителем может стать оборотень, – панически размышлял он вслух. – И я уж точно не подхожу на эту роль, это же смешно, я – хранитель!

«Тогда как ты узнал, где Есения? – прагматично спросил внутренний голос. – Ты не можешь отрицать, что это странно». Оборотень выругался, вспомнив, что за своими откровениями забыл, ради чего обернулся ирбисом. «Сначала помогу Есени, мы уберемся подальше от этого места, и вот тогда я уже буду думать обо всем этом», – решил он.

Не теряя больше ни секунды, Оборотень побежал вверх по лестнице.

Лина вернулась быстро. В руках она несла большую чашку, от которой поднимался слабый запах трав.

– Что это? – нахмурилась Есения.

– Я сделал вам отвар, госпожа. Здесь одолень-трава, крапива и анютины глазки, на всякий случай. Он должен помочь вам очистить кровь от эссенции.

Лина помогла Есении сесть и выпить отвар. На вкус он был горьким и отдавал лесным мхом, но, стоило немного потерпеть, как ей стало лучше. Мир перестал кружиться, даже тошнота потихоньку спадала.

– Лина, а что такое эта эссенция?

– Это снадобье, что сделал сам господин наместник, – вздохнула служанка. – Он много времени провел в своей лаборатории, прежде чем у него получилось вывести его. Он очень им гордится. Эссенция в малых дозах заставляет человека сказать всю правду, затуманивает его разум. Если дать человеку чуть больше, он впадет в беспамятство на несколько часов, а в больших дозах – оно способно заставить человека уснуть навсегда.

Лина побледнела и умолкла.

– Так вот чем вас всех здесь пугают? – догадалась Есения. – Ты боишься, что Гостивар применит на тебе свою эссенцию?

– Это не просто страх, госпожа. Многих слуг, которые чем-то провинились, вызвали к наместнику, и они больше не возвращались.

«Да что же здесь происходит?» – подумала Есения.

Она встала, и не ощутив в теле больше ни капли мерзкого

яда наместника, решила идти на поиски Оборотня.

– Лина, спасибо тебе за отвар и за то, что укрыла меня. Скажи, ты знаешь, где здесь держат пленников?

– В дальней части замка есть ход вниз, он ведет к темницам, где господин наместник держит своих врагов. Я провожу вас.

– Нет, Лина, я не могу тебя об этом просить! Ты и так много сделала для меня. Я не хочу, чтобы тебя поймали. Но, может, ты хочешь пойти со мной и моим наставником? Обещаю, мы защитим тебя, а в столице ты найдешь себе работу и навсегда избавишься от Гостивара!

– Простите, госпожа, я не могу, – отвела Лина взгляд. – В Горниграде живет вся моя семья, их накажут, если я сбегу. Такова моя судьба. Но вас я все же провожу к темницам, не волнуйтесь, я знаю тайную дорогу, нас не поймают.

– Хорошо, раз ты решила... Только, пожалуйста, больше не называй меня госпожой, я просто Есения.

Они тихо вышли из маленькой каморки Лины и начали продвигаться по узкому коридору, стараясь не попасться никому на глаза. Вся резиденция будто пришла в движение. Они слышали топот множества ног над их головами. Слава Роду, что никому из гвардейцев не пришлось в голову заглянуть в эту часть резиденции.

Вдруг они услышали, что по коридору кто-то идет.

– Быстрее, прячьтесь за этой шторой, – прошептала Лина. Есения мгновенно последовала ее совету и задержала ды-

хание.

– Здравствуйте, господин, что я могу сделать для вас? – тихо и почтительно спросила Лина.

Вместо ответа кто-то резко отдернул штору, где стояла Есения.

Есения не готова была вновь попасть в плен наместника. Готовая защищаться, она бросилась на противника, но тот схватил ее за обе руки.

– Есения... Есения, успокойся, это я! – чуть встряхнул ее Оборотень.

Она замерла от удивления, а затем бросилась к нему, тесно прижавшись к его, местами изорванной, тунике. Никогда еще Есения не чувствовала такого облечения.

– Где ты был? Я думала, тебя заточили в темницу! Боялась, что ты погиб! Что с твоим лицом, тебя ранили? – бросалась она вопросами.

Оборотень молчал, и Есения, вдруг осознав, как крепко она прижалась к нему, вспыхнула и отступила. Оборотень и сам выглядел не лучше.

– Не знал, что ты настолько соскучилась, – наконец пришел он в себя и криво усмехнулся. – Гостивар действительно бросил меня в темницу, пришлось просить ирбиса мне помочь. А лицо... это пустяки, один гвардеец штыком задел.

– Но как ты меня нашел?

Оборотень замялся.

– Давай об этом потом, надо убираться отсюда. Твоя маленькая подруга сможет нас вывести? – спросил он, взглянув на Лину.

– Я помогу, – она смотрела только на Есению. – Идите за мной.

Служанка отодвинула штору, за которой пряталась Есения, и открыла тайную дверь. В спешке она и не заметила ее. Они отправились за Линой в потайной коридор, который петлял под резиденцией.

– Откуда ты знаешь этот ход? – спросила Есения.

– Я живу здесь с десяти летних пор. Меня обучала одна добрая служанка, Умила. Она заботилась обо мне и показала этот ход, что ведет из резиденции. Она не понаслышке знала, как здесь относятся к слугам, и надеялась, что когда-нибудь ход поможет мне покинуть это место навсегда. Я не могу уйти, но я рада, что, хотя бы вас он спасет.

Маленькая покосившаяся дверь впереди выглядела очень старой. Внизу струился бледный свет.

– Эта дверь ведет в сад наместника, – сказала Лина. – Дальше я не могу вас провести. Вам придется искать дорогу через сад самим.

– Спасибо тебе, Лина! Береги себя.

Есения быстро обняла служанку, надеясь только, что наместник не накажет ее за помощь беглецам.

– Удачи, Есения. Храни бог Род... вас обоих.

Из тайного хода Есения и Оборотень попали напрямиком в густые заросли гигантских папоротников. Гвардейцев поблизости было не слышно, значит об этой двери и правда никто не знал. Вязкий аромат цветов сразу же окружил их, дышать стало тяжелее. Полная, ярко-оранжевая луна освещала сад, а значит, и дорогу к свободе.

– Стой здесь, я пойду посмотрю, как нам выбраться отсюда, – прошептал Оборотень.

– Ну уж нет, ты меня здесь не бросишь! – фыркнула Есения в ответ.

Он вздохнул, но не стал возражать, и они медленно двинулись вперед, стараясь бесшумно раздвигать огромные листья. Выход из резиденции охраняли не меньше сорока гвардейцев.

– Какой план? Их слишком много, нам их не одолеть, – прошептала Есения.

– С таким количеством в обличии человека я не справлюсь, тем более из оружия у меня только этот штык. Мне придется обратиться... но даже тогда нет гарантии, что мы выберемся.

Из резиденции вышел Гостивар и начал отдавать приказы гвардейцам. Кожа на его лице была красной и вся в волдырях.

– Что это с ним? – пробормотал Оборотень.

– Не стоило ему меня травить и угрожать расправой над

тобой, – усмехнулась Есения.

– Что значит «травить»? Это ты с ним сделала?

– Я тебе потом все расскажу, когда выберемся.

Оборотень покачал головой, но не стал возражать. Их разговор прервал тот же дикий рев, который они слышали, когда только пришли в резиденцию. В голове у Есении тотчас возник безумный план.

– Оборотень, что, если мне попробовать призвать животных из клеток Гостивара?

– Ты даже не знаешь, что это за звери! Они могут напасть и на тебя тоже.

– У тебя есть идея получше? Как мы одни справимся с сорока гвардейцами?

Немного подумав, Оборотень сказал:

– Хорошо, можно попробовать, все равно другого выхода нет. Надо пробраться ближе к клеткам.

«Как это было похоже на Оборотня. Идея была ее, а он уже всю принял командовать», – раздраженно подумала Есения.

Они медленно пробирались в своем укрытии, рев становился все ближе и ближе, пока наконец они не вышли к клеткам. Огромные, они занимали всю дальнюю часть сада. Их было четыре, и в каждой сидели животные, каких Есения никогда не видела ни в книгах, ни тем более в жизни. По удивленному лицу Оборотня она сделала вывод, что и он встретился с таким в первый раз.

Прямо перед ними в клетке спал олень. Аккуратные рога, светло-серая, гладкая шерсть. Обычный олень... не считая того, что у него было тело льва. В другой клетке сидела большая, ростом с человека, птица с нежно-фиолетовым оперением. Услышав шелест листьев, она уставилась на Есению круглым золотистым глазом. В третьей клетке огромная ящерица с головой дикой кошки спокойно вылизывала свои изумрудно-зеленые лапы.

Но четвертое существо... казалось необычным даже среди своих собратьев по несчастью. Оно было похоже на феникса из старинных преданий, только в пять раз больше. Его перья переливались всеми оттенками желтого и оранжевого, он был прекрасен и ужасен одновременно. К лапе феникса была привязана толстая цепь. Именно он издавал тот страшный рев, что они слышали.

– Что это за животные такие? – побледнел Оборотень.

– Боюсь, это не редкие виды. Это результаты экспериментов Гостивара.

Есения кратко рассказала о безумии наместника, умолчав пока о части про его интерес к дару балий.

– Я не уверена, что мне под силу приручить их. Я никогда не пробовала использовать свой дар больше, чем с одним животным, а эти существа необычные.

– Не поймешь, пока не попробуешь, – хмыкнул Оборотень. – Нам придется придумать, как вызволить их из клетки. Я пойду посмотрю, какие там замки, а ты пока попытайся

поговорить с ними. И он исчез в кустах.

Есения подошла к клетке феникса, именно он притягивал ее больше всего. Знакомое тепло зародилось в груди, когда она сосредоточила на существе свой взгляд. Не сопротивляясь, Есения направила его по всему телу, позволила ему охватить ее полностью. Феникс, будто тоже что-то ощутив, поднял голову и посмотрел на нее, затем подлетел ближе, прямо к прутьям клетки, где она стояла. Есения старалась наладить связь с ним, и наконец ей это удалось.

Волны страха, боли, безысходности почти сбили ее с ног. Она почувствовала все, что делали с этими бедными существами здесь, в обители сумасшедшего ученого. Есения увидела эксперименты, что ставил Гостивар над животными, скрещивание разных видов, ужасные болезненные процедуры, жизнь взаперти, на потеху гостям наместника. Но самое главное – она увидела, чего так желает феникс – ему уже давно пора было сгореть, оставить эту жизнь и переродиться вновь. Однако цепь Гостивара была смазана каким-то зельем и не давала фениксу умереть. День за днем он кричал от бессилия, не мог освободиться от клетки.

Есения рухнула на колени, боли было слишком много. Горячие слезы капали на землю, жалость и ярость боролись в ее сердце, и в тот же момент она поклялась себе освободить всех этих существ из заточения. Кусты рядом зашелестели и, через секунду, Оборотень уже опустился перед ней, сжав ее плечо.

– Что случилось? Есения, тебе больно?

Она схватилась за его руку, как за единственную опору в этом месте, полном ужасов.

– Феникс показал мне, что делают здесь с этими бедными существами. Гостивар должен заплатить за свои деяния, – процедила Есения.

– Мы разоблачим его. Сначала мы освободим всех этих существ, а затем расскажем королю Земираду, что здесь творится. Не сомневайся, Гостивар получит заслуженную кару, я тебе обещаю.

Оборотень помог ей подняться, и Есения заметила большие щипцы в его руке.

– Это для замков, – пояснил он в ответ на ее немой вопрос.

– Где ты их нашел?

– Залез в сарай садовника, он там, неподалеку. Там не было никакой охраны, все ищут нас возле резиденции. Ты смогла поговорить с существами? Нужно убедить их помочь нам. Без них мы не сможем выбраться отсюда.

Молча кивнув, Есения повернулась обратно к клетке. Она еще ощущала тепло руки Оборотня, все ее тело будто наполнилось светом, и мысленно она обратилась к фениксу, убеждая его помочь. Она пыталась вложить в свое послание мысли о ярком огне свободы, что ждет феникса, если он сбежит. Существо долго смотрело в глаза Есени. Она понимала его недоверие, ведь человек сотворил с ним ужасные вещи. Наконец феникс поклонился ей в согласии. Есения почувство-

вала внутри себя его надежду.

После этого она переходила от клетки к клетке, убеждая других существ присоединиться к ним. Наконец, заручившись поддержкой всех, Есения и Оборотень набросали план побега.

– Мне тоже придется обратиться, – сказал он. – Иначе нам не успеть проскочить через стражу. Отвернись, Есения.

– Ты что, стесняешься меня? – рассмеялась она. – Да ты покраснел!

– Мне плевать на мою наготу, – закатил глаза Оборотень. – Но обращение – неприятное зрелище, уж поверь мне.

С этим было не поспорить. За спиной послышался знакомый треск костей, однако в этот раз обращение заняло у Оборотня меньше времени.

«Как странно...» – задумчиво произнес он. Его голос вдруг стал ниже, чем обычно.

– Что именно? – спросила Есения, все еще стоя спиной к нему.

«Обычно я испытываю ужасную боль при обращении, но сейчас... Как будто я стал легче это переносить и делаю все быстрее».

Почувствовав движение рядом с собой, Есения обернулась. Рядом с ней стоял ирбис. Он был также прекрасен, как и в первый раз, когда она его увидела. Есения ничего не могла с собой поделатъ и пару секунд просто таращи́лась на него.

«Ты насмотрелась?» – хитро усмехнулся ирбис.

– Просто никак не привыкну, – пробормотала в ответ Есения.

Вдруг она поняла, что слышит голос Оборотня, хотя он не говорил вслух.

– Оборотень! Но к-как это возможно? Я слышу тебя! Это потому что ты сейчас ирбис?

«Нет, не поэтому, – вновь раздался голос, – но я расскажу тебе позже. Сейчас нам нужно спешить. Почти стемнело».

– Хорошо, только подрежу это дурацкое платье.

Есения подняла штык и без сожалений отрезала длинный аквамариновый подол, расплела тугие косы. Настала пора снова стать собой. Храбрости ей придавала вера, что они смогут освободить всех, кто годами страдал в этом отравленном месте.

У ворот резиденции наместник распался все больше и больше.

– Где, Чернобог вас заberi, эта балия? Почему вы до сих пор ее не нашли? – кричал он.

Широкоплечий гвардеец, стоя навытяжку, четко произнес:

– Господин наместник, мы прочесываем территорию. Она не могла далеко уйти. Отряд проверяет резиденцию, и мы зажгли факелы, чтобы отыскать ее, если она в саду.

– Давайте поживее. И объясни мне, как вы упустили Оборотня из темницы? Как один человек смог справиться с пятнадцатью стражниками?

– Один из них сказал... – гвардеец замялся. – Сказал, он обернулся зверем и накинулся на них!

Есения встретилась взглядом с ирбисом. Плотные кусты пока скрывали их от Гостивара, но это было ненадолго.

– Что за чушь! Каким еще зверем? Они что там, мед пили на посту?

– Никак нет, господин. Я сам лично проверял сразу перед их вахтой. Все они были абсолютно трезвые!

– Да что ты несешь такое... – зло махнул рукой наместник. – Иди отсюда, не мозоль мне глаза.

Гвардеец развернулся, но в ту же секунду Гостивар вскрикнул:

– Ну-ка, стой. А что это был за зверь?

– Стража говорит, что это животное было похоже на какую-то дикую кошку, только огромную!

Времени не осталось.

«Ты готова?» – спросил Оборотень. Внимательные голубые глаза ирбиса смотрели спокойно. Что бы ни случилось, отступать было поздно, но сердце от страха стучало в висках. Есения кивнула и сделала шаг вперед.

Поляна, окруженная факелами, напоминала место казни. Первыми их заметили гвардейцы. Острые штыки мгновенно нацелились на них, но Есения старалась смотреть только

на наместника. Ирбис сел рядом, и она схватилась за густую шерсть на его лапе, надеясь только, что он не чувствует, как дрожит ее рука.

Все на секунду замерли. Однако Гостивар быстро сбросил с себя наваждение и его губы растянулись в хищной улыбке.

– Моя дорогая Есения, как же я рад снова вас видеть! Вы так быстро убежали от меня, что мы не успели закончить наш преинтереснейший разговор.

«Он хочет тебя отвлечь», – прорычал Оборотень.

– Наместник Гостивар, вы ответите за свои преступления! – громко произнесла Есения.

На это наместник лишь хмыкнул.

– Несомненно, моя дорогая, кто-то сегодня ответит. Но думаю, это будете вы и ваша зверушка. Или, мне по-прежнему называть его Оборотень?

Ирбис рядом с Есенией низко зарычал.

– Настоящий оборотень... – задумчиво продолжал наместник. – Его как раз и не хватает в моей коллекции. Он будет ее драгоценностью. А вы, баляя, пожалеете, что не пошли на все добровольно. Я позабочусь, чтобы все дальнейшие процедуры были для вас достаточно болезненны. Сдайтесь сейчас, вы же видите, ситуация не в вашу пользу. Нас много, а вас всего двое.

Торжество в глазах Гостивара вкупе с его обезображенным лицом придавало ему поистине ужасающий облик. Это лишило Есению последних сомнений.

– Вы ошибаетесь, наместник, – холодно улыбнулась она. – Мы не одни.

Ирбис припал к земле перед Есенией, чтобы дать ей время. Она закрыла глаза, покалывание в кончиках пальцев быстро превратилось в горячую волну, наполнившую ее тело. Мысленно она нашла существ, что затаились в саду. «Начинайте», – отдала она приказ.

Отряд стражников стянулся к поляне. Они медленно двинулись к ирбису, но тут позади Есении появились пленники зверинца. И словно пекло разверзлось на земле. Лев-олень, направив рога вперед, кинулся на гвардейцев. Острые когти помогали ему, добивая тех, кто не был задет рогами. Кошка-ящерица тенью проскользнула позади стражников, сильным хвостом отсекая врагов, а острые зубы заканчивали работу. Воинственный хрип разорвал небо, и сверху спикировала фиолетовая птица. Она клевала всех, до кого могла дотянуться, искривленные когти вгрызались в гвардейцев, повсюду слышались стоны и проклятия.

Ирбис не подпускал никого к Есении, разбрасывая стражу, словно щепки. В пылу битвы, они не заметили, как небольшой отряд стражников выкатил из резиденции страшное оружие. На деревянном основании была закреплена огромная тетива, на которой лежала стрела длиной не меньше шести пядей. Первая смертоносная стрела попала в льва-оленя, отбросив существо далеко назад. Тело Есении пронзила острая боль, словно она сама была ранена. Вскрикнув,

она упала на колени, из носа хлынула кровь. Словно через туман она слышала, как Оборотень зовет ее, затем перед глазами появилась серебристая шерсть.

– Я в порядке, – с трудом удалось произнести Есении. – Уничтожь это оружие, Оборотень.

Боль отпустила, и она поняла, что больше не чувствует связи со львом-оленом. Видимо, существо погибло от раны. Не такой свободы она обещала ему, ярость охватила ее, и она же помогла Есении подняться.

Гвардейцы заряжали новую стрелу. Фиолетовая птица улетела, как только Есения на секунду потеряла связь с существами. Ирбис ринулся к двум стражникам, что заряжали оружие, оставив Есению без защиты.

– Взять ее, она мне нужна живой! – закричал Гостивар.

Он жадно глядел на Есению, словно уже победил, словно он сможет выйти целым из этого побоища. Три гвардейца двинулись к ней, выставив штыки, но тут на них бросилась кошка-ящерица. Вся покрытая кровью, с обрубком вместо хвоста, она громко шипела, разрывая их на части.

Ирбис в последний момент увернулся от стрелы, выпущенной в него. Всем своим весом он кинулся на оружие, однако его было не так-то легко разрушить, а со всех сторон его окружили гвардейцы, штыками пытающиеся ранить его. Один штык задел его переднюю лапу, другой бок.

– Нет! – вскрикнула Есения и обратилась к своей последней надежде.

Просьба о помощи была услышана и громкий визг, казалось, пошатнул саму землю. Гвардейцы закричали, закрывая уши. На фоне ночного неба мелькнула ярко-оранжевая вспышка. На поляну опустился феникс. Взметнув огненные крылья, он опалил всех жаром. Воспользовавшись заминкой, ирбис бросился на оружие, окончательно его уничтожив.

Феникс же не обращал внимания на стражу, он искал лишь одного человека – того, кто причинил ему невыразимые страдания. Есения чувствовала внутри его раскаленный гнев. Заметив наместника, феникс полетел прямо на него.

– Защищать господина! – крикнул командир, и отряд сплотился вокруг Гостивара.

Они выставили штыки, готовые встретить феникса, однако тот не стал нападать на них ни острыми, как лезвие, когтями, ни клювом. Существо начало светиться изнутри, феникс становился все ярче и ярче, пока его тело не вспыхнуло чистым огнем, и вся эта мощь обрушилась на Гостивара и гвардейцев, не дав им издать и крика.

На поляне стало необычайно тихо, лишь пепел кружился в воздухе, напоминая снегопад. Пахло удушливым дымом и медью. Хромающий ирбис подошел к Есении. Кровь из носа продолжала хлестать, у нее кружилась голова, а тело перестало слушаться.

Ирбис прилег перед ней, и Есения с трудом забралась к нему на спину. «Наконец феникс свободен», – была ее последняя мысль, прежде чем силы покинули ее, и она потеря-

ла сознание.

Глава 9

По узким улицам Оборотень бежал к единственному человеку, которого он знал в этом городе и который обязательно им бы помог. Есения на его спине пока не пришла в себя. Рядом с ним скользила кошка-ящерица, которая либо не знала, куда ей податься, либо инстинктивно следовала за Есенией.

Оборотень понимал, что появляться на пороге Милоша в виде ирбиса – не лучшая идея, да еще и со странным существом рядом, однако выбора у него не было – он был ранен и слишком устал, чтобы сейчас обернуться человеком. Лапой он поскребся в дверь, и за ней послышались шаги. Милош открыл, пару секунд молча посмотрел на неожиданных гостей и, покачав головой, коротко сказал:

– Заходите. Скорее.

Милош поднял Есению на руки и занес ее в дом, а Оборотень направился в сарай, чтобы попытаться обратиться. Кошка-ящерица пошла за ним. Напрягая последние силы, Оборотень начал обращение. В этот раз все было как раньше: дольше, тяжелее, больнее, как будто ирбис пока не готов был отдать власть в руки Оборотня и сопротивлялся. Кошка-ящерица, будто чувствуя его страдания, потихоньку подвывала в углу рядом с рыжей кобылой, которую он напугал уже дважды.

Приняв обличие человека, Оборотень заметил перед входом в сарай одежду. Видимо, Милош положил ее туда, пока он обращался. Мысленно поблагодарив друга, Оборотень с трудом натянул одежду. Все тело болело. Правая рука и бок истекали кровью, штыки сильно его задели. Рана на лице, что подсохла, пока Оборотень был ирбисом, при обращении снова открылась, и кровь заливала глаза.

– Побудь пока здесь, – сказал Оборотень кошке-ящерице.

Видимо она поняла, потому что за ним не пошла. Пошатываясь, Оборотень вышел из сарая и направился к дому. Милош сидел у очага.

– Как Есения? – сразу с порога спросил Оборотень.

– Спит. Силы ее оставили. С ней Ана, не волнуйся. Да ты и сам не в лучшем состоянии. Садись, я посмотрю на твои раны.

Милош достал из шкафа кожаный чехол, в котором лежали медицинские инструменты. В ответ на вопросительный взгляд Оборотня Милош сказал:

– Это сейчас я перебиваюсь работой то там, то здесь, однако раньше я врачевал. Это было давно, но думаю, с твоими ранами я справлюсь. Хорошо хоть инструменты остались.

Осмотрев раны, Милош произнес:

– Рана на руке несерьезная, на боку похуже. Я зашью, но нужно будет тебе побережться. На лице останется шрам, тут уж ничего не поделаешь.

Первый стежок прокаленной иглы пронзил бок огненной

болью. Оборотень тихо застонал.

– Расскажи, что произошло, – отвлек его Милош.

Сжав зубы, Оборотень поведал обо всем, что было в резиденции наместника.

– Вот же паскуда! – выругался Милош. – Все знали, что у наместника в резиденции что-то нечисто, но чтобы эксперименты? И он хотел изучить дар балий? Безумец. От того, что он преставился, городу, конечно, будет только лучше, да вот я за вас теперь переживаю.

Он вдохнул.

– Убить королевского наместника – это вам не шутки. Ты думал, что теперь будет с вами, Оборотень? Что будет с Есенией?

– Когда король Земирад узнает всю правду... он поймет, что это было необходимо. Гостивара убили не мы, а его собственные... создания, – прохрипел Оборотень.

– И ты убежден, что, когда ты расскажешь королю эту историю, он смягчится? Я знаю, ты доверяешь ему, но разве не он посадил Гостивара в наместники? Эта история скажется не только на Горниграде, но и на власти короля.

Милош наложил тугую повязку и, помолчав, добавил:

– Я только прошу пообещать мне, что ты защитишь Есению. В королевском замке у нее не будет никого, кроме тебя.

– Я сделаю все ради нее, – процедил Оборотень.

Милош кивнул, а затем заставил его выпить горький отвар. Боль пульсировала во всем теле, но сильнее всего не да-

вал покоя разум.

Наконец, Оборотень решился и спросил:

– Милош, ты когда-нибудь слышал предание об избранных балиях и их хранителях?

– Да, я знаю эту легенду, а что?

– Когда я был ирбисом, я слышал зов Есении в своей голове и знал, куда мне идти, чтобы найти ее. Я понимаю, что это всего лишь предание и я не существо из леса Гринхорн, но... можем ли мы с Есенией быть связаны?

Оборотень видел, что его слова шокировали Милоша. Он глубоко задумался и крутил свои усы пару минут. Наконец он сказал:

– Если балии существуют на самом деле, так почему бы и этому преданию не быть правдой? Я изучал множество книг, легенд, сказаний, и единственное объяснение тому, что ты мне рассказал, – это связь балии и хранителя. Да, ты не полностью существо и такого я не встречал, однако твоя связь с Гринхорном очень сильна. Только Великий Олень – защитник леса, назначает избранной балии хранителя. Что-то побудило его выбрать именно тебя. Если между тобой и Есенией действительно есть связь, то она будет только крепнуть со временем. Вы будете чувствовать друг друга все сильнее. Ты говорил ей об этом?

– Не было времени. Мне нужно сначала самому это обдумать.

– Тебе придется сказать. Скоро Есения тоже начнет чув-

ствовать связь, и у нее есть право знать, что происходит с ней, тем более, что первые ее шестнадцать летних пор прошли во лжи. Ваша связь – не единственное, с чем ей придется столкнуться. Быть избранной балией – тяжелая ноша. Я беспокоюсь за Есению.

– Я не собираюсь таить от нее это, – ошетинился Оборотень. – Это не так уж просто подойти и сказать: «Здравствуй, Есения. Оказывается, мы с тобой связаны на всю жизнь, скоро ты начнешь слышать мои мысли и знать, где я нахожусь. Ах да, еще ты – избранная балия и твое предназначение – объединить мир людей и существ!»

– О чем это ты? – вдруг раздался голос.

Милош и Оборотень обернулись. Позади них стояла побледневшая Есения.

– Есения, послушай... – начал Оборотень.

– Нет, это ты послушай! – перебила она его.

Ей пришлось привалиться к двери, тело по-прежнему трясло от слабости.

– Хватит недомолвок, хватит скрывать от меня правду! Я имею право знать обо всем!

Милош выразительно посмотрел на Оборотня.

– Ну что ж, ты права, – вздохнул он.

Когда он закончил, Есения пару минут не двигалась, а за-

тем тяжело рухнула на стул. Рассказ о том, что произошло в подземелье наместника, сбивал с толку. А вот предание об избранной балии и великое предназначение так вообще звучало попросту смешно.

– Этого не может быть... – пробормотала она. – Какая из меня избранная, вы что, шутите? А связь? Мы что же, теперь навсегда соединены и будем слышать мысли друг друга?

– Связь – это нечто большее, – сказал Милош. – Вы будете не просто слышать, но и чувствовать друг друга, если одному из вас будет грозить опасность, другой будет знать это. Со временем вы будто станете единым целым. Ваша связь уже проявилась в резиденции наместника.

– Значит, так ты нашел меня у Лины? Через нашу связь? – повернулась она к Оборотню.

– Да. Неожиданно я услышал твой голос у себя в голове, ты звала меня. Сначала я не понял, что происходит, но затем я не просто услышал, но и увидел, где ты находишься. Пока я искал тебя, меня словно вела незримая нить, как будто один ее конец был в моей руке, а другой в твоей.

Есения пыталась осмыслить все, что свалилась на нее. События в ее жизни развивались все стремительнее. Еще три недели назад она была обычной деревенской девчонкой, которая ничего не знала об этом странном, запутанном мире балий, хранителей, волшебных лесов и существ.

Она молчала, погруженная в себя. Оборотень и Милош не мешали ей, видимо, понимая, как трудно ей было принять

такую большую ответственность.

– Если все это правда... что мне нужно будет делать? – через некоторое время спросила Есения. – Я только начала познавать дар балий, как я смогу объединить кого бы то ни было?

– Пока ты не должна волноваться об этом, – Милош хлопнул ее по плечу. – Сейчас главное для вас обоих – это понять границы вашей связи. Вам нужно научиться чувствовать друг друга. Теперь Оборотень не просто твой проводник и учитель, он твой защитник.

Есения посмотрела на Оборотня и успела заметить сомнение на его лице, всего на секунду, а потом оно вновь стало бесстрастным. Однако эта вспышка не давала ей покоя. Огорчен ли был Оборотень этой связью между ними?

– К сожалению, я не смогу помочь вам постичь эту связь, лишь вы двое способны на это, – продолжал Милош. – Тем более у вас осталось немного времени, вам пора выбираться из этого города. В Горниграде еще остались прислужники Гостивара, и они знают, что это вы приложили руку к его гибели. Чем быстрее вы доберетесь до короля, тем больше у вас шансов объяснить ему ситуацию. Поэтому я советую вам не дожидаться утра и отправляться в путь сейчас. Но сначала вам нужно немного восстановить силы.

Ана принесла два ломтя ржаного хлеба и немного молока. Оборотень, несмотря на уговоры Милоша, отказался есть. Он был бледным, на лбу выступил пот. Есения очень трево-

жила за него, хотя он и говорил, что все в порядке. Милош собрал им еды в дорогу, а Ана дала Есении свой сарафан и рубашку взамен разорванного подарка Гостивара. Есения с наслаждением переделалась в простую одежду, она не хотела больше касаться и пальцем чего-то, что принадлежало наместнику.

– Милош, Ана, мы никогда не сможем отблагодарить вас за все, что вы для нас сделали. Без вас мы бы погибли. Никогда я еще не встречала таких добрых людей, как вы, – Есения сердечно обняла их.

– Это честь для нас – познакомиться с вами, – ответил Милош, обнимая ее в ответ. – Мы рады были помочь. Надеюсь, когда-нибудь наши пути вновь пересекутся. Ваше странное существо мы пока подержим у себя, не выпускать же ящерицу с головой кошки в город, а потом что-нибудь придумаем.

– Спасибо вам за все, – кратко сказал Оборотень, подавая руку Милошу, но тут же очутился в крепких объятиях.

Может быть, свет очага упал на лицо Оборотня, однако Есения готова была поклясться, что он покраснел.

Стараясь никому не попадаться на глаза, они шли к воротам из города. Видимо, пока в Горниграде не распространилась новость о гибели Гостивара, потому что никто не попытался задержать их. На рассвете Есения и Оборотень покинули «небесный» город.

Глава 10

До Хорсана было около десяти дней пути. Однако Есения и Оборотень шли медленно из-за его раны на боку, которая оказалась серьезнее, чем они думали. Оборотень был раздражен, они не успевали в срок, данный ему королем Земирадом, и это его сильно тревожило. Тему связи Оборотень не обсуждал, а Есения не настаивала, ждала, пока ему станет лучше.

Последние припасы закончились на шестой день, и пришлось зайти в деревню Утинок, что сиротливо притаилась на берегу мелкой речушки. Ничем не примечательная, она походила на ту, где они останавливались перед Горниградом. Есенин казалось, что ее встреча с медведем словно была несколько лет назад, так много всего произошло после нее.

Оборотень предложил переночевать в деревне, а наутро отправиться в путь, объяснив это тем, что они все равно уже опоздали к назначенному сроку. На самом деле, Есения понимала, что раны не давали ему покоя, долгая изнурительная дорога не способствовала быстрому заживлению, и Оборотень шел из последних сил.

Они поели в маленькой гостинице, где устроились на ночлег. Домашняя теплая еда была верхом блаженства после вяленого мяса и воды, доступных им в пути. Оборотень стал выглядеть лучше, его лицо раскраснелось от жара очага.

Дружелюбная молодая хозяйка поставила перед ними две большие кружки чая и только что испеченный яблочный пирог с душистой корочкой.

Может, это уютная атмосфера гостиницы располагала к откровенности, а может, просто пришло время, но Есения решилась наконец поднять тему, которую они с Оборотнем не обсуждали после Горниграда.

– Ты действительно веришь в эту связь между нами? Ты мой хранитель, а я избранная баляя – все это даже звучит странно.

Оборотень вздохнул и повернулся к ней.

– Я всегда смотрю в лицо фактам, Есения. Нет другого объяснения тому, что произошло в резиденции Гостивара.

Ей было тяжело задать следующий вопрос, но она все же решилась:

– А ты... Ты не слишком расстроился, когда узнал об этом? – выпалив это, Есения покраснела. – Я имею в виду, что ты собирался отвести меня к королю и на этом твоя задача должна была быть выполнена, а теперь ты застрял со мной на всю жизнь!

– Есения... мы не всегда можем выбирать судьбу, иногда она находит нас. Я не знаю, почему Великий Олень выбрал меня как твоего защитника, и не знаю, что тебе предстоит впереди, но это моя и твоя судьба, так говорится в предании. Мы можем сопротивляться, можем кричать, что не хотим ее, но это ничего не изменит, все равно это предначертано.

Я скажу тебе правду: когда я узнал об этом, мне стало страшно, я не был уверен, что я справлюсь с ответственностью, что возложил на меня Великий Олень. Однако времени, что мы провели в дороге, было достаточно, чтобы я осознал, что неважно, насколько я боюсь или сомневаюсь, важно только то, что ты, Есения, – это ключ к объединению двух миров. Если мне уготовано защищать и помогать тебе в этой нелегкой ноше, я разделю ее с тобой.

Тепло наполнило ее изнутри. Есения не знала, что сказать. Она не ожидала, что Оборотень будет готов вот так сразу броситься в жизнь, которую он не планировал.

– Ты думаешь, у меня получится? – тихо спросила она. – Думаешь, я смогу объединить мир людей и мир существ из леса Гринхорн? Мне кажется, что в предании ошибка. Я не чувствую той силы, что оно мне приписывает. Я даже не знаю, с чего мне начать!

– Начнем с того, что доберемся, наконец, до Хорсана. Там ты познакомишься с королем Земирадом, и он обязательно поможет нам, наши цели совпадают. Он сделал смыслом своей жизни спасение королевы. Как только он узнает о предании, он сделает все, чтобы ты смогла связаться с лесом. Никто не требует от тебя продумывать все полностью сейчас. Давай решать все постепенно.

– Похоже на план, – хмыкнула Есения. – И раз мы теперь связаны... может, расскажешь побольше о себе? Ты знаешь обо мне все: где я выросла, про Анастасию, про мой дар, но

я совсем ничего не знаю о тебе.

– Что бы ты хотела знать? – немного подумав, неохотно спросил Оборотень.

– Как-то ты сказал мне, что взял имя «Оборотень», когда ушел из леса Гринхорн. Что на самом деле это не имя, а твоя сущность. Как же тогда тебя зовут на самом деле?

Тема леса Гринхорн, видимо, была запретной для Оборотня. Он сразу поморщился, и Есения уже подумала, что он снова смолчит, но тут он выдал:

– Мое настоящее имя – Эйренэйос. Так меня нарекли существа, среди которых я рос в Гринхорне.

– Эйренэйос... – тихо произнесла Есения. – Какое необычное имя!

– Все имена, что давали в Гринхорне, покажутся тебе необычными, потому что лес закрыт от людей уже двести лет. Раньше они тоже были редки, но люди их знали, так как была налажена связь между существами и балиями. Однако, чем больше времени проходит, тем больше люди начинают верить, что волшебство леса Гринхорн – лишь сказки.

– Ты был единственным человеком среди жителей леса?

– Да. Меня вырастили существа, однако все они были разумными, возможно, даже разумнее некоторых людей, – усмехнулся Оборотень, но сразу вздрогнул из-за пореза на лице.

За шесть дней он покрылся уродливой коркой, пересекающей левую бровь и глаз. Хвала Роду, что сам глаз не постра-

дал, и Милош обещал, что вскоре от раны останется лишь бледная полоса.

– Я вижу по твоему лицу, что ты жалеешь меня, – неправильно истолковал ее молчание Оборотень. – Но не стоит, я был счастлив, пока рос в Гринхорне.

– Разве тебе не было одиноко? Ты был единственным человеком, отличался от них.

– Я никогда не чувствовал себя отверженным. Ты думаешь так, потому что не знаешь, каково это – расти среди умнейших существ на земле. Они никогда не давали мне понять, что я в чем-то хуже их. Когда в двенадцать летних поря первый раз обратился в ирбиса, Великий Олень объяснил мне, что со мной происходит. Если бы это случилось за пределами леса... не знаю, как бы я справился.

– А какой он, Великий Олень? – наклонилась поближе Есения.

– Огромный, даже больше, чем я, когда обращаюсь в ирбиса. Его мех светло-золотистого цвета, кажется, что на солнце он сияет. Большие рога уходят прямоком к небу, на них растут цветы и мох. Великий Олень – разумнейшее и мудрейшее существо в нашем мире. Он защитник леса, ничто не может ускользнуть от его пристального взгляда.

Помнишь, я рассказывал тебе, что младенцем меня подкинули ко входу в Гринхорн и я не знаю, почему лес принял меня, хотя был закрыт для всех людей? Я был не совсем честен с тобой. Лес принял меня, потому что я не был полно-

стью человеком. Моя мать была человеком, а отец – существом из леса Гринхорн.

– Твой отец был существом? Но как это возможно? – ахнула Есения.

– То, что я сейчас расскажу, должно остаться между нами, ты обещаешь мне?

– Конечно!

– Нигде никогда не упоминалось, что волшебные существа могут выходить из леса. До нападения короля Драгомира они хранили это в секрете на всякий случай, будто не до конца доверяли людям, и это оказалось правильным решением. После нападения, когда Гринхорн закрылся от людей, эту тайну начали оберегать еще яростнее. Если бы люди узнали о том, что существа выходят из леса, что проход может быть открыт, но только изнутри, представляешь, что бы тогда случилось? Сын короля Драгомира не остановился бы ни перед чем, чтобы проникнуть в лес.

– Но зачем существам выходить из леса?

– Чтобы присматривать за людьми и понимать, что происходит вне Гринхорна. Не знаю, может быть, Великий Олень ждал, когда люди вновь будут достойны общения с лесом.

– Скажи, как люди могли не заметить волшебное существо? Я бы точно удивилась, если бы огромный олень расхаживал по городу.

– Естественно, существа выходили в город не в своей истинной форме. Как только они покидали Гринхорн, они при-

нимали обличие людей. Моя мать Инга работала в лавке пряностей на рынке в Хорсане. Ее отец был купцом, эта лавка принадлежала их семье. Моего отца звали Кальяс, в то время именно его обязанностью были вылазки в город, чтобы оценивать обстановку. Когда отец увидел мою мать, он сразу влюбился в нее, так он говорил. У нее были золотые волосы до самой земли, обычно во время работы она заплетала их в толстую косу, но как-то, когда отец был на рынке, она распустила ее после работы, и ветер их подхватил.

Отец не мог отвести от нее глаз. Еще несколько вылазок после он не мог собраться с силами, чтобы заговорить с ней. Мать поняла, что она не просто так каждую неделю в одно и то же время видит его около своей лавки, и заговорила с ним первая. Их любовь была как пожар, сильной и быстрой. Однако в Гринхорне существовало строгое правило, запрещающее отношения между людьми и существами. Мой отец надеялся, что, когда он расскажет об Инге Великому Оленю, он разрешит им быть вместе, но тот был непреклонен.

Лес больше не выпустил моего отца. Отец не знал тогда, что моя мать ждет ребенка. Через год кто-то оставил младенца перед входом в Гринхорн. Видимо, моя мать не справилась одна и решила отдать меня отцу. Мой отец был ирбисом, я унаследовал от него эту часть себя. Великий Олень сжалился над ребенком и не смог оставить его умирать у входа в лес. Так существа вырастили меня.

– Почему ты ушел из леса? – спросила Есения, хотя уже

догадывалась об ответе.

– Я хотел найти свою мать. Отец рассказал мне эту историю, когда умирал от хвори. Я был ослеплен яростью на отца и на Великого Оленя. Я не мог простить, что они оставили мою мать одну. Я решил покинуть Гринхорн, чтобы отыскать ее. Великий Олень предупреждал меня, что, если я уйду, лес уже не примет меня обратно. Но я ничего не хотел слышать. Лес отпустил меня, и я отправился на поиски матери. Однако я не учел, что время в Гринхорне идет по-другому, что существа из леса живут намного дольше людей. Когда я разыскал место, где жила моя мать, мне сказали, что она умерла от старости, ведь в человеческом мире прошло уже шестьдесят летних пор. В отчаянии я пытался вернуться обратно в Гринхорн, где были все, кого я знал и любил, но Великий Олень говорил правду, лес не пустил меня обратно.

Есения не могла сдержать слез. Ее сердце болело за Оборотня, она села ближе и взяла его за руку.

– Мне так жаль, что тебе пришлось пройти через это.

Оборотень улыбнулся и переплел их пальцы, принимая поддержку.

– Ничего, Есения, это было давно. Прошло уже двадцать лет с того времени.

– Двадцать? – выдохнула она. – Получается, тебе сейчас...

– По человеческим меркам, восемьдесят три летних поры, – усмехнулся Оборотень.

– Теперь понятно, что ты имел в виду, когда говорил, что

ты намного старше меня, – пробормотала Есения. – Скажи, как ты выжил за пределами Гринхорна? У тебя же не было никаких знакомых в мире людей!

– Я обратился к королю Радиславу. Я пришел к нему и рассказал, что я вырос в лесу Гринхорн. Мне пришлось частично обратиться, чтобы он поверил мне. Однако что я превращаюсь в настоящего ирбиса, он не знал. Радислав не был одним из своих безумных предшественников, он подумывал наладить контакт с Гринхорном, чтобы люди вновь могли перенимать знания от существ. Он хотел, чтобы я этим занялся, однако лес мне не отвечал, и тогда король назначил меня ищейкой, чтобы я искал балий и приводил их в замок. Именно поэтому мне трудно поверить Милошу в его обвинения в сторону Радислава, он дал мне работу и кров, без его помощи я бы погиб.

Тут Есении пришла в голову догадка.

– Именно ты сопровождал жену Милоша, Надию, в замок короля?

– Да, это был я, но только в первый раз, когда ее представляли ко двору. Потом, когда она сбежала, не я был тем, кто вернул ее. Когда Надию убили, меня не было в замке, я был в дороге за другой балией, и это заняло у меня несколько месяцев. К сожалению, когда я приехал за девушкой, я узнал, что она умерла от хвори за пару дней до моего прихода. Я вернулся в Хорсан ни с чем.

– Почему ты не сказала Милошу, что был знаком с Нади-

ей?

– Он и так подозревает короля Радислава в ее смерти, он бы не поверил мне, что это не я доставил Надию в замок после ее побега, ведь я ищейка короля. Но ты-то веришь мне? Веришь, что я не имею отношения к тому, что ее забрали от семьи тогда?

– Да, я верю тебе, Оборотень. Или мне теперь называть тебя Эиренэйос? – улыбнулась Есения.

– Это имя мной давно утрачено, – поморщился он. – В замке меня зовут Оборотнем, и тебе тоже стоит, иначе возникнет много ненужных вопросов. Но отец... всегда звал меня Эйрон. Теперь ты единственная в мире людей, кто знает мое настоящее имя.

– Спасибо, что поделился со мной. Я не проболтаюсь, обещаю.

Их руки все еще были соединены, а сами они были так близко, что лишь расстояние в одно дыхание разделяло их лица. Не успев остановить себя, Есения легко коснулась ладонью его колючей щеки.

– Шрам все еще болит? – тихо спросила она.

Льдистые глаза вспыхнули, на секунду Оборотень сжал ее руку чуть сильнее, но затем резко отпрянул.

– Разговор был долгим, нам завтра рано вставать и отправляться в путь. Я иду спать и тебе советую, Есения.

Он вскочил и, не глядя на нее, поднялся наверх, в свою комнату.

Лицо горело от унижения. «А на что ты надеялась, что он сразу бросится к тебе после вашего задушевного разговора? – ругала она себя. – Вот дурочка». Вздохнув, Есения тоже стала готовиться ко сну. Оставалось надеяться, что завтра Оборотень сделает вид, что ничего не было.

Глава 11

Посреди ночи Есению разбудил громкий стон. Огарок свечи слабо освещал коридор, мрачные тени плясали вокруг нее, когда она шла к комнате Оборотня. Есения тихо постучала, но в ответ услышала только еще один стон, на этот раз слабый и мучительный. Решительно распахнув дверь, она подбежала к постели Оборотня. Он горел. Лихорадка распространилась по его телу, видимо, раны оказались гораздо серьезнее, чем думал Милош.

Есения приподняла край повязки на боку. Рана выглядела ужасно, воспаленной и загноившейся. Оборотень метался на постели, как безумный, не узнавая ее. Есения, не теряя времени, побежала к хозяйке гостиницы. Та отворила дверь с заспанным лицом.

– В вашей деревне есть знахарь? – торопливо спросила Есения, а затем быстро рассказала, что произошло.

– Знахарь? – нахмурилась хозяйка. – Нет, уже как пару месяцев. Наш старик Тихомир, да заберет его душу бог Род, скончался. Теперь некому лечить наших детей. Боюсь, здесь никто не сможет помочь вашему другу.

В отчаянии Есения думала, как поступить. Анастасия готовила при ней мази от загноившихся ран пару раз, однако она лишь смутно помнила, что именно нужно делать. В конце концов Есения решила действовать по порядку. Она при-

помнила, что сначала нужно собрать свежих листьев земляники и плоды шиповника, чтобы сделать из них мазь. Потом найти цветы тысячелистника, чтобы потом соединить их с медом и сделать отвар.

Но собрать травы можно было только с рассветом, и, попросив у хозяйки гостиницы, которую звали Ася, чистой воды, она аккуратно промыла рану, наложив новую повязку, и попыталась дать Оборотню попить, однако он продолжал метаться, и ей едва это удалось.

У его постели Есения ожидала рассвета. В беспомощности Оборотень стонал и звал ее, а она нежно гладила его по руке, убеждая себя, что это только для того, чтобы его успокоить. Как только стало светать, Есения побежала в ближайший лесок, чтобы собрать все необходимое. К счастью, там нашлась и земляника, и шиповник, и тысячелистник.

Ася освободила для Есении место на кухне, где она начала разминать ингредиенты для мази. Ася достала мед и помогла ей заварить тысячелистник. Вместе они вновь очистили рану Оборотня и наложили мазь, а затем не без труда влили в него отвар. После этого оставалось только ждать.

Через несколько часов Оборотню полегчало. Лихорадка немного спала, и он заснул спокойным сном. Есения с облегчением вздохнула. Она не спала всю ночь, проводя ее у по-

стели Оборотня, и теперь спустилась вниз, на кухню, где Ася приготовила для нее чай.

Хозяйка гостиницы обрадовалась, что Оборотню стало легче. Немного помолчав и будто собираясь с силами, она произнесла:

– Есения, как я говорила, в нашей деревне нет знахаря. Я вижу, что ты много знаешь о травах и смогла снять лихорадку. Сын старосты, Млад, тяжело болен. Ему всего пять летних пор. Он поранил ногу о забор, казалось, ничего страшного, просто царапина. Однако она загноилась, и началась лихорадка. Ты можешь посмотреть на него? Вдруг твои травы помогут и ему?

Есения задумалась. Она не была знахарем и боялась навредить ребенку. С другой стороны, Оборотню действительно стало лучше. Она сомневалась, но, Ася смотрела умоляюще, и Есения не смогла отказать.

– Что ж, у меня осталось еще достаточно мази и отвара для Оборотня, думаю, я могу посмотреть на рану мальчика. Однако я не знахарь и ничего не могу обещать.

Ася радостно согласилась и повела ее к дому старосты. Сын Аси остался присматривать за Оборотнем и пообещал прибежать за ними сразу же, если ему станет хуже.

Утинок была совсем небольшой деревней, даже меньше, чем Удолия, в которой Есения выросла. Дом старосты стоял неподалеку от гостиницы, так что уже через несколько минут они пришли. Ася постучала в дверь, и им открыл высокий

худой мужчина. Он был уже в возрасте, абсолютно седым и каким-то... погасшим. Горе наложило на него свой отпечаток, под глазами залегли глубокие тени.

– Ася, что тебе нужно? – проскрипел старик. – Дай нам спокойно проводить нашего мальчика.

– Гордей, эта девочка – знахарь! – возбужденно ответила Ася, показывая на Есению. – Она сможет помочь Младу!

– Нет, я не... – начала возражать Есения, однако Гордей уже тяжелым взглядом окидывал ее с ног до головы. Он задержался на ее глазах разного цвета, немного поморщившись.

– Ты сможешь помочь нам? – наконец спросил он.

– Я сделаю все, что в моих силах, – поправила его Есения.

– Ну что ж, заходи.

Гордей провел их в дом. На кровати лежал белокурый мальчик, он был так бледен, что казалось, уже обрел покой. Однако его грудь едва заметно поднималась и опускалась. Рядом с ним сидела полная женщина, держа мальчика за руку. Гордей осторожно прикоснулся к плечу женщины и тихо сказал:

– Тая, здесь пришла девочка, говорит, что она знахарь. Дай ей посмотреть на Млада.

Женщина резко обернулась и взглянула на Есению. Увидев ее белые волосы и разные глаза, она ахнула:

– Ты привел в наш дом дочь Чернобога? Посмотри на нее, она отмечена богом зла!

Гордей смущенно покраснел и произнес:

– Что ты такое говоришь, Тая? Это просто ребенок. Ася сказала, что она понимает в травах и сможет помочь.

– Нет! – неожиданно громко вскрикнула Тая. – Я не подпущу к своему мальчику эту проклятую!

Есения побледнела. Еще свежи были воспоминания о том, как ее дразнили в Удолии, как дети бросали в нее камни. Однако в этот раз она разозлилась.

– Вы готовы дать своему ребенку умереть, только лишь бы я его не трогала? – возмутилась она. – Что за мать не воспользуется любым способом для спасения сына?

Лицо Таи перекопилось от гнева.

– Да как ты смеешь приходить в мой дом и оскорблять меня! – вскрикнула она.

– Тая, пожалуйста, – пытался успокоить ее Гордей.

Вместе с Асей ему удалось вывести женщину из комнаты, чтобы Есения смогла взглянуть на рану. «Порез», как его назвала Ася, на самом деле оказался рваной раной на лодыжке. Было заметно, что ее пытались чем-то обрабатывать, но ничего не помогало. Нога уже стала почти черной. Рана выглядела гораздо хуже, чем у Оборотня, и Есению все больше стали одолевать сомнения, что она сможет сделать хоть что-то.

Однако она не привыкла сдаваться сразу. Чистой водой она промыла рану и наложила повязку с мазью. Подняв голову мальчика, она влила в него отвар. В отличие от Обо-

ротня, который метался из стороны в сторону, Млад лежал абсолютно неподвижно, и это обеспокоило Есению. Сделав все, что смогла, она вышла из комнаты мальчика. Гордей и Ася смотрели на нее с надеждой, тогда как Тая бросала злобные взгляды.

– Я наложила повязку и дала Младу отвар. Теперь мы можем только ждать, – произнесла Есения.

Ей нужно было проверить Оборотня, но она пообещала зайти через несколько часов и посмотреть, подействовала ли мазь. Ася осталась у старосты, и Есения вернулась в гостиницу одна.

Теплый солнечный луч скользнул по лицу Есении, и она резко открыла глаза. Видимо, она задремала в кресле рядом с кроватью Оборотня. Он все еще спал, отвернувшись от нее, и Есения подошла проверить, не началась ли снова лихорадка. Едва она коснулась его лба, как Оборотень очнулся.

– Есения... в чем дело? – хрипло пробормотал он. Его взгляд с трудом сосредоточился на ней.

– Рана на боку загноилась, тебя лихорадило всю ночь. Я приложила мазь из целебных растений и дала тебе выпить отвар.

– Решила поиграть в знахаря? – с трудом ухмыльнулся Оборотень.

– А ты бы предпочел умереть? – в тон ему ответила Есения. – Как ты себя чувствуешь, только честно?

– Как будто меня переехала лошадь. И сколько я спал?

– Недолго. Тебе бы еще отдохнуть. Я сделаю новый отвар, травы еще остались, даже после...

Есения проговорила, не успев себя остановить.

– После чего? – прищурился Оборотень.

– В этой деревне нет знахаря... а сын старосты очень болен. Ася, хозяйка гостиницы, попросила меня посмотреть на его рану. Я наложила ту же мазь, что и тебе, однако боюсь, что ему уже не помочь.

Оборотень приподнялся, хмуро глядя на нее.

– Есения, ты не знахарь, ты – баляя! Зачем ты согласилась на это?

– Ты не видел его, Оборотень, не видел его убитых горем родителей. Я должна была что-то сделать!

– Если рядом страдает хоть одна живая душа, ты не можешь пройти мимо, не так ли? – разозлился он. – Но что будет, если он не выживет? Они обвинят во всем тебя, как ты не понимаешь!

Это отняло у него последние силы, и он повалился обратно на кровать.

– Оборотень, пожалуйста, – взяла его за руку Есения. – Не волнуйся за меня. Теперь уже ничего не поделаешь, а отчитать ты меня сможешь и когда поправишься.

– Ты неисправима... – ворчливо пробормотал Оборотень,

но, видимо, желания спорить у него больше не было.

На кухне Есению ждали чистые повязки, и она, мысленно поблагодарив Асю, вернулась к Оборотню со свежим отваром.

– Нужно сменить повязку, – не глядя на него, сказала Есения.

Она приподняла рубашку и коснулась повязки. Раньше, когда Оборотень был без сознания, Есения и не думала о том, что касается его голой кожи, но сейчас, чувствуя его внимательный взгляд, она покраснела. Отругав себя за глупые мысли, она быстро наложила мазь и забинтовала рану.

Оборотень без уговоров выпил горький отвар и почти сразу заснул. Есения же отправилась в дом старосты. Там все было по-прежнему. Мальчик не приходил в себя, Гордей не отходил от постели, хотя Ася и убеждала его немного отдохнуть. Таи дома не было, так что на Есению никто не бросал злые взгляды, пока она проверяла рану Млада. Пока она больше ничем не могла ему помочь. В гостинице Оборотень спал целебным сном, и Есения тоже решила прилечь. Едва коснувшись подушки, она погрузилась в сон.

Есения была в лесу. Жгучий мороз жалил лицо и руки. «Почему я не надела варежки?» – нахмурилась Есения, но тут она заметила белоснежный цветок, смело пробившийся

сквозь рыхлый мартовский снег. Как раз то, что она искала. Она присела, но едва пальцы коснулись цветка, как резкий ветер почти опрокинул ее на спину. Небо потемнело, затянутое низкими тучами.

Липкий страх пополз по шее, Есении показалось, что кто-то наблюдает за ней из чащи. Обернувшись, она увидела между деревьев большого, иссиня-черного коня. Есения выдохнула, страх чуть отступил, но тут конь ударил копытом о землю, и из-под него поползли вязкие тени. Они стремительно приближались к Есении, пока не толкнули ее на землю. Тени обвили ее руки, она не могла пошевелиться. Ее охватил ужас, она закричала... и резко очнулась.

Ася тормошила ее за плечо. Есения, все еще во власти кошмарного сна, не сразу поняла, что она говорит.

– Есения, вам нужно немедленно уходить из деревни! Скорее, поднимайся!

– Что случилось?

– Млад покинул этот мир час назад. Тая винит тебя в его смерти, говорит, что ты дочь Чернобога, что ты пришла в нашу деревню, чтобы ее уничтожить! Она безумна в своем горе, но собрала вокруг себя самых суеверных людей! Вам с Оборотнем нужно бежать, иначе они разорвут вас на куски!

Ася говорила с таким ужасом, что Есения заразилась ее паникой.

– Как там Оборотень? Он может идти? – спросила она, вскакивая с кровати.

– Ему стало намного лучше, однако рана еще воспалена. Но у вас нет времени, придется уходить так.

Вместе они вбежали в комнату Оборотня, который как раз проснулся. Он уже хотел сказать что-то, однако, увидев их лица, пробормотал только:

– Ну, что на этот раз?

Быстро, насколько смогли, они собрались, и Ася повела их через лес. После кошмара Есении все еще было не по себе, она тревожно осматривалась по сторонам, боясь заметить черного коня среди деревьев. Оборотень шел медленно, тяжело опираясь на нее. Они почти добрались до поляны, где Есения собирала травы, как вдруг путь им преградила небольшая толпа. Они были вооружены кто чем: вилами, топорами, сухими палками. Тая вышла вперед. Глаза ее горели безумным огнем.

– Вот эта дочь Чернобога! Ведьма с разными глазами, что пришла к нам, чтобы забрать моего мальчика! Сегодня она убила его, а завтра убьет всех вас! Держите ее.

Ася попыталась воззвать к ее разуму:

– Тая, послушай, что ты говоришь! Мы понимаем твою скорбь, но Есения не виновата в смерти Млада. Его было уже не спасти!

– Нет! – завизжала Тая. – Это она убила его! И теперь она поплатится!

Толпа начала надвигаться на них. Оборотень выпрямился, приготовившись защитить Есению, но резко застонал, схва-

тившись за раненый бок. Для этой битвы он был слишком слаб, и только от Есении теперь зависели их жизни. Она сделала шаг вперед.

– Отойдите за меня, – тихо сказала она.

Удивительно, но Оборотень послушался ее, Ася помогла ему сесть под старую ель, что росла неподалеку. Есения сосредоточилась на своем даре, тело полыхнуло огнем.

– Смотрите, она вызывает Чернобога! – закричала Тая. – Я же говорила, что она проклята!

Есения посмотрела ей в глаза и твердо произнесла:

– Я не дочь Чернобога, и я не проклята. Я даже не знахарь. Зато я балия.

В ту же секунду из леса вылетели сотни птиц. Темным вихрем они набросились на толпу и стали бить их крыльями. Не ожидая такого, люди отбивались изо всех сил, а затем побежали. Видимо, мечь Таи не стоила их страданий. Она же осталась на месте, с ненавистью глядя на Есению. Несколько птиц напали на нее, заставив отвлечься, и у них появилась возможность сбежать.

Покинув поляну, они добежали до реки, где Ася с ними попрощалась.

– А как же ты? – спросила Есения. – После того, как ты нам помогла, разве тебе будет здесь безопасно?

– Не волнуйся, – улыбнулась Ася. – Я и не в таких историях побывала, разберусь. Теперь бегите, вам нужно уходить прямо сейчас.

Наскоро обнявшись с ней, Есения подставила Обратную плечо, и они покинули деревню. Еще долго в ушах звенели крики птиц и визгливый вой Таи, наполненный ненавистью.

Глава 12

Слава Роду, что неподалеку была еще одна деревня. Она была меньше, чем Утинок, но в ней нашлась гостиница, где Оборотень мог спокойно выздоравливать, а люди за пару монет не задавали лишних вопросов.

Трав, что собрала Есения, хватило еще на несколько дней, и вскоре Оборотень уже мог ходить, не вздрагивая при каждом шаге. Несмотря на уговоры Есении, он настоял на продолжении пути, и, пополнив запасы, они вышли из деревни по направлению к Хорсану. Дорога до столицы шла через равнины, поэтому путь был легким, и к закату четвертого дня они добрались до Крильского леса. Лишь пара часов теперь отделяла их от Хорсана.

Пока объемные кленовые кроны дарили приятную прохладу, Оборотень рассказывал, как устроен город. Все его улицы стекались к Главной площади, где стоял большой храм богу Роду. Хорсан был разделен на четыре основных квартала.

С левой стороны, в Ремесленном квартале, трудились кузнецы, оружейники, плотники и каменщики. Рядом с ним, в квартале Мастерских, ювелиры и портные, кожевники и гончары предлагали жителям и гостям столицы восхититься их умениями. Здесь же, в отдельном небольшом районе Знахарей, можно было купить разные снадобья или обратиться со

своим недугом. В квартале Мастерских был еще один вход в город, через который в Хорсан ввозили зерно, овощи и фрукты – все, что производили натуральным трудом крестьяне на полях Элейнии. С высокой смотровой башни за ним всегда приглядывал стражник.

Север города разделили между собой Торговый квартал и квартал Искусств. В первом располагались лавки города, где можно было купить все что душе угодно: от заморских трав до тканей любых цветов и материалов. Здесь же начиналась городская набережная, протянувшаяся далеко на восток.

Самый маленький квартал города примыкал к резиденции Ратных и был любимцем короля. Здесь находился Столичный театр Хорсана, а также Музыкальный дом, где проходили выступления для гостей и богатых жителей города.

– Когда мы доберемся, то сразу отправимся в замок Ратных или немного погуляем по городу? – с надеждой спросила Есения.

– Мы торопимся, но попасть в резиденцию с Основной улицы мы не сможем, стена защищает ее с этой стороны. Сначала нужно будет идти через Главную площадь, затем через квартал Искусств, и ты сможешь увидеть театр и Музыкальный дом.

Их разговор прервала изумрудно-зеленая бабочка, которая села Есени на плечо. Никогда еще она не видела такой удивительной расцветки. Вслед за первой выпорхнула вторая, третья, и скоро разноцветное море кружило вокруг Есе-

нии.

– Откуда здесь столько бабочек? – рассмеялась она, взмахнув рукой.

– На древнем языке этот лес называется крылатым, – хмыкнул Оборотень. – Только здесь водятся бабочки таких необычных цветов. А еще, они живут здесь до поздней осени, пока первый снег не опустится на столицу.

Чудные создания проводили их почти до самых ворот в город. Хорсан был открыт для всех, сюда стекались люди со всех королевств для торговли и перевозки самых разных грузов, а также для того, чтобы просто посетить красивую столицу Элейнии. Хорсан, как слегка напыщенно сказал Оборотень, славился своей гостеприимностью и прекрасными видами.

Есения и Оборотень вошли в ворота. Первое, что поразило ее, было количество народа на Основной улице. Кто-то шел быстро, видимо, по делам, кто-то прогуливался один или парой, просто наслаждаясь видами. После Горниграда Есению уже не так легко было удивить роскошными одеждами, но здесь она первый раз увидела так много разных народов.

Навстречу им шла пара, кожа которых была цвета ночи, за ними Есения увидела девушку с иссиня-черными волосами и миндалевидными раскосыми глазами. Она была одета в удивительное платье из кремового шелка, расшитого яркими цветами, которое струилось за ней, словно дождь. Есения

даже увидела мужчину с волосами как у нее, практически белыми. Она не могла не крутить головой, вновь чувствуя себя маленькой девочкой, которую волей судьбы закинуло в огромное, незнакомое море новых впечатлений.

Людей было так много, что Есения инстинктивно прижалась ближе к Оборотню. Будто почувствовав ее волнение, он взял ее за руку.

– У тебя такой вид, будто ты вот-вот потеряешься. Держи меня крепче, скоро мы придем на Главную площадь, там будет посвободнее.

Первое волнение прошло, Есения почувствовала себя намного увереннее и уже спокойнее смотрела по сторонам. Наконец она заметила, что Основная улица выложена серыми камнями неправильной формы, таких она никогда раньше не видела.

– Как сделана эта дорога, откуда такие странные камни? – спросила она.

– Каждый камень делали вручную лучшие каменщики всего королевства. Король Земирад любит необычные идеи в оформлении города, ты и сама скоро это поймешь. Основная улица – не единственное его новшество. Эту улицу переделали всего пару лет назад, когда Земирад взошел на трон. При короле Радиславе все было... более традиционным, – усмехнулся Оборотень. – Однако Земирад оставил статуи воинов Ратных на Основной улице. Даже он, с его новаторским подходом, не мог стереть историю города.

С левой стороны Основная улица переходила в Ремесленный квартал, Есения могла слышать разноголосицу звуков, что доносились оттуда: людской гомон, стук молота кузнеца, хруст расколотого плотником дерева. С правой же стороны улица упиралась в высокую стену из белого камня, которая тянулась далеко вперед. За ней виднелись остроконечные красные крыши замка Ратных.

Храм богу Роду на Главной площади был меньше, чем в Горниграде, но более богатым, расписанный золотом, а не краской. Мировое древо над входом тоже было из золота, что переливалось на солнце, отбрасывая блики на мир вокруг. Рядом с храмом, обрамленный деревянной рамой, висел большой бронзовый диск.

– Солнечный круг Хорса, – пояснил Оборотень. – Это новшество король Земирад привез из заморских стран. В честь бога солнца назван город, и каждые шесть часов слуга храма бьет в диск, напоминая, что еще четверть дня нашей жизни прошла.

– Это немного угнетает... – пробормотала в ответ Есения.

Она прочитала быструю молитву, но тут ее внимание отвлекли фонтаны, что стояли по четырем сторонам от храма. Вода в одном из них была ярко-голубой и будто переливалась.

Заметив ее удивление, Оборотень сказал:

– Внутри каждого фонтана на площади вставлены драгоценные камни разных цветов, они отражают свет, и вода в

них кажется голубой, красной, зеленой и фиолетовой, по одному цвету на каждый. Однако сама вода – это просто вода, своего рода обман зрения.

– Об этой необычной идее короля ты говорил?

– И об этой тоже. К сожалению, сейчас мы не можем задержаться здесь, но на днях я устрою тебе прогулку по городу, договорились?

– Ловлю тебя на слове, – улыбнулась Есения.

– Я всегда выполняю обещания, – приподнял брови Оборотень в ответ.

На секунду их взгляды пересеклись, в воздухе застыло напряжение.

– Оборотень...

– Думаю, сейчас в моей руке уже нет необходимости, – прочистив горло, сказал он.

– Да... да, конечно, – смутилась Есения, отпустив его ладонь.

– Идем, квартал Искусств недалеко.

Столичный театр и Музыкальный дом были совсем не похожи, но почему-то все равно смотрелись гармонично. Нежно-розовые стены театра были увиты цветами и зеленью и украшены масками с разными эмоциями: веселыми и грустными, забавными и застывшими в ужасе.

Музыкальный дом был построен из голубого камня. Большие колонны, которые стояли по четырем сторонам, придавали зданию величественный вид. Перед входом была статуя

девушки, игравшей на музыкальном инструменте.

– Это королевская лира, еще один символ Хорсана, – произнес Оборотень. – По преданию, на ней играл сам Хорс.

Квартал искусств был красив, но ничто не могло сравниться с тем, что было за ним. Насколько хватало взгляда, перед Есенией простиралось Замятное море. Лазурно-серые волны бились о причал, осыпая брызгами пришвартованные корабли. Воздух был пропитан солью, ласковый бриз растрепал ее распущенные волосы. Есения на минуту замерла, стараясь запомнить эту самую первую встречу. Оборотень стоял рядом, не мешая ей.

– Мы обязательно спустимся к морю на днях, когда позволит время, – спустя несколько минут сказал он.

Есения только молча кивнула, так переполняло ее счастье.

Достаточно было повернуться спиной к кварталу Искусств, чтобы увидеть всю мощь огромного замка Ратных. Состоящий, казалось, из одних прямых линий, он был выстроен из белого, словно жемчуг, камня. Стены его переходили в зубчатые башни. В замок вел большой каменный мост, и чем ближе они подходили к нему, тем более пугающим Есении казался размер резиденции королевской семьи.

Она совсем оробела и не сказала ни слова, пока они не подошли к воротам. Через несколько минут они начали мед-

ленно отворяться, видимо, стражники на башне заметили гостей. Оборотень, не замечая ее страха, решительно направился к воротам, Есении ничего не оставалось, как плестись за ним, хотя ей вдруг захотелось бежать отсюда, уйти как можно дальше.

Наконец увидев, что она чуть отстала, Оборотень обернулся.

– Что случилось, Есения? Ты побледнела.

– Как только я войду в эти ворота, все станет реальным, – срывающимся голосом проговорила она. – До этой минуты я не задумывалась, что мне предстоит в замке. Но сейчас... мне очень страшно.

Оборотень пару секунд внимательно смотрел на нее, а затем, вздохнув, крепко сжал ее ладонь.

– Есения, тебе нечего бояться, я буду с тобой постоянно. Буду защищать тебя. Все будет хорошо.

– От чего защищать, Оборотень?

Но он не успел ответить, потому что ворота, наконец, распахнулись. Стражники, одетые в красные бархатные мундиры, узнали Оборотня, и один из них вызвался проводить их в замок. Внутри он казался даже больше, чем снаружи. Кажалось, во дворе замка могла поместиться вся Удолия, а может, и еще парочка деревень. Вокруг бурлила работа, слуги спешили туда-сюда, не обращая внимания на гостей.

У большой колонны их ожидал пожилой мужчина в темно-синей мантии. Его седые волосы были собраны в аккурат-

ный хвост, внимательные серые глаза оглядели их, а затем он неожиданно сжал Оборотня в объятиях.

– Мой мальчик, ну наконец-то ты вернулся. Казалось, тебя не было целую вечность!

– Мы задержались в пути, но спешили как могли, – смущенно ответил Оборотень.

Он повернулся к застывшей от удивления Есении и сказал:

– Знакомься, это Ведомир, советник короля и мой добрый друг.

– Так вот она, наша новая баляя! – воскликнул советник, по-доброму глядя на нее. – Очень приятно познакомиться с вами, Есения.

– Мне тоже...

– Можете называть меня просто Ведомир, к чему формальности, – он взял руку Есении и крепко ее пожал. – Я рад, что вы здесь, король давно ждет. Вас проводят в покои, а вечером вы с ним встретитесь.

– Вечером? – удивился Оборотень. – Я думал, король Земирад потребует от меня отчета и захочет познакомиться с Есенией сразу, как мы прибудем.

– Сейчас король занят, – покачал головой Ведомир. – Вы пока можете отдохнуть с дороги, а вечером все решите. У меня еще есть дела, я пойду. До встречи за ужином.

Ведомир кивнул им обоим и удалился. Пока слуга проводил их в покои, Оборотень молчал, о чем-то задумавшись.

– Ты думал, что король сразу нас примет? – спросила Есения.

– Да, это странно, обычно он всегда первым делом вызывал меня к себе.

Тем временем они дошли до покоев, где должна была остановиться Есения. Замерев у тяжелой дубовой двери, она обернулась и попросила:

– Обещай, что в этот раз встретишь меня здесь, когда придет время идти на ужин.

– Ну, в прошлый раз меня бросили в темницу, – ухмыльнулся Оборотень. – Так что, не волнуйся, я найду за тобой перед ужином.

Замок короля отличался от резиденции Гостивара, как день от ночи. Комната была украшена сдержанными оттенками зеленого и бежевого, и Есения выдохнула с облегчением. Она боялась, что ей придется жить в комнате, которая бы давила на нее своей роскошью, но она была светлой и просторной, и из ее окон открывался потрясающий вид на море.

Недалеко от кровати стоял красивый деревянный шкаф с изящной резьбой. Есения из любопытства открыла дверцы, и на нее хлынул поток красок. Здесь были и изящные платья из невесомого голубого шелка, и тяжелые бархатные, с искусной золотой вышивкой, и простые, но все же невероятно красивые сарафаны с разноцветными подолами. У Есении перехватило дыхание от такого многообразия.

В дверь постучали, и, когда она, воровато закрыв двер-

цы, разрешила войти, в комнате появилась молодая служанка в опрятном платье теплого коричневого цвета. Видимо, в замке не заставляли слуг прятать волосы под чепец, потому что рыжевато-каштановые волосы девушки были заплетены в две тугие косы, свободно лежащие на спине.

– Меня зовут Яра, госпожа, я буду вашей личной служанкой в замке, – ярко улыбнулась девушка.

– Приятно познакомиться, Яра. Меня зовут Есения, можешь не называть меня госпожой.

– Извините, но это правило для всех слуг замка. Так что, *госпожа*, придется вам смириться, – чуть поклонилась она.

– Но разве я не слуга короля?

– Балии – не слуги, госпожа, – после небольшой заминки ответила Яра. – Вы помогаете королю, это большая честь.

– Ну что же, идти к королю на ужин в таком платье я точно не могу, ты сможешь мне помочь с этим? – спросила Есения, незаметно глядя на шкаф, который таил в себе прекрасные платья.

– Конечно, госпожа. Мы уже все приготовили. Может, вы хотите принять ванну?

– Ванна – звучит замечательно.

– Хорошо, тогда скоро ее принесут и наполнят, вы пока отдохните немного, а перед ужином я и еще несколько служанок поможем вам переодеться и уложить волосы.

Через некоторое время принесли большую ванну на кованых ножках. Слуги наполнили ее водой с легким запахом

цветов, и Есения, с чувством полного блаженства, погрузилась в нее. Затем Яра помогла ей вытереться и надеть большой халат. Есения прилегла на кровать и закрыла глаза. Почти сразу она погрузилась в глубокий сон.

Глава 13

Есению разбудил негромкий стук в дверь. Это Яра пришла помочь ей одеться для встречи с королем. Вслед за ней в комнату зашли еще три служанки. Они достали платье и украшения из шкафа. Есении помогли облачиться в платье нежно-лавандового цвета, его лиф и корсаж были украшены жемчугом и лентами. Подол был сшит из необычного материала, такого легкого, что он напоминал морскую пену. Каждый шаг Есении будто заставлял платье двигаться, создавая удивительный эффект. Ее длинные волосы служанки накрутили на специальные мягкие трубочки, превратив их в крупные кудри. Их закрепили заколкой с жемчугом сзади, оставив пряди лежать на спине. Яра пару раз прошлась по щекам Есении кисточкой, придав ее коже сияние, и все было готово.

Она подошла к зеркалу, чтобы оценить проделанную работу. В резиденции Гостивара, надев аквамаринное платье, она не узнала саму себя, здесь же из зеркала на нее смотрело собственное отражение, только более мягкое и женственное. Словно зная, что она не любит носить волосы собранными, Яра оставила их распущенными, а нежное лавандовое платье не вызывало дурных воспоминаний.

В дверь постучали. Пора было отправляться вниз, в тронный зал. Поблагодарив Яру и других служанок, Есения вышла из покоев. За дверью, спиной к ней, стоял Оборотень.

Он еще не успел увидеть Есению, и у нее была пара секунд, чтобы рассмотреть его. Обычно Оборотень носил черную одежду, в первую очередь пригодную для путешествия, свободную и удобную, поэтому, даже зная, что ему придется переодеться для ужина, Есения не представляла, что увидит.

Оборотень облачился в коричневые кожаные штаны, заправленные в высокие сапоги, и бархатную тунику глубокого синего цвета. Его вечно растрепанные черные кудри были аккуратно зачесаны назад. Когда Оборотень повернулся к Есении, она невольно ахнула. До этого она не видела его без бороды, но сейчас он побрился и стал... просто невыносимо красив. Острые скулы, казалось, могли порезать ладонь, если бы она осмелилась их коснуться. Его глаза, обычно голубые, как лед, сейчас казались практически сапфировыми. Оборотня не портил даже почти заживший шрам на лице. Теперь для других Оборотень мог показаться еще более сдержанным и холодным, но Есения знала, кто скрывается под этой маской. Тот, кто готов прийти к ней на помощь по первому зову.

Увидев Есению, Оборотень, казалось, тоже потерял дар речи. Только глаза его вспыхнули чуть ярче, а руки сжались на рукоятке короткого кинжала.

– Тебе нравится мое платье? – нарушила затянувшееся молчание Есения.

– Да, ты выглядишь... очень мило, – глухо пробормотал Оборотень.

– Мило? – скривилась она. – И это все, что ты можешь сказать?

– Нам пора, Есения, – резко бросил Оборотень. – Король ждет.

Он предложил ей локоть, и они начали спускаться вниз, в тронный зал. «„Выглядишь мило“! Я что, маленькая девочка?» – с досадой подумала она.

Есения нервничала, ей предстояла встреча с королем, который возлагал на нее большие надежды, и даже присутствие Оборотня не успокаивало ее полностью, тем более после его слов. Между тем они уже дошли до входа в тронный зал. Двери были открыты, и Оборотень остановился, спросив:

– Ты готова?

– Боюсь, я никогда не буду готова, – вздохнула она. – Но страх не помешает мне сделать все, что должна, не волнуйся.

Вместе они зашли в зал, где им предстояло встретиться с королем. Он был большим, намного больше, чем главный зал в резиденции Гостивара. Все здесь было выдержано в светлых тонах, тронный зал был роскошным, но не крикливым. Он был освещен свечами в хрустальных подсвечниках, на длинных столах, что образовывали квадрат, стояли свежие цветы. Тронный зал будто был наполнен воздухом, несмотря на то, что людей было немало. Есению окружали дамы в богатых, изысканных платьях, мужчины носили на поясе оружие. Теперь наряд Оборотня был ей понятен, видимо, так здесь было принято.

«А еще говорил, что замок – самое безопасное место». Все гости исподтишка ее разглядывали, и Есении стало не по себе. Знакомое лицо мелькнуло среди гостей, и советник Ведомир, заметив их, сразу подошел.

– Вы выглядите бесподобно, Есения, – улыбнулся советник.

– Благодарю вас, – покраснела она.

– Король еще не появлялся? – спросил Оборотень.

– Пока нет, но скоро он должен быть здесь. Прошу меня простить, мне нужно поговорить вон с той дамой.

Советник поклонился им и исчез в толпе.

– Обычно в тронном зале проводятся только самые большие балы, однако я слышал, что сегодня будет немного народу, – сказал Оборотень. – Я был удивлен, что король устроил бал именно здесь, видимо, хочет произвести впечатление.

– Ты думаешь, что король устроил этот бал в мою честь? Не может быть!

– Балии редки, а король Земирад очень хочет познакомиться с тобой. При его дворе еще не было балий.

– А как же Надия? – спросила Есения, понизив голос.

– Когда ее забрали четыре года назад, Земирада не было в Хорсане, он был в другом королевстве, – так же тихо ответил Оборотень. – Это традиция Ратных: когда наследнику трона исполняется двадцать летних пор, его отправляют в путешествие на два года, посмотреть мир и расширить знания. Когда же Надия только начала свою службу, Земирад

был слишком мал для общения с балией.

– Значит, ему всего двадцать пять летних пор? Не думала, что он так молод, – удивилась Есения.

– Надеюсь, то, что я так молод, не заставило вас подумать, что я плохой король? – неожиданно раздался веселый голос за ее спиной.

Есения обернулась и сразу поняла, кого видит перед собой. Земирад, король Элейнии собственной персоной, стоял перед ней.

Это был приятный молодой мужчина с рыжевато-песочными волосами, густой короткой бородой и смеющимися карими глазами. Высокий и крепкий, видимо он не ограничивался одними балами. Король был одет в черные кожаные брюки и бархатную тунику приятного коричневого цвета, расшитую золотыми нитями. На груди у него был вышит герб Ратных: голова дракона, извергающего огонь, а на голове искусно выкованная корона с рубинами.

Король Земирад смотрел на Есению совсем не разгневанно, но ей все равно стало стыдно, что она только что обсуждала его с Оборотнем. Она чувствовала, как краска заливает ее лицо.

– Ваше величество, простите, я не хотела оскорбить вас! – сумела проговорить она.

– Ну что вы, Есения, – рассмеялся король. – Я не в обиде и даже скажу вам по секрету, что многие думают так же, как и вы. Я очень хотел познакомиться с вами, и вот вы наконец

здесь. Вы долго добирались, – бросил он взгляд на Оборотня.

– В пути нас застали некоторые трудности. С вашего позволения, я бы хотел рассказать вам. . .

– Мы поговорим об этом завтра, Оборотень, – прервал его король. – Утром я буду ждать вас в мнитых покоях, но сейчас – время праздновать!

Король предложил ей руку, и Есения, бросив растерянный взгляд на Оборотня, поспешила с ним. Земирад вывел ее в центр зала.

– Прошу внимания! – раздался его звучный голос, заставивший всех прекратить разговоры и повернуть головы. – Хочу представить вам новую балию семьи Ратных – Есению. Все мы долго ждали, когда в замке вновь появится балия, и я рад приветствовать здесь сегодня нашу новую заклинательницу!

Хлынули аплодисменты, заставив Есению совсем смутиться. Когда они стихли, король сказал:

– Прошу всех к столу, да начнется пир!

Земирад проводил Есению во главу стола, посадив ее рядом с собой. С другой стороны от короля сидел советник Ведомир, который незаметно ей подмигнул. Есения улыбнулась, но вдруг поняла, что нигде не видит Оборотня.

– Ваше величество, разве Оборотень не будет сидеть с нами?

– О нет, Есения, – рассмеялся король. – Рядом со мной обычно сидят самые важные гости праздника, сегодня вы –

одна из них. Оборотень лишь проводил вас сюда. Но не волнуйтесь, для слуг сегодня тоже накрыт прекрасный стол, они ни в чем не нуждаются.

Есения заметила, что Ведомир на этой фразе поморщился.

– Я думала, что Оборотень доставил меня сюда, чтобы я тоже служила вам. Так какая же разница между мной и им? – спросила Есения.

Король онемел на секунду от такого вопроса. Его внимательный взгляд остановился на ней, и он тихо произнес:

– Вы не просто служанка, Есения, вы – балия. Вы станете моей советницей в вопросах леса Гринхорн. Балии принадлежат к королевскому двору, Оборотень что, не объяснил вам это?

– Нет, он это упустил, – нахмурилась она.

– Ну что же, пока вы можете забыть о нем и просто насладиться ужином, я уверен, что дорога до Хорсана была очень утомительной.

– Вы абсолютно правы, я... я очень голодна.

– Желание гостя – закон, – шутливо поклонился Земирад, обратив ее внимание на самый богатый стол из всех, что она видела.

Запеченная дичь с золотистым картофелем в сливочной подливке, хрустящие шапки грибов, блины со свежей рыбой и икрой, блестящие соленые сливы – от разнообразия яств разбегались глаза, и Есения, насколько позволяли приличия,

накинулась на еду. От вина она отказалась, слишком свежи еще были воспоминания об отраве Гостивара. Король не стал настаивать, но предложил налить ей меда, терпкого и сладкого, от которого ноги сразу стали тяжелыми. Земирад расспрашивал Есению о ее родной деревне, путешествии и выглядел действительно заинтересованным. Есения, расслабленная от меда, свободно рассказывала ему обо всем, обойдя лишь тему Анастасии и того, что произошло в резиденции наместника.

Позднее, когда яства, которым, казалось, не было конца, унесли, а разговоры вокруг стали громче от вина, начали свое выступление артисты из Музыкального дома. Нежная, пронзительная мелодия флейты сменялась лихим танцем волюнок. Король неожиданно встал, протянув Есении руку.

– Составит ли балия мне компанию? – хитро сощурился он.

– Ваше величество, я... – Есения оглянулась вокруг, гости зашептались.

– Не надо страшиться внимания, Есения. Вы – единственная балия в моем замке, и теперь придется привыкнуть к тому, что все смотрят только на вас.

Отказаться было невежливо, и она приняла его руку. Сердце стучало быстрее, когда король повел ее в танце, легко и искусно лавируя между придворными. Она вскрикнула и рассмеялась, когда Земирад сильно закружил ее, заставив забыть обо всех гостях, что хищными птицами глядели на

них.

Когда вечер подошел к концу, король проводил ее до выхода из тронного зала.

– Доброй ночи, Есения. Надеюсь, прием вам понравился.

– Конечно, ваше величество, спасибо вам за такой праздник, – постаралась присесть она в изящном поклоне.

Вечер прошел просто волшебным, единственным, что омрачало его, – это отсутствие Оборотня. Однако Есения была зла на него за то, что он не рассказал о ее положении в замке. Она отогнала от себя мрачные мысли, чтобы не портить впечатление от чудесного вечера. Есения зашла в покои, тихонько напевая мелодию, под которую она кружилась с королем. На ее кровати развалился Оборотень.

– Что ты здесь делаешь? – резко спросила она.

– Как прошел вечер? – хмуро бросил в ответ Оборотень.

– Отлично. Были даже музыканты...

– Слышал, король удостоил тебя чести танцевать с ним? Непохоже на него.

– Что на него непохоже? – вспыхнула Есения. – Танцевать со служанкой?

– Я не это имел в виду, – замялся Оборотень.

– А что же ты имел в виду? Объясни мне, почему ты не рассказал мне о моей роли в замке? Почему представил все так, будто я стану слугой короля?

– Потому что так и есть! – вскочил Оборотень. – Что бы ни говорил король Земирад, как бы ни расхваливал место

балии при дворе, ты все равно остаешься слугой! Ты будешь делать то, что он тебе прикажет, и у тебя не будет выбора! Я уважаю короля Земирада и его отца, но я всегда знал свое место в замке, и тебе пора. Чем раньше ты поймешь, кто ты здесь, тем легче тебе будет принять свою судьбу.

– Я не собираюсь принимать судьбу, что ты мне навязываешь! Может, ты и слуга в этом замке, но я – нет, так сказал король! Ты просто завидуешь мне, что король посадил меня рядом с собой на ужине, а тебя выгнал!

Как только эти слова вылетели, она тотчас же пожалела о них. Оборотень побледнел, глядя на нее, словно на незнакомку.

– Я понял тебя, Есения. Слуга больше не смеет докучать *госпоже*. Спокойной ночи, – подчеркнуто вежливо сказал Оборотень.

Дверь громко захлопнулась, а Есения тяжело опустилась на кровать. Приятный вечер теперь был отравлен виной и сожалением.

Глава 14

Наутро Оборотень зашел за Есенией, чтобы идти в мни-тые покои. Этой комнатой король пользовался, чтобы поду-мать, а также для обсуждения важных вопросов.

Им предстояло объяснить ему то, что произошло в ре-зиденции наместника Гостивара. Есения нервничала, но не могла обратиться к Оборотню за поддержкой, потому что он с ней не разговаривал. Со вчерашнего вечера он сказал ей лишь «Доброе утро» и при этом был так холоден, что у нее тоже пропало всякое желание с ним разговаривать. Есения понимала, что обидела Оборотня, но не знала, с чего начать, как извиниться. Так, молча, они дошли до покоев короля.

Король Земирад сидел за массивным деревянным столом. Когда они вошли, он поднял голову и жестом предложил им присаживаться. От его вчерашней хитровой улыбки не осталось и следа, лоб пересекала хмурая морщинка.

– До меня дошли новости о том, что в Горниграде про-изошло восстание. Вы что-нибудь знаете об этом? – строго спросил Земирад.

– Да, вчера я как раз хотел поговорить с вами о том, что произошло в резиденции наместника, ваше величество. Мы хотели объяснить, как все было на самом деле, – ответил Оборотень.

– Ну что же, я готов выслушать вашу версию.

– Думаю, лучше Есении рассказать все по порядку, потому что именно она оказалась в плену наместника.

«Вот уж, спасибо, – проворчала про себя Есения, – мне теперь одной отдуваться?» О том, что Гостивар бросил его в подземелье он тоже, видимо, решил умолчать.

Собравшись с мыслями, она рассказала обо всем, что произошло в резиденции Гостивара. Об отравлении эссенцией, желании наместника провести эксперименты на ее даре, об истерзанных существах, запертых в клетках, о запуганных слугах и угнетенных жителях Горниграда. Она рассказала, как, спасаясь, им пришлось выпустить существ из клеток, что привело в итоге к гибели Гостивара.

Вспоминая все это, Есения будто снова чувствовала на себе действие эссенции, словно на нее вновь смотрели безумные глаза наместника, а вокруг пахло пеплом и опаленной плотью. Увидев, как она побледнела, Оборотень незаметно сжал ее руку под столом.

Выслушав Есению, король молчал несколько минут. Наконец он сказал:

– Так вы говорите, что наместник, назначенный лично мной на должность, оказался безумцем с непомерной жаждой власти и у себя в резиденции играл в бога? Что жители Горниграда голодали, пока он обставлял свой дворец золотом? Что Гостивар пытался поработить королевскую балию?

Голос короля звенел от ярости, и последние слова он практически выкрикнул. Есения чувствовала, как дрожит ее

рука в хватке Оборотня.

– Ваше величество, это истинная правда, – вмешался он. – Я видел, что сделала эссенция с Есением, и слышал безумные речи наместника. Если бы нас не вывела из резиденции одна из служанок, мы бы вообще не смогли выбраться. К сожалению, нам пришлось выпустить существ, иначе было не спастись. Наместник Гостивар готов был пойти на все, чтобы заполучить балию!

О том, что Гостивар был не прочь заполучить в коллекцию еще и оборотня, он снова умолчал.

– Его стража напала на нас, ранив меня. К счастью, Есения воспользовалась своим даром и не пострадала. Никто не хотел смерти наместника, и не мы убили его, а созданное им несчастное существо, которое он мучил и держал в клетке.

Король внимательно выслушал Оборотня, а потом вздохнул.

– Вы, верно, подумали, что я разозлен на вас?

Оборотень и Есения изумленно молчали.

– Я ни секунды не усомнился в вашем рассказе, – покачав головой, продолжил Земирад. – Но если то, что вы рассказали, – правда, значит, в первую очередь виноват во всем я.

Есения пыталась возразить, но король остановил ее взмахом руки.

– Нет, Есения, не надо. Я уже понял, что в вашем характере оправдать меня, однако я глава этого государства и лично я назначил безумца править одним из самых крупных го-

родов Элейнии. До меня доходили слухи об экспериментах Гостивара, но я считал их лишь слухами и не предавал им значения. Теперь в Горниграде произошел переворот, люди напуганы, резиденция сгорела. Весь этот хаос не произошел бы, будь я внимательнее к своим подданным. Ну что же, еще не поздно все исправить. Сегодня я отправляюсь в Горниград, чтобы лично навести там порядок. Меня не будет около недели, и, боюсь, я не смогу показать вам город, Есения. Однако думаю, что Оборотень с радостью сопроводит вас. Когда я вернусь, мы сразу отправимся к лесу Гринхорн, а пока наслаждайтесь Хорсаном, ему есть что предложить гостю. Теперь идите, мне пора собираться в дорогу.

Есения вышла из покоев короля со смешанными чувствами. Земирад принял их сторону, поверил им, однако вся эта история не могла не тревожить.

– Если хочешь, сегодня мы можем спуститься к морю, ты же хотела увидеть его, – предложил Оборотень.

– Да, это было бы чудесно! Зайдешь за мной через час?

– Хорошо, через час.

Оборотень уже повернулся, чтобы уйти, но Есения схватила его за руку.

– Оборотень, погоди, – замялась она. – Я хочу извиниться за вчерашнее. Я была неправа и незаслуженно обидела тебя.

– Я принимаю твои извинения. Признаю, что тоже был неправ... отчасти, – криво улыбнулся Оборотень. – Но ты же видела себя вчера в этом платье, а ревность для меня –

новое чувство.

– Ревность? Что ты... – начала Есения, но Оборотень уже посмеиваясь ушел.

Ровно через час, как и обещал, Оборотень зашел за Есенией. Яра к тому времени уже успела помочь ей переодеться в темно-зеленый, цвета весеннего мха, сарафан и красивую рубашку с вышитыми на рукавах листочками.

Спускаясь по лестнице к выходу из замка, Есения снова заметила на поясе Оборотня короткий меч.

– Здесь так принято, всюду носить с собой оружие? – спросила она.

– В замке это, пожалуй, просто дань традиции, но в городе он может мне понадобиться. Мы не берем с собой охрану, а это значит, что защищать тебя буду я.

– Защищать от чего? – нахмурилась Есения.

– Балии – редкие гости в замке и очень ценны для короля. Зная историю Надии, лучше быть начеку. Да, сейчас в Хорсане все спокойно, однако осторожность не помешает.

Не успела Есения выпросить что-то еще, как он продолжил:

– Сегодня я могу показать тебе Торговый квартал, через него нужно пройти, чтобы спуститься к морю.

– Да, интересно посмотреть на центр торговли всего ко-

ролевства, наверное, там можно купить все что угодно?

– Даже то, о чем ты никогда не слышала, – ухмыльнулся Оборотень.

Торговый квартал представлял собой полукруг, где по внешней стороне были расположены небольшие одноэтажные дома с красными крышами. Здесь жили купцы, моряки, торговцы и их семьи. Ближе к центру квартала находились увеселительные заведения, таверны и гостиницы. Всю его северную часть перед портом, занимал огромный район лавок всевозможного назначения. Пряности и травы, ткани и меха, заморские фрукты и овощи, украшения, экзотические птицы в клетках – как Оборотень и говорил, здесь продавали все, что только придет в голову. Вокруг стоял невообразимый шум: торговцы кричали о высочайшем качестве своего товара, заманивая покупателей; кто-то играл на музыкальных инструментах, желая проверить звучание; покупатели громко спорили и торговались с хозяевами лавок. От такого переизбытка звуков, запахов, цветов у Есении закружилась голова.

– Все это слишком для тебя? – заметил Оборотень.

– Да, я бы уже спустилась поскорее к морю, может, там не будет так шумно.

– Я бы на это не надеялся, все-таки мы направляемся к порту, там сейчас много кораблей. Но я знаю одно тихое место, где мы можем передохнуть.

Оборотень привычно взял Есению за руку, они вышли из

района лавок и спустились по широкой каменной лестнице к городской набережной. Она была выложена серым камнем и тянулась далеко направо, по ней прогуливались богато одетые гости Хорсана и чуть более скромно одетые местные жители, что торопились по своим делам.

Спускаясь еще ниже, Есения и Оборотень оказались в порту. Здесь и правда стояло много кораблей, но было тише и меньше народа. В этом месте песчаного берега было не видно, повсюду были разбросаны причалы, где выгружали товары.

Оборотень повел Есению дальше, на запад, вдоль порта. Они шли около двадцати минут, прежде чем деревянное покрытие кончилось и начался обычный песок. Здесь уже ничто не мешало подойти к самой воде и даже окунуться в нее, если захочется. Отвесные скалы, что защищали город от врагов в древние времена, теперь охраняли небольшой песчаный пляж. Есения развязала ленточки своих алых кожаных башмачков и погрузила пальцы в чуть прохладный песок. Соленый морской ветер подхватил волосы и, будто играя прядями, заставил их танцевать на ветру.

Есения радостно засмеялась и побежала к морю. Холодная белая пена обхватила ноги, намочив подол сарафана, но ей было все равно. Обернувшись, Есения крикнула:

– Оборотень, иди сюда, тут так хорошо!

– Что-то у меня нет особого желания мокнуть в ледяной воде. Но ты наслаждайся, – усмехнулся он, растянувшись на

песке.

– Многое теряешь, – начала уговаривать она, но тут волна чуть не сбила ее с ног, и она забыла об Оборотне.

Есения не выходила до тех пор, пока ноги окончательно не продрогли. Тяжело рухнув рядом с Оборотнем, она счастливо улыбнулась.

– Я могла бы всю жизнь здесь прожить... – вздохнула она.

– И стала бы мавкой? Заманивала бы бедных путников в свои сети? – хмыкнул Оборотень.

– Мавки в лесу живут, а в воде – это русалки. Но тебя бы точно и та и другая захотели утопить.

– Потому что я писанный красавец?

– Потому что ты невыносим, – отрезала Есения.

Оборотень хрипло рассмеялся, а она, не успев передумать, выпалила:

– Когда ты говорил про ревность... что ты имел в виду?

– А как ты думаешь? – перевел он взгляд на море, словно оно могло подсказать ему ответ.

– Мне кажется, что я никогда не знаю, о чем ты думаешь на самом деле. Ты так мало мне рассказываешь, если бы не связь, я бы и не узнала о твоём прошлом! Ты почти никогда не говоришь о своих чувствах, как же я могу о них догадываться?

– Мне трудно говорить о чувствах, – подумав, сказал он. – Когда я понял, что обратно в Гринхорн дороги нет, мне пришлось спрятать глубоко внутри все, что мне было дорого.

Это было необходимо, чтобы просто выжить. Я жил словно во сне, выполняя поручения короля, и лишь ирбис связывал меня с лесом, не давал забыть, что я потерял. Пока я не встретил тебя. Эта связь между нами снова подарила мне надежду на возвращение... домой.

Боль проскочила искрой, заставила сердце сжаться.

– Так все дело в связи? – вспыхнула она. – И единственное чувство, что ты испытываешь ко мне – это благодарность? Что ж, я такой судьбы не выбирала, так что и благодарить меня не за что. Если это все, что ты можешь сказать мне, тогда лучше я...

– Есения, погоди, – остановил ее Оборотень, когда она уже готова была вскочить на ноги и бежать, бежать подальше от этой боли. – Ты не так поняла меня.

Одной рукой он прижал ее ладонь к своей груди, так, что она слышала биение его сердца, а вторую опустил на ее подбородок, заставив Есению посмотреть на него.

– Когда я увидел тебе впервые, тогда под дождем, ты сразу поразила меня. Твоя жизнь была разрушена, но ты смогла собрать осколки так быстро и отправиться в путь без всяких сомнений. Я раньше не встречал таких людей как ты, Есения, хотя я и живу очень долго. И потом, раз за разом ты пыталась проникнуть в мою душу, и как бы я ни прятался, как бы ни старался держать дистанцию, ты вновь рушила все мои стены. Я так долго был один, что мне сложно смириться с тем, что мне нужен кто-то, что я хочу разделить с кем-то

свою жизнь. Но я хочу, Есения. Я хочу разделить ее с тобой.

Неверие и надежда боролись в ней, пульс, как бешеный, стучал в висках. Она не смогла выдержать его взгляд, такой напряженный и честный. Есения сбросила его руку и сосредоточилась на серебряной вышивке его туники. Так было безопаснее спросить то, чего она страшилась.

– Оборотень, что, если в тебе говорит наша связь, вдруг твои чувства навязаны лишь ею? Я не хочу, чтобы ты когда-нибудь пожалел о своих словах.

– Есения, посмотри на меня.

И когда она изо всех сил покачала головой, Оборотень вздохнул:

– Связь не стала причиной моих чувств, Есения, она лишь помогла мне понять их. Понять, что я не могу убежать, что боль всегда найдет меня. Но я готов рискнуть, ведь прятаться поздно. Теперь мне есть за кого сражаться.

Непрошенная слеза скатилась по щеке, и, чтобы скрыть это, Есения обвила руками талию Оборотня и, крепче прижавшись к его груди, вдохнула запах лета, что всегда был с ним. Он обнял ее в ответ, и только тихий шелест морских волн да мягкое закатное солнце были свидетелями их смирения с судьбой.

К вечеру в воздухе уже чувствовалось прохладное дыха-

ние осени. Накинув плащи, Есения и Оборотень возвращались в замок. В районе лавок работа сбавила ход, торговцы считали выручку за день, убирали ящики с фруктами и закрывались на ночь. Людей было все меньше, в основном они гуляли по набережной или шли домой.

Когда Есения и Оборотень пересекали Главную площадь, то слышали громкую музыку.

– Это начинается вечер в квартале Искусств, – сказал Оборотень. – Столичный театр и Музыкальный дом устраивают представления. В следующий раз сходим на одно из них, если захочешь.

На площади перед театром собралось много людей. Одетые в шелковые и бархатные платья дамы обмахивались маленькими дощечками, напоминающими большой березовый лист на палке. Заметив ее интерес, Оборотень пояснил:

– Это юанмей. Их завозят из далеких стран. Он сделан из бамбука, дерева, что у нас не растет. Каждый рисунок обозначает разные свойства юанмея, например, аист – символ долголетия и здоровья, а розовый пион – любви. Но жители Хорсана этого не знают, и просто скупают все подряд у торговцев, которые ломают цену за заморский товар.

– Может они просто хотят прикоснуться к кусочку чего-то неизведанного? – улыбнулась Есения.

– Скорее, покрасоваться друг перед другом.

На площади гул разговоров прерывался звонким смехом. Все с предвкушением ждали начала вечера. Но неожиданно

громкий лошадиный крик разорвал агонией всеобщее веселье.

С улицы, пересекающей два квартала, прямо на площадь выехал возница на запряженной одной лошастью маленькой повозке. Возница не мог справиться с лошастью, она билась, пытаясь вырваться из узды. Люди испуганно побежали врассыпную. Паника и страх захлестнули площадь, еще пару минут назад наполненную радостью. Никто не хотел погибнуть под копытами обезумевшего зверя.

Есения поняла, что только она сможет защитить людей. Толпа разделила их с Оборотнем, и она его потеряла. Но времени на поиски не было, в любой момент кто-то мог погибнуть, и она, надеясь, что с Оборотнем все хорошо, побежала прямо к лошади. В центре, где уже не было людей, животное продолжало биться, глаза лошади были налиты кровью, пена собралась у рта. Есения медленно стала подходить к ней. Возница, увидев это, закричал:

– Девочка, ты что делаешь? Лошадь обезумела, она тебя затопчет, уходи отсюда!

– Тише-тише, – тихо повторяла она, продолжая идти.

Есения смотрела только на лошадь. Она пропустила сквозь себя поток энергии, пытаясь понять, что не так с животным. Она боялась, что это вновь та хворь, с которой она столкнулась в Горниграде, однако здесь что-то было не так. Каждый раз, когда Есения пыталась проникнуть внутрь, какая-то сила будто выталкивала ее наружу. Животное словно

было защищено каким-то барьером, и она не могла пробиться внутрь. Тем временем лошадь, увидев, что она не останавливается, агрессивно раздула ноздри, готовясь к атаке. Есения не теряла надежды, снова и снова применяя свой дар, однако он не действовал.

Время будто замедлилось, когда лошадь бросилась прямо на нее. В этот момент Есения поняла, что ей не успеть отпрыгнуть. Секунда, и она неожиданно оказалась на земле, лошадь пробежала мимо, не задев ее.

– Есения, ты в порядке? – закричал Оборотень, всматриваясь в ее лицо.

Лошадь развернулась, вновь готовясь к атаке.

– Я пыталась ей помочь, – сдавленно сказала Есения. – Но не могу.

– Почему? У тебя всегда получалось.

– Я не знаю, тут что-то не так, раньше я с таким не сталкивалась.

– Если ты не можешь успокоить лошадь своим даром, боюсь, мне придется ее остановить.

– Остановить? Это значит убить? – с ужасом воскликнула она.

– Прости, Есения. Могут погибнуть люди.

Тем временем треснули оглобли повозки, и лошадь скинула ее с себя. Повозка вместе с возницей громко рухнула на каменную площадь. Освободившись, животное вновь ринулась на Есению, но в этот раз Оборотень побежал ей на-

встречу. Он схватил лошадь под уздцы, заставив ее опустить голову, и запрыгнул к ней на спину. Обезумевшее животное пыталось сбросить его, однако он держался крепко. Последний раз с сожалением взглянув на Есению, он вытащил свой меч и перерезал лошади горло. Багровый поток хлынул на землю, лошадь протяжно захрипела и начала заваливаться набок. Спустя миг она рухнула, подмяв под себя Оборотня.

Все затихло. Есения побежала к нему, вне себя от страха, однако с ним все было хорошо. Он весь был залит кровью, слегка помят, но в порядке. Она упала на колени рядом с ним, крепко обняв. Вдалеке послышались крики гвардейцев, что бежали на площадь.

– Да, это придется долго объяснять, – вздохнул Оборотень.

Вместе они помогли подняться вознице, который тоже оказался невредим.

– Мне жаль вашу лошадь, – сказал Оборотень. – Но на кону стояли человеческие жизни, я не мог поступить иначе.

– Да я понимаю, – горько вздохнул пожилой мужчина. – Герт была хорошей, послушной лошадейю, не знаю, что это с ней стряслось. Как Чернобог в нее вселился! Мы с ней спокойно ехали, как вдруг она встала на дыбы и понесла. Бедная моя девочка, жаль мне ее, но, если б не вы, я бы сегодня уже в Нави почивал. Так что, спасибо от всего сердца, – и возница крепко схватил руку Оборотня.

Через пару минут квартал Искусств наводнили гвардейцы.

Глава 15

После долгих объяснений гвардейцы наконец отпустили их. Оборотень убедил командира, что возница был невиновен в том, что лошадь его обезумела, и его также освободили. Все закончилось, но Есения не испытывала радости. Легкие морские брызги, откровения и близость – все это растаяло, как утренняя дымка. Она все еще видела перед глазами последние секунды жизни обезумевшей лошади и чувствовала свое бессилие.

По пути обратно в замок они не сказали и пары слов. Есения решила поужинать в своих покоях, ей не хотелось ни с кем говорить, одиночество было ей сейчас необходимо. Оборотень замер у ее покоев. Что-то гнетущее было в его взгляде, и Есения спросила:

– Ты в порядке?

– Да, я... – он чуть побледнел. – Скажи, теперь ты презираешь меня?

– За что мне презирать тебя? За то, что ты снова спас мне жизнь?

– Но я убил лошадь...

– Не надо, – на этот раз Есения заставила его посмотреть ей в глаза. – Я знаю, что, если бы был другой выход, ты бы нашел его. Мы были в опасности, и тебе пришлось сделать это. Ты не виноват.

Они попросились, и Есения зашла в покои. Страх, испытанный на площади, все еще не оставлял ее. Она присела на кровать, одинокая слеза скатилась по ее щеке, но Есения и не заметила ее. В ее голове роились мысли, ее напугала не лошадь, что билась в дикой агонии, а то, что она не смогла использовать свой дар. Есения думала, что ее сила только росла. После того как она вытянула хворь из коня в Горниграде, после произошедшего в резиденции Гостивара она была уверена в своих способностях. До этого момента. То, что произошло на площади, заставило ее усомниться в себе, в своей силе. «Как я могу быть избранной балией, если даже не смогла успокоить лошадь?» – думала Есения.

Она прокручивала в мыслях это снова и снова, пока усталость не заставила ее забыться тревожным сном.

Есения проснулась от звука раздвигаемых штор. Это Яра пришла, чтобы разбудить ее. Она медленно открыла глаза. Голова болела, она всю ночь ворочалась и чувствовала себя разбитой чашкой, что случайно столкнули со стола.

– Госпожа, вчера вы уснули и ничего не съели, я сейчас принесу завтрак, – сказала Яра.

– Да, спасибо большое, – хриплым ото сна голосом ответила Есения.

Она встала и умылась в небольшом керамическом тазу,

что поставила для нее Яра. Из зеркала на Есению смотрело собственное бледное отражение. Яра принесла поднос, на котором стояли: чашка кофе, источавшая заманчивой аромат, две свежие булочки, масло, сок и нарезанное тонкими ломтиками мясо. Есения присела в большое кресло за маленький столик, Яра поставила поднос и удалилась. Есения не торопясь ела, смотря в окно на море. Такой вид не мог не наполнить ее сердце умиротворением, стерев призраков ночи.

Поев и одевшись, Есения хотела найти Оборотня, однако слуги сказали ей, что сейчас его нет в замке, он отправился по поручению в город. Тогда она решила провести себе небольшую экскурсию по замку, пока она видела только его малую часть. Есения медленно прогуливалась по коридорам, рассматривая старинные портреты. Никто из слуг не препятствовал ей, все они бегали по своим делам, не обращая на нее внимания.

Большую часть второго этажа занимала библиотека Ратных. Это была огромная комната, где с пола до потолка стояли стеллажи, сплошь набитые книгами. Здесь стоял потрясающий запах бумаги и кожи. Есения пробежалась пальцами по корешкам, пока не увидела красивую бархатно-красную книгу. На обложке золотые нити сливались в изображение головы дракона. «Династия Ратных», – прочитала название Есения, опускаясь в удобное кресло.

Здесь была вся история королевской семьи: от короля

Драгомира, первого правителя людей, до нынешнего короля Земирада. Когда Есения вновь прочла о попытке захвата леса Гринхорн, ей стало не по себе. Конечно, здесь историю слегка смягчили, не мог же автор выставить первого Ратного убийцей и безумцем. Про Земирада здесь не было ничего полезного, видимо книгу еще не успели дополнить.

С интересом она просмотрела главу о Роще Предков. Оказывается, с южной стороны замка находилось место почитания богов Элейнии. Оборотень, видимо, не успел рассказать ей об этом. В книге было написано, что в Роще Предков в священном кругу стояли шесть дубов. В каждом из них, прямо в стволах, были вырезаны лица всех королей Элейнии. Дубы чередовались с деревянными идолами великих богов и богинь.

Идолов было семь: солнцеликий Хорс, покровитель Хорсана, Перун – грозный бог, повелевающий громом, строгий Сварог – бог небесного огня, Стрибог, ведающий ветрами, Велес – бог удачи и богатства, Лада – защитница семьи, богиня красоты и юности и Мокошь – богиня судьбы и женской силы. Все фигуры и идолы были расположены вокруг самого главного бога – Рода, создателя всего сущего, как символ почета.

Есения сразу захотела увидеть Рощу, но вход был разрешен только королевской семье. Только два раза в году: в Праздник урожая и Велик день – день весеннего равноденствия, всем жителям разрешалось прийти туда, прикоснуть-

ся к фигурам богов, помолиться и попросить защиты.

От воспоминаний о последнем Празднике урожая Есения невольно поморщилась. Теперь, чтобы увидеть Рощу Предков пришлось бы ждать почти полгода.

Поставив на место бархатную книгу, Есения поняла, что настало время обеда. Утром Яра предупредила ее, что его накроют в малом зале. Девушка объяснила ей, как найти зал, но Есения, видимо, забрела не туда. В узком каменном коридоре было темно, только факелы отбрасывали на стены причудливые и мрачные тени. Прислушавшись, Есения услышала знакомый голос из комнаты в конце коридора.

Любопытство заставило ее замедлить шаг и заглянуть туда. Вся она была заставлена увесистыми фолиантами, бутылками с разными жидкостями, колбочками и склянками. Посередине кабинета стоял круглый деревянный стол, за которым сидел советник Ведомир и что-то бормотал себе нос. Есения решила не отвлекать его и удалиться, тем более, вся эта комната напоминала ей жуткую лабораторию наместника Гостивара.

Есения хотела бесшумно выйти, однако Ведомир резко поднял голову и заметил ее.

– О, Есения, как я рад вас видеть! – улыбнулся советник. – Пожалуйста, проходите. Не откажите в любезности составить компанию старику.

Жестом он пригласил ее присесть на тяжелый дубовый стул.

– Вам, наверное, интересно, чем я тут занимаюсь? – лукаво взглянул на нее советник.

Есения кивнула.

– Я немного увлекаюсь наукой. Король разрешил мне оборудовать эту небольшую лабораторию. Здесь я провожу свободное время, тщетно пытаюсь придумать что-то великое.

– И что вы придумали? – заинтересовалась она.

– Ровным счетом ничего! – рассмеялся советник. – По крайней мере, пока. Для любого великого открытия необходимы терпение и время. Пока я занимаю должность советника короля, я не могу этим располагать. Но я не теряю надежды.

Вдруг он резко сменил тему:

– А вы куда направлялись, Есения?

– В малый зал, там должны были подать обед. Но я, видимо немного заплутала...

– И попали прямо ко мне в берлогу! – рассмеялся советник. – Так уже обед? Я и не заметил. Когда торчу в этой лаборатории, время для меня летит, точно ветер. Давайте пойдём вместе, надеюсь, и для меня еды найдется.

В малом зале слуги быстро накрыли еще на одного человека и стали выносить разные блюда. Есения и Ведомир вели непринужденную беседу. Наконец она задала интересующий ее вопрос:

– Ведомир, вы не знаете по какому поручению Оборотень отправился в город?

– А-а-а, и часа не можете прожить друг без друга? – добродушно пожурил ее советник.

Есения почувствовала, как ее лицо и шею залила краска.

– Что вы имеете в виду?

– Может, я и стар, но пока не слеп, девушка, – рассмеялся Ведомир. – Я вижу, как вы смотрите друг на друга, и я знаю про связь, Оборотень мне рассказал.

– Он... сказал вам о том, что я избранная балия, а он мой хранитель?

– Да, – неожиданно понизил голос советник. – Однако я бы посоветовал вам говорить об этом не так громко.

– Но почему?

– Новость, что найдена избранная балия, героиня предания, что раз и навсегда принесет мир, – это серьезно. Неизвестно, как отреагируют враги короля на такое известие, да и сам король.

– Вы хотите сказать, что королю Земираду тоже не стоит говорить об этом? Вы не доверяете ему?

– Я бы пока не стал ему сообщать, и дело тут не в доверии. Просто придержите пока это при себе. Чем меньше людей об этом знает, тем лучше.

Странно было слышать такой совет от приближенного короля. Но то, что Оборотень доверил Ведомиру секрет о ее предназначении, говорило о многом.

– Хорошо, я последую вашему совету, – тихо произнесла Есения.

– Вот и чудно, – похлопал ее по руке советник, – а насчет Оборотня – он пошел в Хорсан по моей просьбе. Мне нужно было купить кое-что в Торговом квартале, и он вызвался помочь мне. Думаю, к вечеру он уже вернется.

– Советник, а что Оборотень обычно делает здесь, в замке, когда он не отправляется на поиски балий?

– Вы должны понимать, что положение Оборотня при дворе достаточно размыто, – нахмурился Ведомир. – Он не совсем слуга, но и не вельможа. Можно сказать, что он выполняет личные просьбы короля. Хотя мы оба понимаем, что это совсем не просьбы...

Ведомир многозначительно посмотрел на Есению, а затем вновь сменил тему.

– Есения, послезавтра я собираюсь в город по делам. Я знаю, что Оборотень уже успел показать вам часть Хорсана, однако, как я понял, вы еще не бывали в Ремесленном квартале и квартале Мастерских?

Есения ответила отрицательно, и Ведомир продолжил:

– Тогда, возможно, вы не откажетесь сопровождать меня?

– Но зачем?

– А почему бы и нет? Сейчас, пока король в отъезде, вам особо нечем заняться, я прав? А так, составите мне компанию.

– Ну хорошо, уговорили, – улыбнулась она.

– Вот и решили. А теперь прошу меня извинить, Есения. Дела не ждут.

Вежливо ей поклонившись, советник вышел из обеденной залы.

Закончив трапезу, Есения решила продолжить свое исследование замка. Утром Яра обмолвилась, что здесь есть оранжерея, расположенная в восточной части. Она посоветовала сходить туда, потому что там, по ее словам, было «непередаваемо красиво». Решив проверить, Есения начала спускаться по лестнице. В этот раз она выбрала западную лестницу, потому что до центральной было далеко идти. Ей показалось, что этим проходом никто не пользуется, так как он весь был в пыли и паутине. Она дошла до второго этажа, но вход был закрыт тяжелой дубовой дверью.

Есения могла бы просто спуститься вниз, к оранжерее, однако что-то будто подтолкнуло ее проверить дверь. Она оказалась не заперта. Эта часть замка выглядела абсолютно заброшенной. Вокруг валялись деревянные балки, все было каким-то запущенным. Складывалось ощущение, что здесь уже давно никого не было. Лишь длинный, багрово-коричневый ковер на полу казался новее всего остального, да в воздухе витал едва уловимый запах лаванды.

«Странно, может, здесь хранили травы», – подумала Есения. Вдруг ее отвлек звук шагов по лестнице. Неожиданно в проеме появился молодой стражник с побелевшим от страха

лицом.

– Госпожа, вам нельзя здесь находиться! – сказал он. – Это заброшенная часть замка, здесь небезопасно!

– Но почему?

– Конструкция здесь совсем расшаталась, может рухнуть. Эта часть замка закрыта, даже слуги сюда не ходят.

Стражник и Есения вышли на лестницу, и он закрыл тяжелую дверь на замок. «Почему она была вообще открыта?» – бормотал он себе под нос.

– Я направлялась в оранжерею, не могли бы вы проводить меня? – спросила Есения.

– Конечно, госпожа, идите за мной.

Стражник повел ее по лестнице на первый этаж, и, несколько раз свернув, они подошли ко входу в оранжерею. Даже отсюда она различала слабый запах цветов. Стражник в ответ на ее благодарность густо покраснел и, пробормотав: «Не за что, госпожа», – поспешно удалился.

Есения толкнула дверь из толстого стекла и зашла в оранжерею. Она словно перенеслась в тропический рай. Воздух здесь был влажным и свежим, вокруг витал нежный, тонкий аромат цветов. Повсюду раскинулись сочные зеленые заросли. На аккуратных клумбах росли прекрасные цветы всех возможных оттенков. Есенин казалось, что из обычной жизни она вдруг оказалась в сказке.

Между растениями вилась каменная дорожка, по которой можно было обойти всю оранжерею. Есения медленно про-

гуливалась по ней, пока не дошла до большого фонтана. Он был высоким, искусно вырезанным из камня. Посередине фонтана стояла Лада, златокудрая богиня, из ее рук лилась вода. Есения постояла возле него пару минут, зачарованная его красотой. Рядом с фонтаном стояли две кованые скамьи, на одну из которых она присела. Это место было удивительным уголком мира. Словно Лада своей ладонью коснулась души Есени, подарив ей минуту покоя.

Знакомый голос нитью вплелся в шум воды:

– Эта оранжерея была любимым местом королевы Софии.

Оборотень медленно подошел и сел рядом, так близко, что коснулся ее бедром. Несмотря на то, что вся правда между ними была сказана, Есения все же нервничала, когда положила ладонь на его руку. Оборотень, словно для них это было вполне привычно, переплел их пальцы.

– Слуги сказали мне, где тебя искать, – добавил он.

– Здесь я наконец почувствовала себя цельной, – тихо вздохнула Есения. – Как прошел твой поход в город?

– Я закончил все свои дела и успел к ужину.

– Ты сказал, что оранжерея была любимым местом королевы, но почему «была»? Королева ведь еще жива.

– Она в глубоком сне уже два года, с тех пор как родился Станимир, наследный принц. Мне кажется, никто уже не верит, что она проснется. Никто, кроме короля Земирада.

– Ты тоже не веришь в это?

– Не знаю, Есения... Если бы что-то могло ей помочь, то

уже помогло бы. Может, королю уже пора ее отпустить.

– Но как же Гринхорн? Разве не в этом цель моей службы королю – найти способ вылечить королеву?

– Мы постараемся изо всех сил, обещаю. Но не питай особых надежд. Я не хочу, чтобы неудача сломила тебя.

– Если сдаваться с самого начала, то это настрой на проигрыш, а я не привыкла опускать руки, – хмыкнула Есения.

– Да, это на тебя похоже, – рассмеялся Оборотень, чуть крепче сжав ее ладонь. – Что ж, у меня к тебе предложение. Сегодня в Музыкальном доме дают выступление приезжие артисты из другого королевства. Я бы мог сопроводить тебя. Если, конечно, ты готова после того...

– После того, что произошло на площади? – погрустнула Есения. – Да, это было ужасно, но это не значит, что я больше никогда не выйду из замка. Хорсан встретил меня не слишком приветливо, но я готова дать ему еще один шанс. Так что, я с радостью пойду с тобой.

К Музыкальному дому они подошли как раз к началу представления. На площади собралось множество людей. Ничто здесь не напоминало о недавнем трагическом событии, здесь снова звучали смех и радостное предвкушение. Нежная приглушенная музыка встретила их на входе в Музыкальный дом. Видимо, артисты уже настраивались перед

выступлением.

Внутри дом был великолепен. Стены были расписаны в синих и золотых тонах. Подняв голову, Есения увидела большой купол, который будто оберегал тех, кто находился под крышей Музыкального дома. На нем были изображены боги и богини Элейнии. На полу лежал мягкий ковер с рисунком из цветов и листьев. Каждый шаг по нему напоминал путешествие по древнему заколдованному лесу, и Есении стало немного стыдно, что она пачкает его своими туфлями.

Когда Яра готовила ее к вечеру, то уговорила надеть нарядное платье, какие носили придворные дамы в замке. На жалобы Есении, что ей удобнее будет в сарафане, служанка не обратила ни малейшего внимания.

– Госпожа, вы выходите в город, там все будут наблюдать за вами. Выйти в сарафане днем, прогуляться до Торгового квартала – это совсем другое. В Музыкальном доме соберутся все придворные, так что я не могу допустить, чтобы вы выглядели неподобающе.

С такими доводами спорить было бесполезно, так что Есения молча терпела, пока Яра наряжала ее в тонкое бежевое платье с плотным корсетом, покрытым серебристой, как легкая паутинка, вышивкой. Теперь Есения боялась сделать в нем лишний шаг, чтобы нигде не зацепиться подолом и не испортить такую красоту. Но она готова была вытерпеть все мучения за тот взгляд, что бросил на нее Оборотень, когда только увидел.

Яра беспокоилась не зря, куда бы Есения ни пошла, везде ее преследовали взгляды исподтишка, а некоторые изучали ее даже не таясь. Возможно, если бы не разные глаза, никто бы и не узнал ее, но знак балии сразу притягивал внимание. Люди рассматривали и Оборотня, видимо, гадая, кто же он ей.

Выступление начиналось, и они заняли свои места близко к сцене. Зал потихоньку заполнялся гостями. Наконец на сцену вышли музыканты в причудливых нарядах. Они были одеты в блестящие костюмы разных цветов, которые будто мягко светились в окружении ламп.

Совсем юная девушка играла на лире грустную, трагичную мелодию. Почему-то именно она напомнила Есению детство в Удолии, руки Анастасии, расчесывающие ей волосы, кисловато-сладкий запах поздних яблок за их избой. Сердце сжалось в тяжелой тоске, по щеке поползла слезинка. Только рука Оборотня помогла ей не расклеиться окончательно.

Словно зная, каким камнем давила на Есению эта мелодия, девушку сменил пожилой мужчина с окладистой бородой. Веселые частушки не могли не рассмешить, и Есению стало легче.

Когда выступление закончилось, Оборотень предложил прогуляться по длинной каменной набережной, и Есения с радостью ухватилась за возможность сбежать подальше от пристальных взглядов. Прохладный ветер, видимо, распугал всех жителей и гостей, на набережной было практически пу-

сто.

Они остановились у ограждения, глядя на беспокойное море. Корабли, подхваченные стихией, резко раскачивались на волнах. Оборотень встал позади, заключив ее в капкан своих рук. Есения не возражала против такой клетки, тем более, скоро они должны были возвращаться.

– Оборотень... – тихо произнесла она. – Мы должны скрывать в замке наши чувства?

– Думаю, это пока не повредит, – вздохнул Оборотень. – Я не знаю, как отреагирует король на эту новость. Боюсь, тогда ему придется рассказать и про нашу связь.

Вспомнив предупреждение советника, Есения спросила:

– Ты не хочешь говорить королю о связи?

– Это важная новость, и я хочу прежде всего, защитить тебя. Мы пока не изучили ее полностью, и думаю, стоит подождать. В любом случае сказать ему мы всегда успеем, а пока пусть это будет нашей тайной.

– Когда лошадь... бросилась на меня, ты что-то почувствовал?

Оборотень задумался на пару секунд.

– Да, когда толпа нас разделила, я не мог тебя найти, только чувствовал опасность. Это была не просто паника или что-то подобное, скорее, я просто знал. Тогда я сосредоточился на этом ощущении, и оно привело меня к центру площади. Хотя, даже без нашей связи, я мог бы и догадаться, что ты не станешь, как любой нормальный человек бежать

от беды, а бросишься прямо к ней.

Есения резко развернулась к нему.

– Я не могла бросить всех и просто сбежать. Или ты знаешь другую балию, которая смогла бы остановить лошадь?

– Нет, – ухмыльнулся Оборотень, но следующие его слова были как никогда серьезны. – Но мысль о том, что ты в постоянной опасности, совсем не радует меня.

– Со мной ничего не случится. Ты же убережешь меня, если что, – улыбнулась Есения, стараясь снять напряжение.

Рука Оборотня обвилась вокруг талии, тесно прижимая Есению к ограждению. Сердце рухнуло вниз, раскаленная нить заструилась по телу от его ладоней. Сейчас ей было уже не до платья или любопытных глаз. Есения почувствовала покалывание в кончиках пальцев, но на этот раз дело было совсем не в ее даре.

– Всегда, – твердо проговорил он, и его губы накрыли ее.

Его поцелуй не был нежным. Он сразу захватил контроль, губы то отстранялись, то впивались сильнее, словно оставляли огненный след. Есения поначалу лишь робко, подчиняясь его натиску, следовала за ним, но затем, она тоже вспыхнула и уже с силой отвечала на каждый его удар.

Оборотень низко зарычал, пальцы на ее талии вдруг обернулись острыми когтями, оставляя рваные следы на тонком платье. Есения невольно вскрикнула и отпрянула, и только тогда он словно очнулся. Губы горели, они оба тяжело дышали. Казалось, Оборотень и сам был потрясен тем, как на-

кинулся на нее. Побледнев, он выпустил ее талию, и глухо произнес:

– Прости меня, Есения, я... я потерял контроль.

– Все в порядке, со мной все хорошо...

– Нет! – оттолкнул ее Оборотень. – Я же мог навредить тебе! Больше такого не повторится, я обещаю.

Есения попыталась взять его за руку, но он отвернулся от нее.

– Нам пора возвращаться, – бросил он.

Путь до замка прошел для Есении словно во сне. Она не могла не признаться себе, что на секунду Оборотень напугал ее. Видимо, ирбис был в нем сильнее, чем он думал, и следы когтей на ее платье были тому доказательством. Кожу он не тронул, но еще бы немного... Однако страх не затмевал волнение, что звенело в ней после его поцелуя. Будто он спутал внутри все, что было на своих местах, и теперь Есения не знала, как вернуть все назад.

Оборотень проводил ее до покоев, вокруг не было ни души, все давно легли спать. Не глядя на нее, он пожелал ей добрых снов и ушел, словно за ним гнались вороны Чернобога.

Яра развалилась на кресле и тихо сопела. Когда Есения затворила дверь, она встрепенулась и быстро вскочила на ноги.

– Простите, госпожа, кажется, я заснула, не дождалась вас. Как прошел ваш вечер?

– Ничего страшного, Яра, ты могла и не ждать меня. Ве-

чер прошел чудесно. Эти заморские артисты в Музыкальном доме... было потрясающе. А потом мы с Оборотнем...

Есения запнулась и жгуче покраснела. Яра сделала вид, что ничего не заметила и спокойно произнесла:

– Рада, что вам все понравилось. Давайте, я помогу вам снять платье.

Об этом она не подумала. Как объяснить Яре, откуда взялись разрезы?

– Не надо, – постаралась скрыть волнение она. – Я хочу еще немного насладиться им, а потом разденусь сама. Спасибо тебе.

– Хорошо, госпожа. Кстати, тут вам принесли письмо, оно лежит на столе.

– Письмо? От кого? – удивилась Есения. У нее мелькнула надежда, что это Анастасия написала ей.

– Не знаю, госпожа. На конверте нет отправителя.

Есения подошла к столу и взяла письмо. Оно было запечатано в обычный коричневый конверт, действительно без подписи. Она открыла его и достала небольшой листок бумаги. На нем кроваво-красными буквами было написано: «Уходи из Хорсана. Тебе здесь не место».

Глава 16

– Яра, кто принес письмо? – побледнела Есения.

– Я не знаю, госпожа. Когда я пришла, оно уже лежало на столе, – испуганно сказала Яра. – А что такое, что там написано?

Есения взяла себя в руки и улыбнулась:

– Ничего такого, я просто удивилась, вот и все. Спасибо, Яра, можешь идти.

Когда она вышла, Есения, подождав пару минут, выскользнула вслед за ней. Теперь оставалось только найти покой Оборотня, что было не так уж просто, ведь все слуги давно спали, и спросить было не у кого. Она вспомнила, как связь помогла Оборотню найти ее в резиденции Гостивара, и решила попробовать.

Не зная, как протянуть нить между ними, она сосредоточилась на своем даре, как делала всегда. Однако увидеть она смогла только парочку крыс в подвале замка, да толстого дымчатого кота на кухне, который, словно почувствовав внимание, лениво приоткрыл один глаз. Милое создание, но совсем не похожее на дикую серебристую кошку, что она искала.

Тогда она просто представила Оборотня, его льдистые глаза, насмешливо прищуренные, бледную кожу, пересеченную тонким, как костяная игла, шрамом, упрямо сжатые гу-

бы... которые еще недавно впивались в ее так крепко, словно мир скоро перестанет существовать. Жар зазмеился по ее лицу, в груди стало тесно, и тут она не увидела его, а скорее, просто поняла, в какую сторону нужно идти.

Связь вела ее на этаж ниже. На каждой лестнице и развилке Есения знала, куда нужно повернуть. Покои Оборотня, как ни странно, оказались прямо под ее. Она помедлила лишь секунду перед тем, как постучать в тяжелую дверь. Спустя пару мгновений она распахнулась, и Есения уткнулась взглядом в грудь Оборотня. Очень голую, сбивающую с мысли, грудь.

– Есения, в чем дело? – нахмурился он, словно каждый день так ходил перед ней. – Сейчас не время обсуждать то, что произошло...

– Мне оставили послание, – перебила она, стараясь не опускать взгляд ниже его глаз.

– Послание? О чем ты?

Оборотень набросил рубашку (спасибо тебе, Велес-покровитель), и Есения быстро рассказала ему о письме. Говорить, правда, было почти не о чем, ведь Яра не знала, кто его оставил.

– Мне это не нравится, но я бы пока не стал бить тревогу, – нахмурился Оборотень. – Я спрашиваю слуг, может, они заметили, кто принес послание. А ты пока будь осторожнее на всякий случай. Старайся не ходить никуда одна.

Несмотря на то, что Оборотень, казалось, не был сильно

обеспокоен письмом, оно не давало Есении покоя. Кому она успела причинить зло, раз ее пытаются выгнать из замка?

Утром Есения, помня предупреждение Оборотня, попросила Яру проводить ее в библиотеку. Едва ли служанка смогла бы защитить ее от реальной угрозы, но с ней было все же спокойнее. Тяжелые фолианты с хрусткими, как тонкое печенье, страницами уже готовы были открыть ей свои тайны, и Есения снова потеряла счет времени.

Очнулась она, услышав звонкий гул Солнечного круга Хорса, извещающего о том, что настал полдень. Бронзовый диск, что стоял на внутреннем дворе замка, не уступал красотой тому, что был перед храмом богу Роду, только размеры его были меньше. Подошло время обеда, после которого Есения должна была встретиться с Оборотнем.

Увы, он не оправдал ее надежд. Никто из слуг ничего не слышал о послании.

– Сегодня я хотел провести для тебя небольшую тренировку. Ты давно не использовала свой дар, пора это исправить, – отвлек ее Оборотень от тревожных мыслей.

– Ты забыл, что я *пыталась* использовать свой дар, однако ничего не вышло.

– Значит, сейчас тебе представится случай доказать обратное.

Оборотень решил отвести ее в Крильский лес, подальше от замка, где она смогла бы спокойно пользоваться силой. Едва они вышли из резиденции Ратных, как сразу окунулись в бурлящий, как котел с травяным сбором, Хорсан. Громкие крики торговцев и приказы моряков с причаливших кораблей создавали вечную разноголосицу. Сегодня ветер принес с собой настоящую осень, и Есения зябко куталась в короткую, расписанную рыжими и алыми листочками душегрею.

Не задержавшись в городе, Есения и Оборотень пошли дальше, по Основной улице на выход из Хорсана. Старые клены и изящные березы в Крильском лесу росли так близко друг к другу, что хлесткий октябрьский ветер был здесь едва слышен. Однако осень потихоньку добиралась и до их объемных крон и нежных листьев, сейчас лишь слегка подкрашенных огненно-желтой краской. Здесь было так тихо, что, казалось, в мире больше никого не осталось, только боги присматривали за нетронутой человеком землей. Оборотень отвел Есению на небольшую поляну, сплошь усеянную охровой календулой, и ее сразу окружили разноцветные бабочки.

– Помнишь, как ты в первый раз воспользовалась своим даром? Это было как раз на такой поляне, – улыбнулся Оборотень.

– Да, – вздохнула Есения. – Тогда у меня все получилось, я была так счастлива. Но теперь... после случая с лошадю на площади я стала сомневаться в своей силе.

– Именно поэтому я и привез тебя сюда. Тебе нужно вспомнить, как управлять даром, вновь поверить в него. Начнем с простого. Представь кролика, как тогда.

Есения закрыла глаза и сосредоточилась на внутренней силе, чувствуя, как сначала покалывание, а затем тепло начало струиться внутри нее. Она представила кролика, что выскакивает на поляну. Не открывая глаз, она знала, что зверек действительно сидит там. В этот раз она попыталась не просто вывести его куда она хотела, она попыталась пообщаться с ним, как с существами в резиденции Гостивара. Она словно проникла в его суть, увидела его жизнь в этом лесу: рождение, семью, хищных зверей, что охотились на него. Чувствуя его страх, Есения постаралась успокоить его, дать понять, что ему ничего не грозит, и наконец отпустила.

Когда она очнулась, казалось, что прошло несколько часов. Небольшая усталость была малой ценой за то, что сила вновь наполняла ее изнутри. Оборотень растянулся рядом с ней на цветастом покрывале, не мешая и не подгоняя.

Теперь Есения решила призвать животное покрупнее. Закрыв глаза, она увидела лису, что была неподалеку. Настроившись на нее, Есения попыталась наладить связь. И вновь увидела рождение, нору, где копошились маленькие лисята, голод и охоту.

Обретая связь со своим даром, Есения вновь чувствовала себя целостной. Устав от мысленных путешествий, она устроила небольшой перерыв, повалившись рядом с Оборот-

нем. В корзине, что он прихватил с собой, нашлись ароматные пироги с грибами, алые яблоки и терпкий ржаной квас. После сытного полдника Есению разморило, и она вяло наблюдала за пышными облаками, что стремительно нес ветер.

– Как ты думаешь, если с моим даром все в порядке, что произошло на площади? – наконец спросила она. – Почему я не смогла остановить лошадь, ведь раньше все получалось?

Оборотень лег на бок, лицом к Есении, и сказал:

– Я как раз хотел это обсудить с тобой. Чем дольше я думаю о том, что произошло, тем сильнее мои подозрения. Когда мы были на площади, нужно было думать и действовать быстро, и тогда я не придавал значение своему чутью. Однако сейчас я понимаю, что кто-то, похоже, блокировал твой дар.

– Блокировал мой дар? – Есения резко села, сбросив сытую истому. – Но зачем?

– Видимо, кто-то хотел, чтобы ты не смогла справиться с лошадью. Наша связь не только помогла мне найти тебя, но и подсказала, что кто-то словно вмешался в твою силу.

– Ты хочешь сказать, меня хотели убить? – побледнела она.

– Этого я пока не знаю. Но сначала этот случай с лошадью, затем письмо с предупреждением...

– Ты думаешь, эти события связаны? Что письмо подбросил тот же человек, что вмешался в мой дар?

– Пока рано судить. Однако тебе нужно быть внимательнее и осторожнее. Я постараюсь не выпускать тебя из вида,

но я не всегда могу быть рядом. Тем более скоро вернется король.

– Я еще даже не начала помогать королю. Зачем кому-то желать мне зла?

Оборотень тоже сел, внимательно глядя на нее.

– Я выясню это, обещаю. А пока не верь никому во дворце, только мне.

– Надеюсь, завтра, когда я пойду с советником Ведомиром в город, меня никто не захочет убить... – вздохнула Есения.

– В город с Ведомиром? – удивился Оборотень. – С чего бы тебе с ним идти?

– Не знаю, вчера мы обедали вместе, и он позвал меня сопровождать его в Хорсан по делам.

– Не нравится мне, что ты пойдешь одна. Но я знаю, что Ведомира всегда сопровождают стражники, когда он выходит в город, так что я за тебя спокоен. Однако... все же будь осторожна.

– Не волнуйся, буду.

С каждым словом они приближались все ближе друг к другу. Есения потянулась к Оборотню, но он резко отпрянул. Не глядя на нее, он глухо произнес:

– Есения, то, что произошло после выступления... больше не повторится. Я по-прежнему твой защитник, но этим чувствам я не могу доверять, не могу доверять себе.

– То есть ты готов так просто отказаться от меня? – вспыхнула Есения. – Со мной ничего не случилось, ты остановил-

ся вовремя...

– А если бы нет? – процедил Оборотень, прожигая ее взглядом. – Если бы ирбис вырвался и причинил тебе боль? Как бы я жил с этим? Говори, что хочешь, но я опасен для тебя.

– Ты, как всегда, все решаешь один! Не смей отмахиваться от нас, словно это ничего не значило, словно наш поцелуй не перевернул все, что было раньше!

– Я выбираю твою безопасность, а не мимолетную страсть, Есения. Надеюсь, со временем ты поймешь.

Внутри нее словно что-то треснуло и осыпалось осколками, рая все на своем пути. Если для Оборотня это была лишь страсть, то для нее он стал целым миром... миром, что он расцвел новыми красками, а теперь заставил помутнеть, как засыпанное пылью стекло. Связь между ними теперь стала насмешкой над ней.

Не сказав ни слова, она поднялась и отправилась к замку, не откликаясь на настойчивый зов Оборотня.

Глава 17

Все, чего хотелось Есении – это забиться в свои покои и никого не видеть, пока в груди не перестанет саднить. Однако она дала обещание Ведомиру, и ничто, особенно раненая гордость, не могло его нарушить.

На следующий день ближе к обеду советник ждал ее на каменном мосту. Его сопровождали четыре стражника, которые держались чуть поодаль. Едва Есения подошла, как Ведомир сразу спросил о ее здоровье. Видимо, как ни пыталась она скрыть свою боль, лицо ее выдало.

– Не волнуйтесь, советник, я здорова. Просто плохо спала, – улыбнулась Есения, и они двинулись в путь.

Погода сегодня была под стать ее настроению: тяжелые тучи закрывали небо, а резкий ветер так и норовил забраться под душегрею. Есения мысленно поблагодарила Яру, что та дала ей теплые рукавицы, расшитые жемчужными бусинами.

Ей приходилось пристраиваться к шагу Ведомира, ведь она всегда ходила стремительно, словно маленький корабль под попутным ветром. Советник, как мог, развлекал ее историями о городе. В квартале Искусств сейчас было тихо, до вечерних представлений было далеко, и лишь артисты сновали туда-сюда, занимаясь своими делами. Ведомир чуть запыхался, и Есения предложила ему немного посидеть у фонтана на Главной площади. Изумруды на дне фонтана прида-

вали воде зеленоватый морской оттенок.

– Помню, сколько было споров у короля и его отца по поводу этих фонтанов! – вдруг хмыкнул советник.

– Предыдущий король не хотел украшать их?

– Да, ему казалось все это расточительством: вставлять в фонтаны драгоценные камни. Радислав был... недоверчивым человеком, он говорил, что камни непременно украдут. Земирад же в ответ возражал, что такие фонтаны станут особенностью Хорсана и приманят еще больше приезжих гостей из других королевств.

– Земирад в итоге, как мы видим, победил в споре? – улыбнулась Есения.

– Нет, – усмехнулся Ведомир, – боюсь, тогда он не смог уговорить отца. Однако когда тот умер, уже ничто не мешало новому королю делать с городом что он хочет.

У Есении остался странный осадок от этого разговора, однако не успела она подумать об этом, как Ведомир уже поднялся на ноги.

– Пойдемте дальше, Есения. Дела не ждут.

Покинув Главную площадь, они направились в квартал Мастерских. Советнику нужно было посетить район Знахарей. Он занимал совсем крохотную часть квартала, однако жил будто своей жизнью.

Дома в районе Знахарей отличались от квартала Мастерских – у них были разноцветные острые крыши. На домах висели обереги, стекла были расписаны символами богов, а

на подоконниках стояли деревянные и каменные идолы. Над входами в дома сушились травы, Есении они напомнили об Анастасии.

На секунду она словно перенеслась в детство, когда мать учила ее отличать полезные и целебные растения от дурных. Есении тогда было около десяти летних пор, и она наткнулась в лесу на ядовитую траву – ясенец. Через несколько часов все ее руки были покрыты волдырями. Анастасия прикладывала к ранам тысячелистник, чтобы снять воспаление, однако Есения еще долго страдала от встречи с этим коварным растением.

Ведомир вытащил ее из размышлений, сказав:

– Мне нужно зайти здесь к одному знахарю. Вы пока идите, прогуляйтесь по кварталу Мастерских.

Есения ничего не имела против. Она не готова была вспоминать об Анастасии и хотела поскорее сбежать из района Знахарей. Один из стражников тенью последовал за ней, когда Есения отправилась к мастерским.

Каких только здесь не было! Портные предлагали в витринах фасоны на любой вкус: от нарядных сарафанов и тонких, покрытых изящной вышивкой, рубашек, до струящихся шелковых платьев, какие носили при дворе короля. В кожаной мастерской была выставлена самая разнообразная обувь: от мягких, крохотных туфель, до крепких на вид зимних сапог, а также перчатки, большие сумы, разноцветные переплеты книг и все, что могло понадобиться проходящему

мимо путнику.

Над ювелирной мастерской покачивалась металлическая вывеска, на которой драгоценными камнями была выложена яркая оранжевая птица, напомнившая Есении феникса из резиденции Гостивара.

В прозрачной, как воздух, витрине на бархатных подушечках, были разложены диковинные украшения. Подвески в виде экзотических птиц, сережки с драгоценными камнями. Взгляд Есении привлекла изящная брошь. Серебряный ирбис такой тонкой работы, что она невольно залюбовалась, напомнил ей об Оборотне, и сразу сердце сжалось от горечи. Если она не может смотреть даже на брошь, как она взглянет ему в глаза?

– Приглянулось что-то? – неожиданно раздался рядом голос Вedomира.

– Нет-нет, я просто немного задумалась, – слегка покраснела Есения.

Советник пронизательно взглянул на нее, но ничего не сказал.

– Вы закончили свои дела? – поскорее сменила она тему. – Мы отправляемся обратно в замок?

Ведомир помолчал немного, собираясь с мыслями, а затем произнес так тихо, чтобы не услышали стражники, стоявшие в нескольких шагах позади:

– Мой поход в район Знахарей был не единственной моей целью. Боюсь, я немного слукавил, позвав вас с собой.

В ответ на удивленный взгляд Есении Ведомир продолжил:

– В квартале Ремесленников живет один мой друг. Ему сейчас приходится нелегко, какая-то хворь отравила весь его скот. Я надеялся, что вы сможете понять, что с ним.

– Конечно, я с радостью помогу, – нахмурилась Есения. – Однако к чему такая скрытность? Я бы в любом случае пошла с вами.

– Не знаю, как отреагировал бы король, узнав, что вы выполняете свои обязанности, скажем так, на стороне.

– Но король еще не вернулся из Горниграда, так что вы зря переживали. Отведите меня к своему другу, я сделаю все, что в моих силах.

Квартал Ремесленников был скромнее своих братьев. Дома здесь были попроще, словно они не нуждались в яркой, завлекающей чешуе, чтобы люди приходили сюда. Сам их вид говорил о строгости и серьезности дела, которым здесь занимались. От большой кузницы, отмеченной Звездой Сварога, веяло жаром, а воздух, казалось, звенел от ударов тяжелого молота.

Ведомир задержался у кузницы, а затем неожиданно нырнул в самое пекло, прямо к мужчине, что сам был похож на Сварога, бога-покровителя кузнецов. Высокий и широкоплечий, как старый дуб, с окладистой рыжей бородой, он не обращал внимания на зевак, сосредоточенный на работе.

Есения решила подождать его снаружи, но даже на улице

ей стало жарко в плотной душегрее. Советник перебросился с кузнецом парой слов, и наконец строгое лицо гиганта смягчилось. Кликнув откуда-то из глубины щуплого мальчишку, он бросил ему наставление, а затем они с Ведомиром вышли из кузницы.

Серьезные серые глаза оглядели ее с ног до головы, а затем кузнец спросил:

– А это кто с тобой, Ведомир? Твоя внучка, не иначе?

– Нет, Озим, – тихо произнес советник. – Это ответ на все твои молитвы.

Скупая улыбка преобразила лицо кузнеца, вмиг сделав его мягче.

– Ну что ж, пойдете. Объясните мне, кому я это там молился.

Вслед за Озимом они прошли вглубь квартала и оказались перед небольшим деревянным домиком с потрескавшимся забором. Он был еще скромнее, чем остальные, но опрятный снаружи. Дом напомнил Есении жилище Милоша, и она вдруг заскучала по другу. Внутри было чисто, везде здесь чувствовалась заботливая рука, что даже в бедности не опускается до грязи. Пахло свежестью выстиранного белья и пряными травами.

– Вот уж не думал, что удостоюсь такой чести, чтобы сам советник короля ко мне пожаловал! – хмыкнул Озим, тяжело опустившись на узкий стул, что надсадно заскрипел под его весом. – Первуши дома сейчас нет. Это моя жена, – пояснил

он, глядя на Есению.

– Ну, значит, передавай ей пожелание всех благ, и детям тоже, – улыбнулся Ведомир.

Затем он стал серьезным и произнес, глядя на Озима:

– Это Есения, балия короля. Она поможет тебе с твоим скотом.

Кузнец побледнел.

– Ведомир, ты привел балию в мой дом? Ты знаешь, что будет со мной, если король узнает?

– Что король с вами сделает? – нахмурилась Есения.

Обменявшись взглядом с Ведомиром, Озим осторожно сказал:

– Балии служат только королю. Они не могут приходить в дом каждому встречному и помогать в пустяковых делах.

– Разве гибель вашего скота – это пустяк? Тем более вы друг Ведомира, поэтому я с радостью помогу.

Озим подумал пару секунд, затем, видимо, поняв, что терять уже нечего, произнес:

– Пойдемте, провожу вас в загон.

Выходя из дома через заднюю дверь, Есения спросила:

– Если вы кузнец, то зачем вам скот?

– Надо же как-то кормить семью, – нахмурился Озим.

Не успела Есения спросить, что он имел в виду, как они уже подошли к загонам. Здесь был небольшой курятник, чуть подалее загон, где лежали парочка коз, а справа жевала траву одинокая корова.

– Как они у вас умещаются на таком маленьком дворе-ке? – поразила Есения.

– Ничего не поделатъ, приходится скрывать, что у нас есть скот. Разводить его запрещено.

От расспросов Есению отвлекли животные, вернее, их состояние. У них с Анастасией тоже были куры и корова в Удолии, и она сразу поняла: что-то не так.

Куры, обычно носившиеся туда-сюда, здесь были вялыми. Они будто во сне ходили по курятнику, наталкиваясь друг на друга. Ни козы, ни корова не обратили внимание на гостей. Козы лежали почти не шевелясь, лишь подняли к ним белые головы с маленькими рожками, корова же просто не реагировала ни на какие звуки.

– Вот о чем я говорил, – повернулся Озим к Ведомиру. – Уж не знаю, что за хворь поразила их, но куры не несутся уже неделю, а козы и корова не дают молока.

Есения решила начать с коз, потому что они показались ей самыми больными. Она открыла загон и подошла к ним. Сосредоточившись на своем даре, она проникла вглубь животных. Хворь, что оплетала их изнутри, была похожа на ту, что свела с ума коня в Горниграде, однако здесь ее было больше. Черные нити обернули каждый орган внутри животных. Есения начала вытягивать их из первой козы. Это оказалось не так-то просто, хворь цеплялась за бедное животное, причиняя ему невыносимую боль. Коза бешено кричала, пока Есения окончательно не выдернула хворь. Голова резко за-

кружилась, и она пошатнулась. Крепкая рука Озима вовремя подхватила ее, не дав распластаться на земле.

– Никогда не видел дар балий в действии, – восхищенно пробормотал он.

– Ваш скот отравили дурманом, – медленно произнесла Есения. – Я уже видела такое однажды. Дурман сводит с ума, медленно и болезненно убивая жертву.

Услышав это, Озим нахмурился.

– Кажется, я знаю, кому могло прийти это в голову, – задумчиво пробормотал он. – Мой сосед не знал, как обращаться со скотом, и он у него весь перемер. Тогда-то он и позарился на мой. Он предлагал мне его продать ему, но я отказал. Я предполагал, что он может затаить обиду, но чтобы отравить... Ничего, я с ним разберусь. Ты остальных-то сможешь вылечить? Что-то ты бледная совсем.

– Мне понадобится время, но да, думаю смогу, – сказала Есения, выпрямившись. – Хворь оказалась очень сильной, она цепляется за животных, я потратила много сил только на одну козу. Сейчас я попробую вылечить вторую, а затем мне нужно будет передохнуть.

– Что ж, тогда не откажись пообедать со мной, в знак... моей признательности. Как раз восстановишь силы.

Есения согласилась, и Озим с Ведомиром ушли в дом, чтобы ей не мешать. Вырвав яд из второй козы, она осталась почти без сил. Пошатываясь, она зашла в дом, где Озим сразу подскочил к ней и помог присесть в кресло. Он подал ей

кружку горячего чая и, когда Есения сделала глоток, спросил:

– Твой дар всегда отнимает столько сил?

– По-разному. Этот яд – действительно гадкий, он меня сильно истощает.

– Я никогда раньше не разговаривал с балией, – признался Озим. – Мне всегда было интересно, как действует ваш дар. Это больно?

– Нет, – слабо улыбнулась Есения. – Это будто солнечный свет, который наполняет меня изнутри. Затем он становится горячее, и, когда он переполняет меня, ему нужен выход. Тогда я и могу помогать животным... или разговаривать с ними.

– Тяжело, наверно, жить с такой ношей?

– О, это не ноша! – возразила Есения. – До недавнего времени я вообще не знала, что у меня есть дар, но всегда чувствовала, что отличаюсь от других. Когда мне помогли осознать свою силу – я будто стала единым целым. Для меня мой дар – не проклятие, он и есть я.

– Для такой молодой девушки вы размышляете удивительно мудро, – улыбнулся Ведомир.

– Озим... – решила Есения. – Почему, чтобы прокормить свою семью, вы разводите скот? Разве работа кузнеца не приносит вам дохода?

Озим посмотрел на Ведомира, взглядом советуясь с ним, а затем произнес:

– Все мои доходы, что я получаю с кузнечного дела, – идут на налоги королю. С каждым годом они растут все больше и больше. Несколько лет назад мы могли спокойно отдавать дань и оставалось достаточно, чтобы жить не голодая. Однако сейчас налог вырос настолько, что многие семьи попросту не могут себе позволить заплатить его, а еще нужно кормить детей. Каждый из нас выживает по-своему. Держать скот запрещено, но мы стараемся, пряча его от стражников короля. Это опасно, но что поделать.

– Король Земирад так сильно поднял налоги, что вы не можете кормить семьи? Но как же так! – возмутилась Есения.

– Хорсан кажется процветающим городом, – сказал Озим. – Однако его держат на плаву богатые приезжие из других королевств. Ты не заметила, что по набережной не гуляют простые рабочие и мастера? У нас просто нет на это времени, каждая минута – это монета, идущая в семью.

Есения решила, что она поговорит с королем об этом, когда он вернется. Она не могла так просто оставить то, что поданные короля голодают. После этого она едва ли смогла впихнуть в себя пироги с капустой, что предложил ей Озим, ей казалось, что каждым куском она объедает его семью. Сейчас она могла помочь лишь одним – вылечить животных.

Есения закончила уже под вечер. Ей пришлось еще раз выпить чаю, чтобы немного окрепнуть. Голова кружилась, ей казалось, что она бежала несколько дней без остановки. С

каждой хворью, что она вытягивала, она словно сама наполнялась изнутри гнилой отравой, ее тошнило, будто она наглоталась болотной воды. Но все было не напрасно, все животные теперь были совершенно здоровы.

– Я хочу отблагодарить тебя за помощь, Есения, – произнес Озим и, не обратив внимания на ее возражения, исчез в глубине дома.

Спустя минуту он, почти смущенно, протянул ей кинжал.

– Жаль, что я не могу дать тебе в подарок что-то красивое, достойное твоей силы, ведь я всего-навсего кузнец. Но этот кинжал, по крайней мере, сможет тебя защитить.

Озим зря наговаривал на себя, даже Есения, ничего не понимающая в оружии, смогла оценить изящество кинжала. Короткий и острый, как разбитое стекло, он весь был покрыт сложным узором. Деревянная рукоять, с вырезанным на ней Триглавом Велеса, удобно легла в руку.

– Спасибо вам за такой дар, но я не умею им пользоваться!

– Это не так уж и сложно, – ухмыльнулся Озим. – Просто бей.

Затем он сразу помрачнел и сказал:

– Против обученного человека этот кинжал вряд ли тебе поможет, балия, но даст тебе драгоценные секунды, чтобы убежать.

– А почему на кинжале символ Велеса?

– Это принесет удачу. Тем более, Велес – бог-покровитель животного мира, так что вы с ним, можно сказать, заодно.

Раньше Есения не задумывалась об этом. Она молилась Велесу, чтобы попросить удачи в делах, но именно ему она, возможно, была обязана своим даром. У нее не было никакого желания сражаться на кинжалах с невидимым врагом, но она понимала, что отказываться от подарка было невежливо.

Выпив еще чашку ароматного травяного чая, пока Ведомир и Озим тихонько шептались в углу дома, она, видимо, задремала. Только когда на улице сгустились вязкие сумерки, они с Ведомиром наконец отправились обратно в замок.

Глава 18

После прогулки с советником Есения еще пару дней чувствовала слабость и головокружение. Видимо, схватка с дурманом в этот раз не оставила ее без последствий. Она больше не выходила из замка, а дни свои проводила в библиотеке. Есения пыталась изучить как можно больше книг о лесе Гринхорн, ведь совсем скоро король должен был вернуться. С Оборотнем она почти не виделась, он постоянно пропадал по поручениям Ведомира и по каким-то другим делам, но Есения была даже рада этому. Она не знала, как теперь говорить с ним, как скрыть свою обиду, что разъедала как ясец.

Наконец к концу десятого дня король вернулся и вызвал ее к себе. Земирад выглядел уставшим и измученным, под его глазами залегли глубокие тени.

– Как прошла поездка, ваше величество? – почтительно поклонилась Есения.

– Не так, как хотелось, к сожалению, – вздохнул король. – В Горниграде беспокойно с тех пор, как погиб Гостивар. Локальные восстания происходят то тут, то там. Надеюсь, мой приезд немного успокоил народ.

– Мне жаль это слышать. Горниград – красивый город с богатой... историей. Я надеюсь, что там все успокоится и наступит мир.

– С поддержкой Рода и моих гвардейцев со временем так

и будет.

То, что Есении сообщил Озим, уже несколько дней не давало ей покоя, и она, решившись, произнесла:

– Ваше величество... Когда я была в городе, то узнала, что в Хорсане для ваших поданных принят закон об очень высоких налогах. Некоторым из них нечем прокормить свою семью.

Земирад чуть растерялся от того, куда свернула их беседа.

– Высокие налоги, говорите? – нахмурился он. – Налоговую систему не меняли со времен моего отца. Если честно, этими вопросами занимается мой советник по казне. Вы познакомились с кем-то из квартала Ремесленников или Мастерских?

Есения, вспомнив, как Озим испугался, когда увидел балию в своем доме, ответила:

– Нет, ваше величество. До меня просто дошли слухи.

Король пару секунд пытливо глядел на нее, а затем резко встал и подошел к большому полотну из медно-коричневого бархата. На нем золотыми нитями был вышит герб Ратных.

– Если такие слухи ходят в моем замке, значит, тому есть причина, – вздохнул Земирад. – Хорошо, что вы сообщили мне об этом, Есения. Я обязательно разберусь.

Только сейчас Есения поняла, как была напряжена. Коротко выдохнув от облегчения, она подошла к королю и вновь сменила тему:

– Ваше величество, почему на вашем гербе изображен

дракон?

– Его взял себе мой предок, первый король людей. «Драгомир» означает «дорожащий миром», и поверьте, я понимаю всю иронию такого имени, ведь он жег город за городом, завоеывая все на своем пути, и разрушил мирные отношения с лесом Гринхорн. Он презирал свое имя, оно казалось ему недостаточно грозным. В других, вражеских королевствах, его называли «Король-дракон», потому что огнем он уничтожал всех, кто не преклонялся перед ним. Они думали, что таким прозвищем унизили его, однако Драгомиру не только понравилось новое имя, он сделал его своим гербом, гордился им и своими злодеяниями. Мне стыдно за такого предка, но Драгомир – Ратный, и мне приходится уважать семейную историю.

Король будто очнулся, и на его губах появилась хитрая улыбка.

– Но не будем об этом. Это дела давно минувших дней. Я вернулся, а это значит, что вам, Есения, пора показать, на что вы способны. Сегодня мы поедем к лесу Гринхорн.

Несмотря на то, что Есения понимала свои обязанности при дворе и с нетерпением хотела увидеть лес, сейчас она почувствовала тихий шепоток страха. Однако, не подав вида, она только проговорила:

– Я готова, ваше величество.

– Отлично. Мы выезжаем через два часа. Будьте готовы к этому времени.

Когда Есения вышла во двор замка, там было оченьлюдно. Слуги бегали, резво разгружая воз, заполненный большими сундуками. Рядом с королем стояли две женщины. Одна – высокая и статная, одетая в бархатное платье цвета ежевичного вина, со снисхождением наблюдала как Земирад оживленно разговаривает с девушкой помладше. На вид ей было не больше летних пор, чем Есении, нежно-персиковое шелковое платье обнимало пышную фигурку, рыжие кудрявые волосы длинным водопадом падали ей на спину. Король, казалось, забыл все заботы и громко рассмеялся в ответ на какую-то фразу девушки.

Заметив Есению, Земирад поманил ее к себе.

– Балия, это моя сестра – Елена, – представил он младшую девушку.

– Мне так приятно познакомиться с тобой! – сразу вскрикнула она, крепко взяв Есению за руки.

Такая непосредственность, может, и была странной для принцессы, но сразу подкупала. Есения почувствовала, как на губах невольно появилась улыбка.

– Мне тоже очень приятно, принцесса, – чуть поклонилась она.

В следующий миг она ощутила присутствие Оборотня рядом. Он сбежал по ступеням и тоже поклонился королю и

двум дамам. Оборотень старался поймать ее взгляд, но Есения отвернулась.

– Елена, не могла бы ты уже отлипнуть от балии? – поджав губы, произнесла женщина постарше. – Ты ведешь себя неподобающе.

Принцесса сразу сникла, словно внутри нее погасла свеча.

– Да, мама, – пробормотала она и отошла от Есении.

– Это моя мать – королева Велина, – представил Земирад, нахмурившись.

Он не мог не заметить, как груба была королева с его сестрой, но, видимо, решил не вмешиваться. Есения молча поклонилась ей, но заслужила в ответ лишь неприязненный взгляд.

– Моя мать и сестра только что вернулись из дальней поездки и хотят отдохнуть. А нам уже пора ехать, – бросил король.

Для Земирада оседлали белоснежного коня с дымчато-белой гривой. Он нетерпеливо постукивал копытом, словно готов был вот-вот сорваться с места. Растрепанный рыжий паренек примерно двенадцати летних пор подвел к Есении красивую кобылу цвета гречишного меда. В отличие от королевского коня она смирно ждала, пока Есения заберется в седло.

Она положила ладонь на морду лошади и постаралась установить с ней связь. У лошади не было имени, она появилась в конюшне короля совсем недавно. Есения про себя

окрестила ее Гречихой. Несмотря на любовь к животным и свой дар, Есения всего пару раз в жизни ездила на лошади. Ей оставалось только надеяться, что Гречиха будет такой же спокойной и в дороге. Есения уже вставила ногу в стремя, когда позади послышалось недовольное фырканье, а затем вороной конь стрелой пролетел мимо нее. Помощник конюха побежал и насилу удержал его уже на самом мосту.

Оборотень, сжав зубы, наблюдал, как паренек пытается подвести вороного обратно к нему. Конь упирался из всех сил, в страхе качая головой. Есения быстро подошла к Оборотню, сразу позабыв об обиде.

– В чем дело? Почему конь так себя ведет? – прошептала она.

– Лошади меня недолюбливают, – тихо пробормотал Оборотень. – Видимо, чуют ирбиса внутри.

– Что у вас там происходит? – раздраженно закричал король, который уже проехал чуть вперед. – Нам пора отравляться.

Есения вздохнула и медленно стала двигаться к вороному.

– Как тебя зовут? – спросила она у паренька.

– Добрыня, госпожа, – опешил тот, когда она забрала у него поводья.

– Отойди подальше, Добрыня. Все хорошо.

Она уже не видела, сделал ли паренек, как она просила. Все ее внимание было сосредоточено на коне.

«Ты в безопасности... никто не обидит... все хорошо», –

приговаривала Есения про себя, стараясь успокоить вороного. Конь сначала брыкался, но постепенно успокоился и даже пошел за ней к Обратню.

– Его зовут Борзо, – медленно проговорила она, положив руку Обратню на морду коня. – Сделай глубокий вдох, успокойся и дай ему понять, что ты не причинишь вреда.

«Все хорошо... не обидит... безопасно».

Спустя пару минут Есения и Обратень наконец догнали короля и четырех стражников. Они покинули Хорсан через закрытый для всех, кроме королевской семьи, выход из города со стороны восточной стены замка.

Добираться было пару часов. Пейзаж вокруг сменялся: от живописных равнин, сейчас словно подкрашенных охрой, до пустынных вересковых пустошей. От непривычно долгой езды спина и бедра ныли, а плотный изумрудно-зеленый сарафан путался, сковывая движения. Есения уже поскорее хотела очутиться рядом с лесом. Наконец, впереди показались огромные темно-зеленые деревья с пышными кронами, что уходили высоко в небо. Их толстые, тесно сплетенные стволы, словно живые, охраняли вход в лес.

– Это Ургамлы – древние деревья, – произнес Обратень, останавливаясь рядом с Есенией. – После того как Гринхорн закрыл ворота, они срослись между собой, давая понять непрошеным гостям, что им не рады.

Перед деревьями почти незаметно подрагивал воздух – это был тот самый магический барьер, через который нико-

му было не пройти.

Король резво соскочил с коня и спросил:

– Вы чувствуете что-то, Есения? Какую-нибудь связь с этим местом?

– Пока нет. Но я хочу подойти поближе.

Земирад велел стражникам спешиться, и они отошли чуть дальше, чтобы не мешать Есени. Ей показалось, что сделали они это с большой охотой.

– В первый раз может и не получиться, – склонился к ней Оборотень. – Ничего в этом страшного нет.

– Как же ты в меня веришь! – горько хмыкнула Есения, и пошла к лесу, услышав за спиной раздраженный выдох.

Она встала в нескольких шагах от Ургамлов и сосредоточилась на внутренней силе. Ее тело наполнилось знакомым теплом, она пустила всю свою энергию к деревьям, пытаясь наладить контакт. Но лес оставался глух. Есения чувствовала спиной взгляд короля, его надежда словно вибрировала в воздухе... и очень мешала.

Стараясь отрешиться от всего внешнего, она попробовала поговорить с лесом еще раз, но вновь ничего не вышло. Оборотень рассказывал ей, что многие пытались прорваться в Гринхорн. Однако лес сам выбирал, как наказывать непрощенных гостей. Тех, кто приходил с благими намерениями, с просьбой о помощи, – лес просто не пускал через барьер. Однако тех, кто пришел в Гринхорн со злым умыслом, с разрушительными мыслями, – лес мог пронзить магией, сводя

с ума и заставляя биться в агонии.

Этот рассказ вспомнился ей совсем не своевременно и едва ли успокаивал. Но отступить было некуда, она должна была постараться. Выдохнув, Есения закрыла глаза и коснулась рукой магической преграды. Ладонь начало покалывать, словно ее пронзили тысячи маленьких молний. Барьер будто замер на секунду, дыхание у Есении перехватило, а затем мощная сила притянула ее к себе, словно резкий порыв ветра.

Все вокруг изменилось. Она словно погрузилась в сон наяву, цветущие деревья вокруг были размыты, как при головокружении. Их листья казались малиново-розовыми и фиолетовыми, как предзакатное небо. Пели птицы, трава шелестела от ветра, но все доносилось до нее будто через туман.

Узкая тропинка вела ее вперед, петляя между странными деревьями и кустами с белоснежными цветами, пока Есения не очутилась на небольшой поляне. Посреди нее стоял большой олень. По его исполинскому размеру и рогам, оплетенным зелеными лозами, она сразу поняла, кто перед ней.

– Великий Олень... – прошептала Есения.

Ее голос немного отставал от мыслей, что роились в голове.

– Избранная балия, – поприветствовал ее хозяин Гринхорна.

Его голос, казалось, доносился одновременно отовсюду. Глубокий и низкий, он был совсем не похож на челове-

ский, скорее, так мог бы звучать бог.

– Я не бог, – словно прочитал ее мысли Великий Олень. – Только защитник этого леса.

– Почему... почему вы пустили меня сюда? Чем я отличаюсь от других балий, которым вы закрыли проход?

– Ты и сама знаешь ответ на этот вопрос. Зачем ты здесь?

– Я пришла сюда по поручению короля. Королева больна, и я хотела попросить вас помочь ей.

– Лес Гринхорн давно не помогает людям, они не заслуживают этого.

Тон Великого Оленя оставался абсолютно ровным. Ни осуждения, ни злости не звучало в его голосе.

– Но люди изменились! – воскликнула Есения. – Мы давно живем в мире, на троне сейчас справедливый и добрый король. Он хочет одного – чтобы его жена была здорова. Почему вы отказываетесь помочь ей, ведь это в ваших силах?

– В моих силах обрушить небосвод и уничтожить звезды, а на месте разрушенного мира создать новый. В моих силах заселить планету разумными животными и растениями, начать войну, что под корень вырвет человечество. Но я не стану этого делать. Мой лес, мои поданные лишь хотят жить в мире. Но люди всегда жаждут власти, она разъедает их сердца, сводит их с ума. Пока эта жажда не исчезнет, лес не откроет свои ворота.

– Значит, вы не поможете? – прошептала Есения.

– Смотря кому, балия. Пророчество леса Гринхорн гла-

сит: «Лишь жертва избранной балии откроет врата, и лишь возрождение разрушит все преграды».

– Жертва? Что это значит?

– Сейчас тебе пора, балия, – прервал ее Великий Олень. – Никому не говори о том, что услышала здесь, лишь своему хранителю. В следующий раз приходи одна. Тогда ты получишь свои ответы.

И так же резко, как она попала сюда, Есению выбросило из леса. Открыв глаза, она поняла, что лежит на земле. Над ней склонились Оборотень и король.

– Есения! Есения, ты меня слышишь? – легонько тряс ее за плечо Оборотень.

Она с трудом поднялась на ноги. Тело казалось тяжелым и неповоротливым, как после долгого сна.

– Что вы увидели? Лес говорил с вами? – король настойчиво схватил ее за локоть. В его голосе сквозило нетерпение и что-то еще... возможно, отчаяние.

На мгновение ей захотелось рассказать ему все. Однако она вспомнила слова Великого Оленя и осторожно произнесла:

– Мне очень жаль, ваше величество. Я пыталась поговорить с лесом, но ничего не вышло, а потом меня словно ударило молнией и, видимо, я потеряла сознание.

– Ты совсем ничего не почувствовала? Как такое может быть, ты же балия! – вдруг закричал король, даже не заметив, что перестал обращаться к ней уважительно. Хватка на ее

руке стала больше напоминать стальной капкан.

– Ваше величество, вы делаете ей больно, – вмешался Оборотень, и только тогда, казалось, Земирад очнулся.

Он сразу же отпустил ее и отошел на шаг.

– Я возлагал такие надежды на ваш дар, и теперь... все пропало.

Сердце Есении сжалось, и она сама подошла к королю.

– Ваше величество, я попробую еще раз, обещаю. Но не сегодня. Я потратила все свои силы, боюсь, сейчас уже ничего не получится.

– Я понял, – бросил Земирад и велел стражникам собираться.

Когда они направились обратно к Хорсану, Оборотень чуть отстал от короля и стражников и поманил Есению сделать то же самое.

– Я знаю, что у тебя получилось наладить контакт с лесом. Я это почувствовал, – тихо сказал он. – Почему ты солгала королю?

Есения, тоже понизив голос, постаралась кратко рассказать ему, что произошло в лесу.

– Так Великий Олень сказал тебе приходить одной в следующий раз? Но почему? – нахмурился Оборотень.

– Я думаю, он не доверяет королю. Да, Земирад не похож на своего предка, что пытался захватить Гринхорн, однако он из той же династии. У Великого Оленя нет причин верить одному из Ратных.

– Ты понимаешь, что значит скрыть от короля информацию о Гринхорне? Это может быть расценено им как измена, Есения!

– Если я расскажу ему все сейчас, Великий Олень больше не пустит меня в лес, а без него я не смогу найти средство, чтобы вылечить королеву! Я должна съездить туда еще раз, но на этот раз без короля. Ты же говорил, что я могу доверять только тебе, так поехали со мной.

– Ты просишь меня предать короля? – холодно бросил Оборотень. – Чтобы я лгал ему, за его спиной сопровождал тебя в Гринхорн?

Есения поймала его взгляд.

– Я прошу тебя помочь мне! Помочь понять, кто я такая, почему Великий Олень выбрал меня, выбрал тебя. Найти лекарство от недуга королевы. Разве не этого ты хотел для Земирада? Если мы расскажем ему – то упустим единственный шанс.

Оборотень надолго замолчал, и Есения не торопила его. Принять такое решение действительно было трудно, особенно для того, кто был обязан Ратным всем.

Наконец он раздраженно выдохнул:

– Хорошо, я поеду с тобой. Но это будет только один раз! После этого мы пойдем к королю и все ему расскажем.

– Спасибо, Оборотень, – улыбнулась Есения и почти потянулась к его плечу, но затем, опомнившись, отдернула руку. Заметив это, Оборотень опустил глаза.

– Послушай... – начал он, но Есения, догадываясь, что он собирается сказать, сразу перебила.

– Не надо. Ты все мне объяснил, и я... я понимаю, что мои чувства оказались сильнее, чем твои. Сначала мне было больно, но я свыкнусь с этим, обещаю. У нас есть дела поважнее, чем мимолетная страсть, не так ли?

И не успел он ответить, как Есения пустила лошадь галопом, мгновенно оторвавшись от него.

Глава 19

С рассветом Есению разбудил стук в дверь. Зная, что Яра обычно приходит позже, она закуталась в халат и приоткрыла дверь. За ней стоял Оборотень, одетый в темно-синий прогулочный плащ.

– Ты чего так рано? – зевая, спросила Есения.

– Собирайся. Король отправился в порт встречать важных заморских гостей, сегодня будет большой бал. Внутри замка сейчас страшная суета, все готовятся, никто и не заметит, что нас нет. У нас будет время до вечера, чтобы отправиться в Гринхорн. Но нужно сделать это прямо сейчас.

Есения мигом взбодрилась. В бездонном шкафу нашлась пара плотных кожаных штанов и укороченное платье для верховой езды. Оставалось только гадать, почему Яра не одела ее в такой наряд вчера. Видимо, щеголять в почти мужской одежде было не принято, когда отправляешься куда-то с королем. Но Оборотень был не таким придирчивым спутником, и Есения без тени вины надела удобный наряд.

В замке действительно все пришло в движение. Пока Есения жевала пирожок с грибами, что молча сунул ей Оборотень вместо завтрака, мимо них пробежало около двадцати слуг. Они бегали туда-сюда, несли постельное белье, ткани, продукты.

– Что за гости вызвали такой переполох? – хмыкнула Есе-

ния.

– Это делегация из соседнего королевства. Зэлия – союзник Элейнии и короля. Делегация должна была прибыть через неделю, но попутный ветер, видимо, расстроил их планы. Их сегодня не ждали, поэтому все так бегают: нужно успеть сделать все идеальным к приезду важных гостей.

– Нас точно не хватятся?

– Королю сегодня уж точно будет не до нас, – усмехнулся Оборотень.

Погода сегодня не благоволила к долгой дороге. Мелкая морось оседала на волосах, и Есения надела капюшон, мысленно похвалив себя, что догадалась надеть длинный утепленный плащ. Осень все чаще напоминала о скором своем конце и наступлении поры мороза и снега.

Видимо, Оборотень позаботился обо всем заранее, потому что Гречиха уже была оседлана и ждала ее возле конюшни. Добрыня вывел Борзо для Оборотня и тот, уже без страха, подошел к нему.

– Госпожа балия, господин Оборотень, – поклонился им Добрыня, – лошади хорошо отдохнули и готовы отвезти вас, куда скажете.

Похоже, помощник конюха не видел ничего странного в том, что они собрались ехать куда-то без короля, и Есения тоже решила сделать вид, что все в порядке. Чтобы не привлекать внимания, они решили отправиться через центральные ворота Хорсана. Дорога вела через Крильский лес, его

тропинки были извилистыми и узкими, так что они добирались до Гринхорна дольше, чем вчера.

К концу пути дождь прекратился, и Ургамлы встретили их в тусклом сиянии чуть скрытого за тучами солнца. Спешившись, Есения уже шагнула к лесу, но Оборотень напряженно оглядывался вокруг, и она почувствовала смутную тревогу.

– В чем дело? – подошла она поближе к нему.

– Не могу понять. Уже некоторое время я ощущаю... какую-то опасность, но слежки за нами не было.

– Может ты просто волнуешься о том, чтобы король не узнал о нашей вылазке?

– Может и так... – нахмурившись, пробормотал Оборотень, впрочем, не отрывая взгляда от низких вересковых холмов неподалеку.

– У нас не так много времени. Я пойду к лесу, а ты...

– Я тебя позову, если что, не волнуйся.

Магический барьер неуловимо подрагивал, и даже не касаясь его, Есения чувствовала исходящую от него энергию. Сегодня ее сила отзывалась в ней иначе, обычно она переливалась внутри, как солнечный свет, однако сейчас дар словно жег ее изнутри. Такого раньше не было, но Есения списала все на близость к Гринхорну и его магии. Она думала, что сейчас, когда рядом не было короля и стражи, – лес заговорит с ней сразу, однако он вновь молчал. Тогда Есения решила вновь прикоснуться к барьеру, как вчера.

Легкое покалывание обвило ладонь, но с каждым ударом

сердца оно нарастало. Что-то было не так, но Есения поняла это слишком поздно. Мощный магический удар пронзил ее тело и отбросил далеко назад. Небо над головой завертелось, а затем она тяжело рухнула на землю.

Есения с трудом приходила в себя. Спина была прислонена к чему-то, что не переставая двигалось. Ее трясло и качало из стороны в сторону. Медленно она открыла глаза и поняла, что скачет на Борзо, а позади нее напряженно застыл Оборотень. Его рука на животе держала ее стальной хваткой. Голова нещадно кружилась, в нее словно вонзились тысячи маленьких иголок. Есению резко затошнило, и она вскинула руку к губам.

Конь вдруг остановился, и она со стоном сползла с него. Едва ноги коснулись земли, как ее тут же вывернуло. Шум в ушах не давал различить, что говорит Оборотень. Когда она выпрямилась, мир снова накренился, и Оборотень подхватил ее на руки. Судя по окружающему их плотному кольцу из деревьев, они уже были в Крильском лесу.

Оборотень опустил ее под старым ветвистым кленом, и Есения с облегчением прислонилась к его шершавому стволу. Звуки возвращались, и она слышала тихий клич птиц и шепот кленовых крон. Сапфировая бабочка опустилась на ее колено, словно здороваясь, Борзо и Гречиха неподалеку спо-

койно жевали рыжевато-зеленую траву. Оборотень сел перед ней, стараясь согреть ее холодные ладони своими. Он был бледен, льдистые глаза беспокойно щурились.

– Слава Роду, ты очнулась, – тихо проговорил он. – Мы уже почти в Хорсане, сейчас немного посидим, и я отвезу тебя к знахарю.

– Нет! Не надо нам к знахарю, – прошептала Есения. Голос ее был сухим, словно она съела горсть морского песка. – Как мы объясним ему, что случилось? Да и что вообще произошло?

– Ты была без сознания два часа, вот что! Когда барьер отбросил тебя, я пытался привести тебя в чувство, но ты ни на что не реагировала. Я думал, что ты не проснешься, Есения, думал...

Он выпустил ее руки и отвернулся, сжав кулаки. Казалось, голос больше не подчинялся ему, а плечи сковало напряжение. Не успев остановить себя, Есения коснулась его гладкой щеки и заставила посмотреть на нее.

– Оборотень, со мной все хорошо. Магия хорошо меня приложила, не спорю, но я жива, а это главное. Мы не можем никому рассказать об этом, ты же понимаешь.

На миг он прикрыл глаза, прижавшись крепче к ее ладони. Но затем, проиграв битву со страхом, все же отстранился и резко встал.

– Будь по-твоему. Но я буду следить за тобой. Если только я увижу, что тебе стало хуже, сразу пошлю за знахарем!

На том и порешили. Есения с трудом забралась на Гречиху, хоть та и стояла спокойно. Руки дрожали от слабости, но она не могла попросить Оборотня посадить ее на Борзо, ведь она соврала, что ей лучше. Путь до замка казался бесконечным, Есения вспотела от истощения, живот сводила голодная судорога.

– Что там случилось? Почему лес ударил тебя магией? – нахмурился Оборотень.

Видимо, ей хорошо удавалось скрывать от него свое состояние, раз он пытал ее вопросами, на которые у нее не было ответа.

– Не знаю. Я все делала, как в прошлый раз. Подошла к барьеру, попыталась дотронуться, но тут поле меня отбросило.

– Кажется, лес принял тебя за врага... но почему?

Хотела бы она знать. Вернулись они, когда слуги ударили в Солнечный круг Хорса во дворе замка. Казалось, их отсутствия действительно никто не заметил. Все, чего хотелось Есении, – проспать весь оставшийся день. Однако она понимала, что не может пропустить бал, посвященный делегации из Зэлии. Тогда пришлось бы объяснять причину своей хвори королю, а она не могла этого допустить. У Есении была всего пара часов, чтобы отдохнуть.

– Где вы были, госпожа? Я вас искала, – вскочила Яра с кресла.

– Мы с Оборотнем поехали... в город, по делам. А что

случилось, меня искал король?

– Нет, госпожа, – странно посмотрела на нее Яра. – Просто обычно вы всегда дожидались меня, прежде чем уйти. Нам нужно выбрать платье для сегодняшнего бала.

– Прогулка меня сильно утомила. Скажи, Яра, у меня есть немного времени, чтобы вздремнуть?

– Конечно, госпожа. Отдыхайте, а когда я вернусь, подготовим вас к балу.

Едва Яра покинула покои, Есения повалилась на кровать в чем была и сразу заснула.

Через пару часов Яра, больше напоминающая командира гвардейцев, вернулась в покои. Головокружение и тошнота прошли, осталась лишь небольшая сонливость да боль от гребня Яры, которым она, ворча, пыталась распутать волосы Есении.

– Этот бал – большое событие, госпожа, – приговаривала она, не обращая внимания на то, как вздрагивала Есения. – Король очень дорожит расположением гостей из Зэлии. Все знают, что при дворе появилась новая балия, а значит – все взгляды будут направлены на вас. Сегодня вы должны выглядеть идеально, и уж я-то постараюсь, чтоб так и было. А платье вам выбрал сам король.

В дверь постучали, и слуги внесли то самое платье. Есе-

нии любопытно было посмотреть на вкус короля, но она не ожидала такой красоты. Лиф платья был обвит золотыми нитями, что переходили в легкие, короткие, как крылья, рукава. Пышная юбка цвета спокойной морской глади струилась до самого пола, и ее покрывала такая же золотая паутина. Не сразу Есения поняла, что платье было сшито под цвет ее глаз. Видимо, таким образом, король еще раз хотел подчеркнуть ее суть. Яра наконец закончила мучить ее волосы, теперь они были убраны в гладкий пучок, а сверху она аккуратно вставила аквамариновый гребень.

От всей души поблагодарив Яру, Есения вышла из покоев. Оборотень, как всегда, ждал ее. Сегодня он был одет в светло-голубую тунику, которая была почти отражением ее собственного платья.

– Тебе наряд тоже выбирал король? – хмыкнула она.

– О чем это ты? – поднял он бровь, но его попытка выглядеть равнодушным провалилась, ведь хищный взгляд не упустил ни детали ее сегодняшнего облика.

Внутри разлилась горечь пополам с едкой злостью. «Ну почему он так упрям, – подумала она, – я вижу его желание, но он никогда не даст ему выхода. Что ж, я тоже не собираюсь ждать вечно».

Оборотень, видимо, заметил перемену в ее лице, потому что шагнул ближе и уже собирался что-то сказать, но Есения больше не желала слушать его оправдания.

– Нас ждут, – бросила она и сама взяла его под руку.

Молча они спустились в тронный зал, который сегодня украсили еще роскошнее, чем в день ее первого бала. Живые оранжерейные цветы в больших разноцветных вазах наполняли воздух сладостью лета. Длинные столы с алыми скатертями снова ломились от яств, меда и вина. Повсюду были развешаны полотна цвета корицы с вышитым на них гербом Ратных. Народу было так много, что Есения и Оборотень с трудом продвигались в толпе.

– Сегодня ты останешься? – тихо спросила она.

– Да, – сдержанно кивнул Оборотень. – Король разрешил присутствовать на балу приближенным слугам. Таким, как я и, например, учитель Елены – Земовит, вон там, – показал Оборотень на худого мужчину в возрасте, который стоял в углу. Казалось, что ему было не по себе в таком людном помещении. Есения прекрасно его понимала.

– Балия, вот и вы! – громогласно произнес король, едва заметив ее. – Идите сюда, я хочу представить вас делегации.

Оборотень бросил ей свою обычную ухмылку и высвободил руку. Мгновенно затерявшись в толпе, он бросил ее на растерзание гостям короля. Трое мужчин, что стояли рядом с Земирадом, были одеты в длинные кафтаны, расширенные серебром, и просторные разноцветные штаны. Один из них, полноватый молодой мужчина с каштановыми волосами, сразу отделился от остальных и прижался губами к ее руке.

– Приятно познакомиться с вами, балия. Я – Селиний,

брат короля Зэлии.

Его губы задержались дольше, чем следовало, и Есении больше всего хотелось вырвать руку из его цепких объятий, однако она сдержалась, не желая выставлять себя на посмешище. Двое мужчин постарше, Дорос и Эйас, были одеты скромнее Селиния и гораздо сдержаннее. Они лишь кивнули, когда Земирад представил ее, впрочем, с интересом ее разглядывая.

Не сразу Есения заметила среди гостей из Зэлии высокую брюнетку в багровом многослойном платье с широкими рукавами.

– Это Аминта, моя сестра, – представил Селиний, продолжая сверлить Есению взглядом, который был ей не совсем понятен.

Сестра короля улыбнулась, но тепло не коснулось ее темных, похожих на густую смолу, глаз.

– Так вы – заклинательница животных? Сегодня вы покажете нам какой-нибудь номер со зверьками?

В голосе Аминты слышалась скрытая насмешка, будто Есения – бродячая артистка, что позвали на бал для развлечения гостей.

подавив мгновенно вспыхнувшую неприязнь, она ответила так вежливо, насколько могла:

– Я бы не хотела проникать в разум животных без необходимости, госпожа. Не думаю, что вам бы понравилось, пролезь я в ваши мысли ради забавы.

Остальные делегаты приняли это за шутку и вежливо рассмеялись. Аминта, поняв, что ее укол не попал в цель, не растерялась и спросила:

– Так значит, вас сопровождал в Хорсан Оборотень? Мы слышаны о твоей ищейке, Земирад, – обратилась она к королю. – Говорят, он родом из волшебного леса Гринхорн?

– Да, это так, – немного напрягся король.

– Вы столько веков пытаетесь связаться с этим лесом, твой предок пытался уничтожить его, ты не боишься держать возле себя выходца из Гринхорна? Не понимаю, как ты позволяешь ему служить тебе.

Как бы Оборотень не раздражал Есению своим упрямством, она никому не могла позволить говорить о нем с таким презрением.

– Оборотень – самый верный человек из всех, кого я знаю, – процедила Есения. – Он никогда бы не предал короля, он служит ему верой и правдой много лет. Только благодаря ему я добралась невредимой до Хорсана, я обязана ему жизнью. Так что не стоит говорить о нем с таким пренебрежением.

В тот момент Есения не думала ни о том, что рядом с ней стоит король, ни о том, что Аминта была сестрой заморского короля и намного более знатного происхождения, чем она. Все на секунду опешили от такой вспышки. Однако женщина быстро нашлась с ответом:

– Земирад, почему ты разрешаешь своей маленькой балии

так разговаривать со мной? По-моему, ей следует объяснить, как нужно обращаться к знати Зэлии!

Видимо, она ожидала мгновенной поддержки со стороны короля, однако он, голосом таким ледяным, что всем сразу стало не по себе, процедил:

– В моем королевстве я сам решаю, как кому разговаривать. Оборотень – моя лучшая ищейка, и я не позволю оскорблять его или балию в моем присутствии. Тем более, если ты забыла, Есения пытается вылечить твою двоюродную сестру, королеву Софию.

Аминта опешила от такой отповеди и, скривившись, проворчала:

– Прошу прощения, ваше величество, я не хотела выказывать неуважение.

– Ну что ж, если конфликт исчерпан, может, уже пригласишь нас за стол, Земирад? – разрядил сгустившееся напряжение Селиний. – Твои гости знатно проголодались.

Король кивнул и вышел в центр зала, чтобы объявить о начале бала. По правую руку от него встала Велина, ее надменный взгляд обвел гостей, не оказывая никому чести остановиться подольше. Королева-мать была одета в темно-зеленое бархатное платье со спущенными плечами, украшенное золотыми цветами. Слева от Земирада стояла Елена, ей очень шло бледно-зеленое шелковое платье с длинными струящимися рукавами.

– Дорогие гости! – громко обратился ко всем Земирад, и

гости разом замолчали. – Я рад приветствовать вас на ежегодном осеннем балу. В этот раз к нам смогли присоединиться мои друзья из королевства Зэлии, так что окажите им достойный прием. Сегодня день радости, но сердце мое не может не сжиматься от скорби. Уже два года мне приходится открывать бал без моей любимой жены, Софии. Тяжкий недуг поразил ее и заставил заснуть беспробудным сном. Но там, где есть печаль, есть и надежда.

Король повернулся к Есении, и краска мгновенно поползла по ее лицу.

– Я верю, что с помощью балии мы сможем наконец найти средство от этой хвори, и в следующем году моя София будет стоять со мной бок о бок. Теперь же, забудьте все заботы и празднуйте!

Со всех сторон раздалось: «Слава Ратным!», от хора тысяч голосов, казалось, задрожали стены и кубки. Вслед за этим все расселись за длинные столы. Похоже, ничто так не пробуждает аппетит, как пламенная речь короля. В этот раз по сторонам от Земирада сели его мать и сестра, а дальше гости из Зэлии.

Есению усадили рядом с советником Ведомиром, который тепло ее поприветствовал. С другой же стороны Есении не так повезло. Селиний сидел к ней слишком близко и постоянно пытался подлить ей вина, не обращая ни малейшего внимания на ее отказы.

– Скажите, Есения, каково вам было узнать, что вы балия?

Особенно, учитывая, что ваша... варити умолчала о вашей силе.

Даже если отбросить то, что Селиний в принципе не должен был знать об этом, вопрос был слишком личным. Но это был еще не конец.

– Знаете, в нашей стране ее бы сразу казнили за то, что она выкрала вас...

– Извините меня! – процедила Есения, вскакивая с места. – Мне нужно подышать воздухом.

Селиний было хотел сопровождать ее, но она его опередила и выскочила из-за стола. Первый раз в жизни она поблагодарила богов за такую хрупкую фигуру. Направляясь к балкону, что был прикрыт невесомыми белоснежными шторами, Есения столкнулась с Велиной. Пройти мимо не позволял этикет, и ей пришлось обратиться к матери короля.

– Ваша светлость, – присела в поклоне Есения.

– Баляя, – презрительно бросила Велина. – Ты неплохо выглядишь сегодня... для служанки.

Есения растерялась. Она не понимала, чем заслужила такое пренебрежение и ей не хватило опыта, чтобы понять, как опасны были ее следующие слова:

– Зачем вы так? Что я вам сделала?

Но королева-мать, к удивлению, ответила:

– Ты – баляя, для меня этого достаточно.

– Но почему вы ненавидите таких как я?

– Вы, баляии, приходите в замок, ожидая привилегий, осо-

бого отношения, однако вы попросту слуги здесь.

– Король сказал, что я не служанка, что я буду помогать ему.

– Земирад всегда добивается своих целей... тем или иным способом. На твоём месте я бы не слишком обнадеживалась своей ролью. Осторожнее, Есения, вспомни, что стало с предыдущей балией в этом замке.

Оставив последнее слово за собой, мать короля развернулась и растворилась в толпе. Есения наконец добралась до балкона. Теперь ей действительно требовался воздух, она устала от общества, от Велины, от этого бала. Слабость и головокружение вновь вернулись, напоминая об отторжении Гринхорна. Все, чего ей хотелось, так это оказаться сейчас на берегу Замятного моря, где Оборотень сказал, что хочет разделить свою судьбу с ее. Одинокая непрошенная слеза скользнула по щеке, напоминая, как он оттолкнул ее после. Словно связь приманила его, Оборотень вдруг отодвинул штору и направился к ней. Есения отвернулась, не дав ему заметить свое разочарование.

– Почему ты здесь? Неужели бал тебе уже наскучил? Или ты себя плохо чувствуешь?

– Я в порядке, просто эти люди, этот бал – мне все надоело! Скажи, мы можем уйти прямо сейчас?

– К сожалению, нет, – вздохнул Оборотень. – Бал в самом разгаре, это будет неуважением к королю. Придется тебе еще потерпеть. Разве Селиний не развлекает тебя за столом?

– Я уже не знаю, куда деваться от него!

– Он что, позволяет себе лишнее? – вмиг заледенел голос
Оборотня.

Соблазн вызвать его ревность был велик, но Есения побоялась, что он может натворить глупостей, так что просто сказала:

– Нет, он ведет себя прилично. Просто я устала.

– Осталось недолго, скоро начнут играть музыканты и тогда можно будет сказать, что у тебя разболелась голова. Я скоро тебя найду, – бросил он, заставив Есению гадать, куда же он все время исчезает, когда так ей нужен.

Вздохнув, она уже было вышла в зал, как вдруг ее планы снова нарушили. Елена, чуть не столкнувшись с ней, влетела на балкон. Увидев ее, принцесса вскрикнула от неожиданности, а потом облегченно рассмеялась.

– Слава Роду, это ты! Я уж боялась, что это кто-то из гостей! – тяжело дыша, произнесла Елена.

– Что случилось, ваше высочество? – забеспокоилась Есения.

– Ох, когда мы наедине, можешь называть меня Елена! Мы же почти одного возраста, – рассмеялась в ответ принцесса. – Я прячусь от мамы, она снова хочет заставить меня танцевать с одним из гостей. Я уже все ноги стерла. Она думает, что мне уже пора замуж, а мне только пятнадцать! Я пока не готова!

Есенин стало жаль эту девушку, такую веселую и откры-

тую. Единственным изъяном в ней было то, что она была дочерью Велины.

– Можете пока скрыться здесь со мной, – предложила Есения. – Я тоже в какой-то мере прячусь.

– От Селиния, я так понимаю? – проницательно заметила принцесса. – От него не так-то просто скрыться, он уже ищет тебя в зале.

– Ох, Чернобог, ну что он ко мне прицепился? Столько девушек вокруг!

– Но ты не просто девушка, Есения, ты – балия. Я не хочу тебя обидеть, – Елена сделала паузу. – Но Селиний славится своими... любовными завоеваниями. А ты очень необычная. Так что осторожнее с ним. Он выглядит безобидным, однако может и руки распустить.

– Спасибо за предупреждение, Елена.

– Кстати, хорошо, что мы остались наедине, я как раз хотела поговорить с тобой об одном деле, – вдруг замялась принцесса. – Я слышала, что ты можешь вылечить захворавшее животное?

– Да, а что случилось, кто захворал?

– Когда мне исполнилось десять лет, Земирад подарил мне на день рождения большого белого кролика. Я назвала его Умник. Так вот пару дней назад он стал совсем больным. Местный знахарь, что лечит животных, не может понять, что с ним. Вот я и подумала, может, у тебя получится?

В отличие от Велины, Елена очень нравилась Есении. Так

что, даже не задумываясь о приличиях, она взяла принцессу за руки и сказала:

– Я попробую, Елена. Постараюсь сделать все что смогу.

– Спасибо! Я знала, что ты не откажешь! – просияла принцесса. – Однако пора возвращаться, моя передышка, увы, окончена. Ты придешь утром в мои покои?

– Конечно, я приду.

Разговор с Еленой чуть взбодрил Есению, заставив понять, что не все в замке настроены против нее. Взяв себя в руки, она осталась почти до конца бала, стойчески перенося приставания Селиния. Когда все гости потихоньку начали расходиться, Есения решила найти Оборотня, который так и не подошел к ней после разговора на балконе. Петляя между самыми стойкими придворными, она заметила в поредевшей толпе знакомые кудри цвета черного янтаря.

Оборотень стоял спиной к ней у высокой колонны. Не сразу Есения различила, что он ведет напряженный разговор с какой-то девушкой. Ее кожа казалась фарфоровой, а чуть раскосые глаза смотрели на Оборотня со смесью радости и ярости. Странные волосы цвета ночи с ярко-рыжими прядями придавали ей сходство с лисой. И сейчас эта лиса вдруг бросилась к Оборотню и впилась в его губы диким поцелуем.

Сердце замерло, а потом рухнуло куда-то вниз, когда Оборотень не сразу оттолкнул нахальную девушку, а на мгновение задержался у ее губ. Большого Есения выдержать не могла. Чуть пошатываясь, она случайно врезалась в пару гостей,

но те, видимо, были так пьяны, что даже не заметили. Она не помнила, как добралась до своих покоев. Нарядное платье, казалось, сжимало ее в своих тисках, и не было Яры, чтобы ей помочь. Яростные слезы, которые копились за стеной ее оцепенения, наконец высвободились и потекли по щекам. Сжав зубы, Есения почти рвала на себе платье, не поддававшееся ее неумелым рукам.

Бледно-коричневый конверт на столе не сразу привлек ее внимание. Заметив его, Есения перестала терзать наряд и дрожащими пальцами вскрыла послание. На этот раз кроваво-красные буквы горели настоящей угрозой.

Глава 20

«Тебя предупреждали. Ты не послушала. Это твой последний шанс уйти из Хорсана, иначе тебя постигнет судьба предыдущей балии».

Очередное послание было гораздо агрессивнее предыдущего. И не оставляло сомнений в намерениях отправителя. Письмо выпало из ослабевших пальцев, и Есения рухнула на кресло. Она всегда старалась держаться в тени, помогая лишь тогда, когда это было необходимо. В замке у нее не было врагов, так кто же тогда мог желать ей зла?

В дверь тихо постучали. Есения вздрогнула и вжалась спиной в кресло, словно оно могло защитить ее от недоброжелателя. Стук настойчиво повторился, и она, уговаривая себя быть храброй, схватила короткий кинжал, что подарил ей Озим. Медленно она подошла и приложила ухо к двери.

– Есения, открывай, это я, – услышала она голос Оборотня.

Когда она резко распахнула дверь, то на секунду забыла о том, что видела на балу. Но стоило Оборотню заговорить, как страх пошел на убыль, а в груди вновь раскалилась ярость.

– Зачем ты пришел? – процедила она, скрестив руки на груди.

Оборотень сначала растерялся от ее ледяного тона, но за-

тем его челюсть раздраженно напряглась.

– Я почувствовал твою боль. Она чуть меня с ног не сбила, я искал тебя повсюду, но ты, оказывается, уже давно здесь. А ты не подумала, что неплохо было бы сказать, что ты ушла с бала?

– Не надо лгать, – горько бросила Есения, отойдя от него на шаг. – Это я тебя искала, но, похоже, у тебя и так была компания.

– Компания? О чем ты...

Не договорив, Оборотень чуть побледнел.

– Есения, послушай, ты не так поняла!

– Да ты, видимо, считаешь меня совсем глупой! – взорвалась она. – Не так поняла? А то, что ты целовал какую-то девушку мне привиделось?

Оборотень шагнул к ней, но Есения выставила перед собой руку, пытаясь укрыться от боли, защитить свое сердце от предательства.

– Похоже, этой незнакомке ты не боишься причинить боль? А может, ты солгал мне и об этом? Если ты не готов был принять меня, так бы и сказал. Не обязательно было выдумывать сказки о связи и хранителе!

Оборотень вдруг, словно хищная кошка, в один прыжок оказался рядом и схватил ее за плечи. Есения начала вырываться, она не готова была к этой близости. Гнев был ее броней, но он таял от его рук, и она злилась на себя за эту слабость.

– Есения, прекрати! – зарычал Оборотень, усилив хватку, и чуть ее встряхнул. – Успокойся и послушай. Между мной и Дией ничего нет! Мы были знакомы раньше, очень давно, мы выросли вместе в Гринхорне.

– Что? – вмиг растеряла свой пыл Есения, и он сразу этим воспользовался, приблизившись к ней на расстояние дыхания.

– Ее зовут Дианзэ. Она тоже оборотень, дочь Атаны, лисы из Совета существ, что принимают решения в Гринхорне. Мы не виделись двадцать лет, и я сначала подумал, что она – видение, когда увидел ее в тронном зале. Но она оказалась настоящей... и очень злой. Оказывается, она тоже ушла вслед за мной и искала меня. Ей не приходило в голову, что я стал служить королю, и она, потеряв надежду, уехала в Зэлию.

– Но ты говорил, что был первым человеком, которого впустил лес!

– Первым... но не единственным.

– Так она приехала вместе с делегацией? – догадалась Есения.

– Да. Она начала новую жизнь и скоро вернется обратно, но, увидев меня, она вспомнила... наше прошлое.

Есения высвободилась из его хватки и отошла на безопасное расстояние. Вспышка ярости оставила после себя лишь вязкую горечь и опустошение.

– Вы был вместе? Там, в Гринхорне? – устало спросила

она.

– Да, но это было очень давно. Наши чувства стали прошлым, как только я покинул лес.

– Но теперь она здесь, – все, что оставалось Есении, это держать спину прямо, не показывая, как сильно она была близка к волне слез, что смыла бы их обоих, – и ты можешь начать все сначала. Я освобождаю тебя от нашей связи и от бремени моего защитника.

– Освобождаешь? – вдруг зарычал Оборотень, и Есения вздрогнула. – Посмотрите-ка, какая жертвенность! Не ты ли еще недавно говорила мне, что я решаю все за нас двоих? Не ты ли готова была рискнуть своей жизнью ради нас? А теперь ты отпускаешь меня, словно я твой слуга, что потерял свою полезность?

– Ты сам меня оттолкнул! – закричала в ответ Есения. – Я просто пытаюсь поступить правильно!

– А мне не нужна твоя правильность! Пусть она катится напрямиком к Чернобогу! Мне нужна ты...

Снова поймав ее, он тесно прижал ее к груди, и Есения почувствовала, как предательские слезы все же просочились сквозь латы, которыми она окружила себя, и теперь стремительно пропитывали тунику Оборотня.

– Сколько ты будешь мучить меня? – прошептала она. – Ты должен решить, чего ты хочешь. Я давно отдала тебе свое сердце, но ты выбросил его, как ненужную ветошь. Еще одного раза я просто не выдержу, Оборотень.

– Я чувствовал твою боль постоянно. Каждый раз, отгалкивая тебя, я ощущал тысячи осколков, пронзающих меня снова и снова. Разрываясь между страхом и жадой, я убеждал себя, что защищаю тебя, что это цена за твою безопасность. Но теперь я понимаю, что я только мучил нас обоих. Прости меня, я был таким глупцом.

Надежда – упрямый противник. Как ни пыталась Есения похоронить ее под толщей обиды, сомнений и неуверенности, она разрослась внутри нефритовым плющом, опутывая сердце сладостной радостью. Есения подняла голову, и его губы встретили ее на полпути. В этот раз Оборотень держал ее лицо в ладонях, словно она могла рассыпаться тысячью песчинок, надежно заперев свою страсть внутри. Так и не поддавшись ей, он чуть отпрянул и коснулся губами ее лба.

– Когда Великий Олень позволил тебе увидеть лес, у меня появилась надежда не просто на возвращение домой. Его знания безграничны, и я хочу попросить его научить меня, как совладать с ирбисом, чтобы не причинить тебе вреда. Я прошу только дать мне время.

Есения кивнула, понимая, что убеждать его в обратном было бесполезно. Она верила, что ирбис никогда бы не причинил ей боли, ведь он был частью Оборотня. Все, что ей оставалось, это обвить руками его талию и смириться с тем, что он готов ей дать. Прижавшись к Оборотню, она совсем забыла о послании, что горело на полу безмолвным предупреждением.

Есения проснулась с чувством невероятной легкости. С рассветом она вскочила с кровати, и улыбка невольно расцвела на губах. Они еще помнили тихий поцелуй Оборотня – его обещание открыться ей.

Яра принесла завтрак, и Есения быстро перекусила, так не терпелось ей приступить к работе. Одета в привычный ей зеленовато-коричневый сарафан с изящной вышивкой, она направилась к покоям Елены. Дверь открылась через секунду, и в проеме появились рыжеватые кудри, которые, казалось, заполнили собой все пространство.

– Есения, я рада, что ты пришла так рано! – ярко улыбнулась Елена. – Большинство гостей еще отдыхают после бала, но я – ранняя пташка, и мне не терпится приступить.

Есения кивнула и попросила принцессу принести своего друга. Елена вышла в соседнюю комнату и вынесла на руках большого белого кролика. Животное тяжело дышало, казалось, оно совсем без сил.

– Вы сказали, это продолжается несколько дней? – обеспокоенно спросила Есения.

– Да, еще в среду он бегал как ни в чем не бывало, а с четверга совсем расхворался.

Есения осторожно взяла кролика из рук принцессы и положила его на кровать. Она сосредоточила свою силу и по-

старалась проникнуть внутрь кролика, чтобы понять, что за хворь поселилась в нем. Это не заняло много времени. Когда она вытянула хворь из коня в Горниграде, он сопротивлялся, выталкивал ее, но кролик лежал совсем смирно, и ей быстро удалось найти источник. Животное само сказала ей, где у него болит. Аккуратно раздвинув шерсть на лапе, Есения увидела загноившуюся ранку, в которой торчала колючка.

– Елена, у вас есть чем подцепить занозу?

Принцесса подала ей небольшие щипцы. Есения в успокаивающем жесте положила руку на мех кролика и быстро выдернула колючку.

– Умник поранился, когда бегал в оранжерее, – сказала она, поглаживая шерсть кролика. – У него густой мех, и знахари не смогли заметить занозу, а она тем временем загноилась. Вы можете приложить к ранке мазь из тысячелистника. Через пару дней Умник будет как новенький.

Елена взяла ее за руки и крепко сжала.

– Спасибо тебе, Есения. Я знала, ты сможешь мне помочь.

В дверь постучали, и служанка внесла поднос со всевозможной снедью. Были тут и блины с засахаренным медом, и разные варенья из ягод и фруктов, и ячменные лепешки, на которых таяло золотистое масло. Из большого фарфорового чайника пахло лавандой и перечно-льдиистой мятой.

– Есения, поделишь со мной завтрак? – улынулась принцесса.

За чашкой ароматного травяного чая они говорили так,

будто знали друг друга всю жизнь. Елена возбужденно расспрашивала Есению об Удолии, могучих горах и кострах на Праздниках урожая. С принцессой было легко говорить обо всем и она, сама не ожидая, открыла больше, чем хотела.

Заикнувшись об Анастасии, Есения испуганно замолчала.

– Я знаю, что варити похитила тебя. Что ты не знала о своей силе. Но я понимаю, как трудно привыкнуть ненавидеть ее, – успокаивающе сжала Елена ее руку.

– Я бы хотела ненавидеть ее... но она единственная мать, что я знаю, – вздохнула Есения.

– Так ты не знаешь своих настоящих родителей? А хотела бы?

Предупреждающий голос в голове опомнился, говоря не открывать принцессе слишком много. Все-таки она была сестрой короля.

– Мои родители от меня отказались, и я не хочу их знать.

Ложь оставила горький привкус на языке. На самом деле, Есения уже не раз задумывалась о них. Если Милош был прав, и ее отняли у семьи насильно, будут ли они рады видеть ее спустя почти семнадцать лет?

Елена вдруг вскочила, совсем не по-королевски хлопнув себя по лбу.

– Совсем забыла, мне нужно бежать на урок! Вечно я опаздываю... Есения, чуть позже я хочу прогуляться в район лавок, может быть, составишь мне компанию?

Она чуть растерялась, но принцесса смотрела умоляюще,

без конца притопывая ногой по расписному ковру, и Есения в итоге кивнула.

– Конечно, Елена, я пойду с вами.

Радостно хлопнув ладонями, принцесса убежала на урок, а Есения спустилась в библиотеку. Разговор с Еленой никак не выходил из головы, и она постаралась найти записи о том, где появлялись балии за последние двадцать лет. Увы, ее поиски не увенчались успехом. О балиях и так не было много записей, а найти место, где она родилась, похоже, было вообще невозможно.

– Балия? – вдруг прервал ее размышления громкий голос, и Есения невольно вздрогнула.

Молодой стражник в темно-коричневом мундире вежливо ей кивнул и добавил:

– Вас вызывает король.

Стараясь не показать своего волнения, Есения убрала книги и отправилась в мнитые покои Земирада. Король, скрестив руки за спиной, стоял у окна. Едва она вошла, как он словно очнулся и коротко улыбнулся ей.

– Доброе утро, Есения. Как вам спалось после бала?

– Все хорошо, ваше величество, спасибо.

– Я хочу кое-куда вас отвести. К сожалению, Оборотень не присоединится к нам, он отлучился по делу. Но, думаю, я смогу составить вам достойную компанию, не правда ли?

Король так странно посмотрел на нее, что она вдруг подумала, что он все знает про них с Оборотнем, однако Земирад

моргнул, и ощущение рассеялось.

– Конечно, ваше величество, – осторожно ответила Есения.

Король долго вел ее извилистыми коридорами, в которых она никогда не была. Наконец они подошли к узкой винтовой лестнице, что стремилась высоко вверх, и Есения поняла, что она оказалась в северной башне. Поднявшись за королем, Есения остановилась у тяжелой дубовой двери, которую охранял еще один стражник. Земирад кивнул, и стражник посторонился, пропуская их.

Есения ожидала увидеть такой же заброшенный уголок, как тот, куда она свернула по ошибке, но перед ней предстали большие и светлые покои. Только слабое ощущение застывшего воздуха и какого-то... безвременья намекали, что это не обычная комната.

На большой кровати лежала молодая женщина, ее длинные волосы отливали медью и были заплетены в две толстые косы, что лежали на плечах. Она дышала ровно и спокойно, и Есения вдруг ощутила вину, что они побеспокоили ее глубокий сон.

– Есения, познакомьтесь с моей женой, Софией.

Она подошла чуть ближе. Слова вдруг покинули ее, горло перехватило от той нежности, с которой король смотрел на жену. Земирад неправильно истолковал ее молчание и невесело усмехнулся.

– Ничего страшного. Никто не знает, что сказать, ни зна-

хари, ни друзья Софии, ни даже ее семья. Все они давно потеряли надежду. Но не я. Вера в ее исцеление умрет вместе со мной. Прошло уже два года, как я говорил с ней, видел ее улыбку, слышал ее голос. Вместе с ней я потерял и сына. Когда София погрузилась в сон, я был раздавлен, ничто было мне не мило. Станимира забрали родители Софии, они понимали, что я не смогу позаботиться о нем.

– Я глубоко сочувствую вам, ваше величество, – с трудом проговорила Есения, но король резко поднял руку, отмечая ее жалость.

– Не стоит жалеть меня, Есения, мне нужен ваш дар, ваша сила. Только знания могущественных существ из леса Гринхорн смогут пробудить королеву. И только вы можете наладить связь с ними.

– Я сделаю все возможное, чтобы помочь королеве, – твердо произнесла она.

– Елена рассказала мне об Умнике. Не сердитесь на меня, но это была своего рода проверка с моей стороны. После того как вас постигла неудача у входа в Гринхорн, я стал сомневаться. Однако когда я был в Горниграде, я слышал о том, как вы излечили от хвори коня, и посоветовал Елене обратиться к вам. Я благодарен вам, что вы спасли ее друга. А я убедился в ваших силах.

Сердце наполнилось обидой. Снова она доверилась не тому, Елена оказалась шпионкой короля. Видимо, не зря внутренний голос предупреждал ее быть осторожной, а теперь ей

еще и предстояло сопровождать принцессу в Хорсан. Проглотив раздражение, она ровно произнесла:

– Я попробую еще раз связаться с лесом. Но, ваше величество, у меня есть просьба.

– Какая?

– Могу я поехать одна? Я имею в виду, без стражи и без вас. Оборотень сможет защитить меня и мне кажется, что лес свяжется со мной более охотно, если...

– Если с вами не будет Ратного? – догадался Земирад.

– Да, ваше величество.

Король глубоко задумался и наконец сказал:

– Если это поможет вам связаться с лесом, так тому и быть. Завтра вы поедете туда вдвоем.

Они покинули комнату королевы, оставив ее глубоко спать в своей башне вечного покоя.

Спустя пару часов принцесса ждала ее во дворе замка. Поодаль стояло пять стражников. С таким сопровождением Есении ничего не грозило, разве что, если она выскажет Елене все, что о ней думает.

– Есения, я так рада что ты пошла со мной! – воскликнула принцесса, когда они медленно направлялись к порту.

– Я тоже, ваше высочество, – пробормотала она.

Елена удивленно нахмурилась и ничего не сказала, однако

едва зародившееся дружеское чувство между ними пошло уродливыми трещинами.

Как только они зашли в район лавок, Елена сразу помчалась рассматривать разнообразные ткани. Она не могла сосредоточиться на чем-то одном, и ее поиски напоминали скорее забаву, чем серьезное дело. Есения отвлеклась всего на минуту, разглядывая лазурные волны Замятного моря, однако этого хватило, чтобы упустить принцессу из виду. Стражников тоже было не видно, видимо, они растворились в толпе вслед за Еленой. Это была личная охрана принцессы, в их обязанности не входило оберегать Есению, однако теперь она оказалась в городе совсем одна. Изящный клинок, что она в последний момент догадалась взять с собой, едва ли защитил бы ее.

Есения пыталась отыскать принцессу в толпе, но в районе лавок всегда было столько народу, что это было невозможно. Неожиданно она почувствовала тревожную дрожь, что стрелой пробежала по позвоночнику. Кто-то за ней следил. Она резко обернулась, успев заметить, как незнакомец в коричневом плаще с капюшоном отвернулся, сделав вид, что вовсе не смотрел на нее. Сердце Есении забилось чаще, она вспомнила послания с угрозами и проклинала себя за беспечность. В такой толчее люди бы и не заметили, напади на нее кто-нибудь. Она решила скрыться в таверне, переждав там некоторое время, чтобы убедиться, что за ней действительно следят.

Таверна «Рыбий глаз» была гораздо больше и чище той, где она повстречала Милоша. Длинные дубовые столы протянулись посередине зала, несколько столов на четверых стояло по бокам. Здесь было гораздо меньше народу, чем на улице, однако Есения все равно привлекала любопытные взгляды. Хозяин недовольно хмурился, что она занимала место просто так, и Есения, потратив пару монет, купила кружку тепловатого кваса. Разбавленный и безвкусный, он хотя бы утолил жажду, погасив немного страх, что сковывал ее тело.

Низкое гудение Солнечного круга Хорса известило о наступлении шести часов. Дольше скрываться было нельзя, не сидеть же ей здесь до скончания веков? Есения надеялась, что тот, кто следил за ней, ушел, однако пройдя несколько шагов, она вновь заметила в толпе потертый коричневый плащ.

Умнее было скорее бежать в замок, под защиту его неприступных стен, но ее охватила злость на этого неизвестного преследователя, она устала бояться и решила узнать, наконец, кто стоит за этими посланиями. Она не торопясь прогуливалась между лавками, делая вид, что вовсе не замечает слежки, постепенно приближаясь к просвету между домами. Там она резко свернула в переулок и стала ждать, затаившись за углом дома. В руках Есения крепко сжимала кинжал, который хоть немного уменьшал дрожь, что муравьями бегала по телу. Несколько минут спустя в переулке появился пре-

следователь.

Стиснув кинжал, Есения выпрыгнула из укрытия, и, стараясь показать уверенность, которой у нее вовсе не было, раздраженно спросила:

– Кто вы и почему следуете за мной?

Незнакомец застыл, словно в нерешительности, а затем сбросил капюшон. Знакомые глаза цвета весенних листьев спокойно осмотрели ее с ног до головы.

– Мама? – прошептала Есения.

Глава 21

Есения не верила своим глазам, ей казалось, что все это сон.

– Здравствуй, дочка, – сдержанно улыбнулась Анастасия.

– Что ты здесь делаешь? Я думала, ты все еще в Удолии!

– Есения, нам нужно найти другое место для разговора, здесь небезопасно.

– Ну нет! – разозлилась Есения. – Ты больше не можешь приказывать мне! Ты расскажешь мне все здесь и сейчас!

– Есения...

– Это ты посылала мне письма с угрозами, хотела, чтобы я ушла из Хорсана?

– Что? – побледнела Анастасия. – Тебе кто-то угрожает?

– Не притворяйся! Как я могу тебе верить? Ты лгала мне всю мою жизнь! Зачем ты здесь, если не затем, чтобы я покинула Хорсан?

– Я пришла приглядеть за тобой. В нашу деревню приходили гвардейцы, они искали меня, для короля я теперь – предатель. Похитить балию – это страшное преступление. Меня не должны видеть в Хорсане, иначе меня ждет смерть.

– Король Земирад не казнит тебя, он добрый человек.

– Даже честный король не может нарушить законы, Есения. Его писали предки Ратных.

– Тогда уходи! Со мной все в порядке, Оборотень защитит

меня.

– Оборотень? – сощурилась Анастасия. – Как ты можешь доверять ему, он – ищейка короля! Он приводит балий в замок, на смерть.

Гнев наполнил тело звенящим громом.

– Не смей так говорить. Ты ничего о нем не знаешь, – процедила Есения.

– О, я знаю больше, чем ты думаешь, глупая девчонка. Ты для него не больше, чем задание короля, он предаст тебя не моргнув глазом.

– Это неправда! Ты думаешь, я все та же маленькая девочка, что уходила с Оборотнем из Удолии? Так вот, ты ничего не знаешь! Я повзрослела после того, как узнала о твоём предательстве. Кем я была для тебя, мама? Ребенком, что ты не могла иметь? Или ты хотела отомстить моим *настоящим* родителям?

Анастасия дернулась, словно Есения ударила ее, но она уже не могла повернуть назад. Слезы выступили на глазах, но она зло стерла их ладонью.

– Я никогда не была твоей. Ты меня похитила, скрывала от меня мой дар. Не смей оскорблять Оборотня, он для меня целый мир. Тебе лучше уйти из Хорсана, потому что я не нуждаюсь в защите такой, как ты.

Отвернувшись от Анастасии, Есения пошла прочь, не обращая внимания на голос, умоляющий ее остановиться. Теперь она уже не сдерживала слезы, что свободно струились

по ее щекам.

Есения вернулась в замок сама не своя. Встреча с матерью вновь вскрыла рану, что только-только начала покрываться коркой. У входа в замок ее ждала принцесса. Как только она увидела Есению, то сразу перестала ходить из стороны в сторону и бросилась к ней.

– Есения, прости меня!

Словно в оцепенении, она даже не сразу поняла, за что принцесса извиняется.

– Когда я увидела эти проклятые лавки, то бросилась к ним, не замечая ничего вокруг, – продолжала тем временем Елена. – Я совсем потеряла голову и упустила тебя из виду. Когда я поняла, что мы разминулась, то начала искать тебя, но не нашла. Я обещала тебе дружескую прогулку, но все испортила! – она уже чуть не плакала.

Это помогло Есении собраться. Затолкнув в самый глубокий уголок души воспоминания о встрече с Анастасией, она улыбнулась принцессе. Теперь ее злость на Елену казалась ей такой далекой и очень глупой.

– Принцесса, не переживайте так. Я прекрасно добралась до замка сама и со мной... ничего не случилось.

– Ох, я так рада это слышать! Но позволь мне загладить вину, не хочешь сегодня отужинать в моих покоях? Мы мог-

ли бы насладиться трапезой и поболтать.

Несмотря на то, что Есения смогла взять себя в руки, ей хотелось побыть одной и спокойно все обдумать.

– Простите, Елена, я что-то очень утомилась от долгой прогулки. Может, мы сможем встретиться в другой раз?

Принцессу явно задел отказ, но она кивнула и даже чуть улыбнулась ей на прощание. Есения направилась к своим покоям, где ее уже ждал раздраженный Оборотень.

– Есения, где ты была весь день? – только увидев ее, взорвался Оборотень. – Я же просил быть осторожнее, не ходить никуда одной.

Он еще некоторое время упоенно отчитывал ее, пока не заметил, что она все время молчит. Тогда он наконец обратил внимание на ее лицо, и его возмущение сразу потухло.

– Что случилось? – шагнул он к ней, и тут жгучие слезы заструились по щекам, и она снова оказалась там же, где вчера, в его крепких объятиях.

Оборотень затащил ее в покои и, отложив вопросы, дал ей намочить свою бархатную тунику. Некоторое время спустя, когда слезы Есении иссякли, она, чуть заикаясь, рассказала Оборотню о встрече с Анастасией.

– Ты думаешь, это не она писала послание? – нахмурился Оборотень.

– Нет, – вздохнула Есения, умолчав, что письма было уже два. – Я зла на нее, однако я знаю, что она не стала бы писать эти угрозы.

Немного помолчав, она спросила:

– Оборотень... Это правда, что Анастасию казнят, если поймают?

– Я бы хотел сказать, что нет, – нахмурился он. – Однако она нарушила один из главных законов.

– Значит... я никогда не смогу больше увидеть ее?

Оборотень крепко сжал ее руку, но слова его были жестоки:

– Боюсь, что нет. Встреча с Анастасией может навредить тебе в глазах короля.

На следующий день Оборотень и Есения вновь отправились к Гринхорну. Король хотел отправить с ними гвардейцев, однако она все же уговорила его отпустить их вдвоем. Ей не нужны были свидетели поражения, если лес вновь ее отвергнет.

Ургамлы все так же несли свою безмолвную вахту, но в этот раз их могучие стволы внушали Есении страх. При Оборотне она старалась держаться уверенно, зная, что одно ее слово – и он тут же повернет назад. Когда она подошла к магическому барьеру, едва уловимо мерцающему в тусклых солнечных лучах, рука ее дрожала. Есения старалась думать о королеве, что спала отравленным сном, о Земираде, что потерял сразу и жену, и сына. С каждой мыслью она обретала

решимость, пока, резко выдохнув, не коснулась преграды.

Ощущения не были похожи ни на магический ветер, что толкнул ее вперед в первый раз, ни на мощный удар отторжения. Легкое покалывание вмиг распространилось от ладони по всему телу, и, спустя один стук сердца, она уже стояла посреди поляны. Сумрачно-фиолетовые, как небо перед грозой, цветы покрывали ее переливающимся ковром. В этот раз Есения не чувствовала себя, словно во сне, нежные трели птиц она слышала так же четко, как и свое дыхание. Воздух был густым, а разнообразие красок вокруг напоминало оранжерею королевы. Она подняла голову и зажмурилась от яркого солнца, которое лучами согревало природу. Здесь царил лето, и Есения сбросила плотный плащ.

Она жадно впитывала все, что окружало ее, пока тихий шелест шагов не заставил ее обернуться. На поляну вышла косуля. Ее золотистый мех сиял в теплых лучах, умные, бархатно-коричневые глаза спокойно оглядели Есению. За косулей на поляну высыпали лесные жители, которые были похожи на обычных животных, лишь только чуть большего размера. Олени и рыси, зайцы и лисы, медведи, лоси, птицы – все они без опаски гладели на нее.

Есения знала, что жители Гринхорна могут говорить, но все равно застыла, когда косуля сказала:

– Мы рады приветствовать тебя в Гринхорне, избранная балия!

Ее голос был словно перезвон колокольчиков, что разнес-

ся далеко за пределы поляны.

– Я... тоже очень рада, – медленно поклонилась Есения.

Животные вокруг зашумели, видимо, одобряя ее приход.

– Ну все, хватит, – нежно произнесла косуля. – Вы смущаете нашу гостью. Расходитесь.

Звери без единого возражения разбрелись и исчезли за деревьями.

– Меня зовут Атэнэйс, – поклонилась косуля. – Я – пара Великого Оленя. Он уже ждет тебя.

Атэнэйс повела Есению через широкую тропинку, окруженную со всех сторон знакомыми деревьями. Здесь были и осины, и березы, однако листья на них кое-где были не зелеными, а малиновыми и охровыми, словно они не могли решить, какой наряд выбрать. Воздух был наполнен запахом нагретого дерева и скошенной травы. Он был таким неуловимо знакомым, но Есения не могла вспомнить, где ощущала его раньше.

– Атэнэйс, ты сказала, что ты пара Великого Оленя? – спросила она.

– Тебя удивляет это, я понимаю. В вашем мире лишь звери своего вида могут создавать пары, однако в Гринхорне все по-другому. Мы создали здесь свой собственный мир, без оков и предрассудков.

– Но разве то, что вы запрещаете любить человека – это не предрассудки? – нахмурилась Есения, вспомнив историю родителей Оборотня.

– Да, – вздохнула Атэнэйс. – К некоторым вопросам Великий Олень относится очень строго. В том числе к этому.

– Но почему?

– Великий Олень – защитник Гринхорна, он в ответе за всех существ, обитающих здесь. После того, что совершил король Драгомир, он не может больше доверять людям.

– Это я могу понять. Но почему вы не пустили Оборотня назад в лес? Как вы могли оставить его в мире людей одного? – холодно бросила Есения.

Атэнэйс ненадолго замолчала. Есения ждала объяснений, но косуля вдруг совсем по-человечески всхлипнула.

– Оборотень... Так он себя называет в вашем мире. Мой маленький Эиренэйос. Он рос на моих глазах, и я всегда считала его сыном. Его отец Кальяс... так и не оправился от потери Инги. У меня нет ответа на вопрос, почему Великий Олень не вернул его обратно. Я умоляла его об этом. Но он был непреклонен. Он сказал, что Эйрон должен сыграть свою роль, что его место отныне в мире людей.

Весь рассказ Атэнэйс был наполнен любовью к Оборотню, и Есения невольно оттаяла. За разговором она не заметила, как деревья вокруг начали меняться. Угольно-черные лозы оплетали их стволы, словно душили их в объятиях. Лозы едва заметно пульсировали, будто живые щупальца. Даже воздух здесь был холоднее и, казалось, оседал на коже липкой пленкой.

– Что случилось с этими деревьями? – пораженно спро-

сила Есения.

– Мы называем это «сваарт» – черная гниль, – печально произнесла Атэнэйс. – Она селится на деревьях, забирая их соки, заставляет их погибать.

– Откуда она взялась?

– Никто не знает. В какой-то момент она просто... появилась. Сначала поражена была лишь пара деревьев, но с каждым днем гниль разрастается, и лес гибнет под ее гнетом.

Есении стало не по себе, словно лозы проникли и в ее тело, захватывая над ним власть. Однако через пару минут, она забыла о гнили, когда перед ее глазами предстал гигантский дуб. Его мощный ствол, опутанный венами орехово-коричневой коры, уходил далеко по сторонам, а пышные зеленые кроны, казалось, достигали самого солнца.

Это дерево Есения видела на каждом храме Роду, в каждой книге о всемогущих богах Элейнии. Ноги подкосились, и она почти коснулась лбом мягкой травы.

– Мировое древо... – прошептала она.

«Здравствуй, балия», – раздался низкий голос.

Есения резко поднялась и увидела Великого Оленя, что стоял между узловатыми корнями Мирового древа. Атэнэйс нигде не было, видимо, она решила не мешать им.

– Неужели это он? – пораженно спросила она. – Могучий дуб, соединяющий три мира?

«Да. Теперь ты знаешь, что Гринхорн хранит не просто знания. Лес – это опора Яви, нашего мира, что защищает

Правь, где живут милосердные боги и богини».

Великий Олень говорил, но губы его были скованы молчанием, и Есения вдруг осознала, что слышит его у себя в голове.

– Я слышу ваш голос... но как вы это делаете?

«Это мой дар. Лишь так я могу понять, что хочет сказать человек на самом деле. Внутри тебя так много мыслей, баляя... Тревога, страх, надежда. Я знаю, зачем ты пришла сюда, но, боюсь, я не могу тебе помочь, не могу вылечить королеву Софию».

– Но как же так! Вы же Великий Олень – защитник всего живого! Я понимаю, вы злитесь на людей, и это ваше право. Но поймите же, королева не виновата в грехах того, кто даже не принадлежит к ее роду! Ее сыну Станимиру всего два года, он растет без материнской заботы. Король Земирад – не плохой человек, он Ратный, но он не Драгомир! Прошу вас, помогите, ведь это в ваших силах!

«Я вижу, что твои помыслы чисты, хотя магический барьер в прошлый раз и посчитал иначе. Однако ты не найдешь здесь того, что ищешь. Я не в силах пробудить королеву ото сна, что наложен магией».

– Магией? – нахмурилась Есения. – Но королеву отравила служанка...

«Не все, что ты слышишь – правда, баляя, а яд бывает разным. Кто-то может и твою силу считать отравой, если так проще скрыть истину».

Великий Олень говорил загадками, и это совсем не приближало Есению к цели.

«В одном нашем предании сказано, что в каждом из нас живет зверь и только избранная балия может повелевать им, – тем временем продолжал защитник леса. – Никто из существ Гринхорна, даже я, не может помочь королеве. Но ты можешь».

– Но как я могу это сделать? – растерялась Есения. – Животные слушаются меня, однако я никогда не лечила людей.

«Твой путь только начинается, балия. Я вижу в тебе ростки, но им еще нужно взойти. Верь в свой дар, и ты поймешь предназначение, что уготовано тебе. И помни: лишь жертва избранной балии откроет врата, и лишь возрождение разрушит все преграды».

Это было последнее, что сказал ей Великий Олень. В следующий миг Есения вновь оказалась у границы Ургамлов, за пределами Гринхорна. Горькое разочарование затопило ее, когда она поняла, что не только не смогла добиться помощи, но и не спросила Великого Оленя о своем предназначении. Есения так и не узнала, что значит быть избранной балией и почему защитник леса выбрал именно ее.

Глава 22

Едва Есения отошла от магического барьера, как сразу напустилась на Оборотня.

– Почему ты не сказал мне, что в Гринхорне находится Мировое древо? Не подумал, что это важно?

– Великий Олень показал тебе дуб? – пораженно застыл он. – Это великая честь, Есения. Мировое древо – это тайна, которую охраняют жители леса. До этого дня даже балии не знали о нем. Только защитник леса решает, говорить ли о нем кому-либо. Я был связан клятвой, извини.

Гнев потух, оставив после себя лишь досаду и неуверенность.

– Великий Олень сказал, что я сама могу вылечить королеву, – вздохнула Есения.

– Но как? Ты же не знахарь, да и они не смогли помочь.

– Расскажи мне все, что знаешь об отравлении.

– Это произошло в день, когда королева рожала сына. Роды были долгими и тяжелыми, однако все закончилось хорошо. Когда королева осталась одна, ее служанка дала ей воды, после этого София заснула беспробудным сном, и с тех пор ничто не тревожит его.

– Значит, все подумали, что эта служанка отравила королеву? Ее нашли?

– Нет, не смогли. Ее и след простыл. Знахари со всего ко-

ролевства пытались понять, что это был за яд, но так и не смогли.

– Великий Олень сказал, что сон королевы вызван магией...

– Магией? – побледнел Оборотень. – Но кому это нужно? Разве не проще было просто отравить королеву ядом?

– Я не знаю, что кроется за всем этим, но Великому Оленю я верю. Как же мне сообщить королю, что он не станет помогать... – вздохнула Есения.

– Расскажем ему правду. Вместе.

Земирад не мигая смотрел на них вот уже пару минут, заставив Есению невольно заерзать на бархатном кресле.

– Просто не верится... – наконец пробормотал король. – Спустя два века лес Гринхорн наконец открыл свои врата. Я всей душой надеялся на это, но все же... Как это произошло?

– Великий Олень впустил меня, – осторожно ответила Есения.

– Вы видели защитника леса? – резко вскинул на нее взгляд король. – Что он сказал? Он... поможет Софии?

– Боюсь, что нет, ваше величество. Великий Олень сказал, что не может помочь пробудить королеву.

– Не может или не хочет? – процедил Земирад. – Похоже, спустя столько лет он все еще зол на Ратных, раз бросает наш

род в этой скорби. Скажите, он обещал вам открыть врата в Гринхорн?

– Лес пока не готов вновь довериться людям. Однако Великий Олень сказал, что сон королевы наложен магией, он не в силах снять его.

– Магией? – нахмурился король. – Мою жену отравила служанка.

– Тогда почему ни один знахарь во всем королевстве не смог понять, что это за яд? – возразила Есения. – Тем более, ту служанку так и не нашли.

– Даже если вы правы, разве Великий Олень – не магическое существо? Почему он не может разрушить сон, который держит в плену Софию?

– Ваше величество, – вмешался Оборотень. – Защитник леса может говорить загадками, но я знаю, что в его сердце нет ненависти к вам. Если бы он мог, то не отказал бы нам в помощи.

Король тяжело вздохнул и, словно вмиг потеряв все силы, рухнул в кресло.

– Значит, все кончено, – глухо пробормотал он. – Гринхорн был моей последней надеждой. София никогда не проснется, проведет остаток своих дней лишь подобием моей любимой.

Его боль была невыносима, и Есения опустилась на колени перед его креслом.

– Ваше величество, надежда еще есть. Великий Олень ска-

зал, что я смогу помочь королеве.

– Вы? – прожег ее взглядом Земирад. – Но как?

– Боюсь я не была до конца честна с вами. Гринхорн впустил меня, потому что я – избранная балия. Великий Олень сказал, что мой дар сможет вылечить королеву.

– Избранная балия? Что это значит?

– По преданию, я должна объединить мир людей и существ из Гринхорна. Честно признаюсь, ваше величество, пока я не чувствую в себе такой силы. Но Великий Олень рассказал мне о пророчестве.

– Каком пророчестве? – нахмурился король.

– Лишь жертва избранной балии откроет врата, и лишь возрождение разрушит все преграды.

– Жертва... – странно посмотрел на нее Земирад. – Что это значит? И о каком возрождении идет речь?

– Боюсь, я знаю столько же, сколько и вы, – вздохнула Есения. – Я не представляю, что имел в виду Великий Олень, но я надеюсь разобраться.

Король снова погрузился в молчание, а затем резко поднялся. От неожиданности Есения покачнулась, и Земирад подхватил ее за локти.

– Раз вы так уверены в том, что сможете помочь Софии, то начинайте немедленно, – твердо произнес король, так же быстро ее отпустив.

Не теряя времени, он позвал стражника, который должен был проводить ее в покои королевы.

– Я не могу пойти с тобой, – тихо произнес Оборотень, когда они чуть отстали от стражника. – Мне нужно покинуть замок ненадолго.

– Куда ты все время отлучаешься? – удивилась Есения. – Король так завалил тебя делами?

– Ирбис требует обращения. Когда я затягиваю с этим, то могу... не справиться с ним. Мне приходится уходить в Крильский лес, чтобы никто меня не увидел.

Он быстро покинул ее, словно ирбис вот-вот должен был вырваться на свободу, а Есения поднялась по винтовой лестнице в покои Софии. Вчерашний стражник вновь нес свою вахту и, перекинувшись парой слов с ее провожатым, без лишних вопросов пропустил ее.

Королева все так же неподвижно и мирно лежала на кровати, лишь слегка поднималась и опускалась ее грудь, давая понять, что София еще не покинула этот мир. Ее медные волосы сегодня были заплетены в одну тяжелую косу, что лежала на плече, и платье было другим. Есения поняла, что о королеве заботились так, будто она вовсе не спала, а как раньше жила, гуляла, смеялась.

Есения перетащила к кровати королевы неглубокое нежно-зеленое кресло и несколько минут просто смотрела на нее, собираясь с силами. Она не знала, с чего начать, ведь ей никогда не приходилось лечить людей, тем более пораженных магией. Решив действовать по ситуации, она наполнила руки теплом своего дара.

Животные обычно впускали ее охотно, но здесь ей что-то мешало углубиться в душу Софии, словно невидимая сила выталкивала Есению обратно. Она вновь и вновь пыталась пробиться сквозь нее, но терпела неудачу. Пройти сквозь этот барьер, казалось, было невозможно.

Солнечный диск Хорса прогудел о наступлении вечера, и Есения с удивлением поняла, что прошло уже пять часов с тех пор, как она пришла в покои Софии. Королева не изменилась ни на миг, и ей пришлось отступить. Решив вернуться завтра, хорошенько выспавшейся, она вышла из покоев.

Оборотень, похоже, еще не вернулся, а ужинать в одиночестве не хотелось, так что Есения попросила Яру подать ей трапезу в покои. Попытки пробить брешь в магическом сне королевы отняли все ее силы, и, едва она доела, как провалилась в глубокий сон.

Она была в Удолии. Молодая весенняя трава щекотала лодыжки, когда Есения шла по дороге, что вела к ее дому. Так зелено вокруг могло быть только в мае. Одуванчики склоняли к ней свои ярко-желтые головки, ветер приносил запахи ручьев и обновления природы, что наконец сбросила оковы зимы. Впереди показалась их с Анастасией изба. Есения постаралась охладить ту радость, что наполнила ее сердце, но забыла почему.

Дверь легко поддалась, однако никто не встречал Есению на пороге. Даже Оратай не побежал, как обычно, навстречу. Что-то было не так.

– Мама? – крикнула она. – Ты дома?

Внутри было пусто, лишь ветер раскачивал пучки трав, что сушились над столом. Матери частенько не было дома, но почему-то тревога сжала сердце Есении. Какая-то сила словно поманила ее за дом. Есения позвала мать громче, но завернув за угол, застыла от ужаса. Посреди заднего двора было подготовлено место казни. Мать стояла на коленях, а голова ее лежала на плахе. Угрожающий блеск наточенного топора, что занес палач над ее шеей, на секунду ослепил Есению.

– Мама! – закричала Есения и рванулась к ней, но чьи-то руки удерживали ее сзади, не давали вырваться.

– Дочка... – лишь успела прошептать Анастасия. Ее изумрудные глаза на миг встретились с ее, а затем топор с оглушающим свистом рассек воздух...

... Есения проснулась от громкого крика и не сразу поняла, что его издавала она сама. Рубашка на ней была вся мокрая от пота, одеяло перекрутилось вокруг ног, сердце стучало, будто сейчас выпрыгнет. Кошмар казался таким реальным, будто она действительно только что видела казнь матери. Стараясь сдержать тошноту, Есения растянута на кровати, до рассвета не сомкнув глаз.

Утро принесло Есении лишь слабость от бессонной ночи

и разочарование в своем даре. Она вновь и вновь билась с невидимой силой, что поработила королеву, но попытки не приносили результата. Барьер выбрасывал ее, не давая продвинуться дальше. Единственное, что узнала Есения за эти два дня, так это то, что сон Софии действительно вызван магией. Яд никогда бы не вел себя словно живой.

Досада превратилась в ярость, и Есения вскочила. Кресло с грохотом упало позади нее, и она поняла, что больше ни минуты не выдержит в этой комнате, стены которой, казалось, смыкались вокруг нее.

Оранжерея встретила ее шелестом цветов и тихим журчанием фонтана Лады, но Есения не могла насладиться этим умиротворением. Стирая злые слезы и зная, что некому здесь ее услышать, она громко закричала, проклиная магию, свой дар, Хорсан и все на свете.

– Вижу, у вас тяжелый денек, Есения? – услышала она теплый голос Вedomира.

– Советник! – мгновенно покраснела она. – Не слышала, как вы подошли.

Она рухнула на скамью, и Вedomир присел рядом с ней.

– Я тоже люблю эту оранжерею, этот идеальный уголок спокойствия в мире, полном хаоса.

Не успела Есения ответить, как он добавил:

– Не стыдитесь своих чувств, моя дорогая. Иногда очень полезно выплеснуть их, чтобы двигаться дальше. Только так можно освободиться от гнева, что точит сердце. Однако...

еще можно поговорить с другом, – улыбнулся он.

– Мне кажется, что мой дар предает меня, советник, – вздохнула Есения. – Я пробую снова и снова прорваться сквозь барьер, но я что-то упускаю.

– Вы взвалили на себя тяжелую ношу – пробудить королеву. Однако если кто и сможет сделать это – то это вы.

– Почему вы так уверены?

– Ни в ком другом я не наблюдал столько доброты, отваги, самопожертвования, как в вас. Я знаю, вы не отступите и спасете Софию. Нужно лишь немного времени и веры в свой дар.

– Спасибо, советник, – улыбнулась Есения. – Разговор с другом действительно помогает.

– Вот и славно, – похлопал ее по руке Ведомир. – Что ж, пора нам с вами отправляться каждый на свою службу. Верьте в себя, как мы все в вас верим.

Разговор с советником словно вдохнул в нее новые силы, и Есения вновь отправилась на битву с таинственной магией.

Глава 23

Так прошла пара недель. Жизнь Есении теперь напоминала бесконечную спираль дней, в которых она видела лишь свои покои и комнату королевы. Она снова и снова пыталась прорваться сквозь магию, но тщетно. Король все чаще пытал ее вопросами, но ей нечего было ему сказать. Лишь вера в нее Оборотня и Ведомира помогала ей не терять надежду.

Силы ее подтачивали и зловещие кошмары, после которых Есения всегда просыпалась в страхе и с колотящимся сердцем. Во сне она вновь оказывалась в резиденции Гости-вара, но на этот раз наместник ставил над ней страшные эксперименты. Боль была слишком реальной, ее отголоски еще долго звучали в ней, даже когда она бодрствовала.

Есения совсем исхудала, все сарафаны теперь висели на ней мешком, она больше не узнавала себя в зеркале. Вымысел все труднее было отделить от реальности, за каждым углом замка, казалось, обитали жуткие тени, что тянули свои искривленные пальцы к ее душе. Оборотень постоянно спрашивал у нее, что происходит, но Есения лишь отмахивалась, обвиняя во всем отсутствие изменений в состоянии королевы.

Тем временем Морена, богиня зимы и стужи, почти отвоевала свое место у сестер, и на Хорсан опустился первый снег. Он почти ослепил Есению, когда утром она раздвинула

тяжелые шторы. Ребятишки слуг принялись играть в снежки, звонкий смех отражался от каменных стен замка. Есения страстно завидовала этой радости, ее же впереди ждала лишь новая борьба.

Казалось, замок был не готов к неожиданной зиме, и она озябла, пока шла в покои королевы. Задумавшись о новых способах победить барьер, она случайно столкнулась с кем-то в коридоре. Взмах темных волос с рыжими прядями сразу сказал Есени, кто перед ней. Сегодня Дия была одета в плотные кожаные штаны и свободное пурпурно-черное платье. Ее грудь и предплечья защищали кожаные латы, а на поясе висела пара коротких кинжалов, словно она была на войне, а не в королевском замке.

– Ты же Дианзэ, так? – Есения постаралась сказать это равнодушно, но голос чуть дрогнул, пустив все насмарку.

Янтарные глаза чуть сузились, и Дия присела в безупречном поклоне, от которого, впрочем, веяло насмешкой. Она действительно напоминала лису, что ждала в засаде жертву, готовая в любую секунду вонзить ей в шею острые зубы.

– А ты балия? Маленькая подружка короля? – бросила она.

– Да, я заклинательница. Только вот подружка я скорее Оборотню, – сахарно улыбнулась в ответ Есения.

Маска фальшивого дружелюбия треснула, сделав лицо Дии почти уродливым.

– Как бы не так, – зашипела она. – Мы выросли вместе

и были друг другу предназначены. Я понимаю, что за двадцать лет у *Эйрона* были... интрижки. Но он был моим и моим остается.

– Ваши отношения теперь в прошлом, – вспыхнула Есения в ответ. – Он любит меня.

– Неужели? А он хоть раз говорил это? Произносил заветные слова?

И словно почуяв слабость, Дия, хищно сощурившись, добавила:

– Или он даже запретил называть его настоящим именем? Да... в имени таится великая сила, с тобой он всегда останется лишь *Оборотнем*, что стыдится своей сути, а со мной он будет самим собой.

– Если вы были так близки, почему же он ушел из *Гринхорна*, оставив тебя позади? Не потому ли, что ты выдумала вашу связь? – с несвойственной для себя жестокостью, отрезала Есения. – Когда лес пустит его обратно, я буду той, кто держит его за руку. А вот тебя... *Гринхорн* никогда не примет.

Не бросив больше и взгляда на ее разъяренное лицо, Есения прошла мимо, изо всех сил стараясь скрыть, как тяжело ей дался этот разговор. Все теперь валилось из рук, а барьер сегодня не сдвинулся ни на шаг, и Есения, мрачно выдохнув, отправилась в библиотеку. Стараясь сделать хоть что-то полезное, она начала искать причину своих странных кошмаров.

Все книги о богах и богинях говорили о том, что это Морена насылает на людей жуткие видения, и именно зимой она становится сильнее всего. Но мысль о том, что могущественная богиня снизошла до Есении, ей казалась просто смешной. Книги не дали ей ответов, и она просто прохаживалась между полками, пока взгляд ее не наткнулся на толстый фолиант с тисненой кожаной обложкой. На нем было изображено Мировое древо.

Книга оказалась сборников преданий о трех мирах: Прави, Яви и Нави. В Прави жили почти все милосердные боги и богини Элейнии, от Рода, великого создателя, до молодого Сварога-кузнеца. С начала существования мира они с высоты небес приглядывали за Явью, где жили сотворенные Родом создания. Лишь несколько богов, по преданию, жили бок об бок с людьми, помогая им и наказывая за непочтение. Мир Нави был разделен на две половины. Темной ее стороной, миром мертвых и злобных созданий, правил жестокий Чернобог. На своем черном, как сама тьма, коне объезжал он свои владения, сея мрак и болезни.

От страниц о Нави у Есении пробежали ледяные мурашки. Изображение огромного коня Чернобога что-то напомнило ей, но она не смогла ухватить мысль, слишком мало у нее было сил.

Все три мира были едины и связаны между собой Мировым древом. В книге было написано, что оно, якобы, росло на далеком острове, но Есения видела дуб собственными

глазами. Так может, и остальные предания не совсем правдивы?

От размышлений ее отвлекла слабая дрожь, которая вмиг охватила все тело. Только одного человека Есения чувствовала так. Оборотень стоял, прислонившись к двери и нахмурился, видимо, заметив ее бледность.

– Опять работаешь на износ? – вроде бы в шутку бросил он, но глаза его при этом выискивали в ней малейшие признаки хвори.

– Скорее отдыхаю, – хмыкнула Есения и поднялась с кресла. – А что, ты хотел меня отвлечь?

– Думаю, тебе было бы полезно немного прогуляться.

Есения хотела возразить, что королева ждет ее, но один взгляд на его сжатую в напряжении челюсть, дал ей понять, что спорить бесполезно. Оборотень повел ее вниз по лестнице, а затем они вышли из замка. Хрусткий воздух сразу наполнил легкие запахом первого снега. словно прохладные пальцы погладили душу Есенин, остудив все тревоги. Может, Оборотень действительно прав, и ей это было нужно? Ребятишек во дворе уже не было, видимо, холод, а может, строгие родители, загнали их обратно в тепло. Обойдя замок, Есения и Оборотень направились к месту, что она видела до этого лишь издалека.

– Я думала, только членам королевской семьи можно заходить в Рошу Предков?

– Иногда можно сделать исключение, – усмехнулся Обо-

ротень.

Роща почти примыкала к замку, словно обнимая его раскидистыми ветвями своих дубов. Пышные кроны, совсем недавно окрашенные огненным цветом, сейчас склонились под тяжестью белого покрывала.

– Первое дерево здесь посадил еще Драгомир Ратный, этим дубам две сотни лет, – тихо проговорил Оборотень, словно и он, обычно насмешливый ко всему, не мог удержаться от воздействия этого места.

Роща была совсем небольшой, и уже через пару минут они оказались на широкой поляне, где Есения смогла наконец увидеть место поклонения королевской семьи. В стволах шести могучих дубов были вырезаны лица Ратных. Все короли были похожи меж собой, с густой бородой и угрюмым взглядом. Даже лицо Земирада здесь выглядело более грозным, видимо, мастер не стал наделять его хитроватой улыбкой, что часто расцветала на губах молодого короля, а может, он просто никогда не удостоивался такой чести.

Идолы богов и богинь выглядели совсем по-другому. Они были сделаны из гладкого дерева и уходили острыми пиками высоко в небо. На каждом идоле мастер изобразил богов так точно, что не оставалось сомнений, кого ты видишь перед собой. Род-создатель стоял в центре священного круга и был в образе длинноволосого старца со строгим взглядом. Хорс, светлоликий молодой бог, открытой улыбкой согревал сердца страждущих. Мокошь, богиня-пряха, с тяжелой косой, в

которой атели цветки мака, смотрела с нежностью и силой.

Есения с трепетом прикоснулась к идолам, прочитав молитву. Давно она не обращалась мыслями к богам и богиням, и теперь они словно дали ей сил, которых так не хватало. Оборотень подошел к ней и тихо произнес позади:

– Есения, так продолжаться не может.

– О чем ты? – напряглась она.

– Я думаю, ты знаешь. Я вижу, что происходит с тобой. Ты погубишь себя, пытаясь сделать то, что невозможно. То, что случилось с королевой, – ужасно, но это не твоя вина, и никто не требует отдать свою жизнь, пытаясь вернуть Софию.

– Ты не понимаешь! – резко развернулась Есения. – Все давно махнули рукой на королеву, лишь Земирад все еще надеется. Я служу королю и не могу подвести его!

– Ты готова идти до конца? – побледнел Оборотень. – Даже если это будет стоить твоей жизни?

– Я не отступлю...

– Как же ты упряма! – зарычал он, отступив на шаг.

Есении показалось, что ирбис хочет вырваться на свободу. Вероятно, чтобы тоже ее отчитать. Пару минут он ходил из стороны в сторону, но осознав, что ее не переубедить, раздраженно выдохнул:

– Тогда, по крайней мере, дай помочь тебе! Ты все время пытаешься преодолеть барьер одна, но что, если нам использовать нашу связь?

– Это не приходило мне в голову, – задумалась Есения. –

Знаешь, думаю, это может помочь! Скорее, пойдем в покои королевы и попробуем.

– Сразу в бой... – раздраженно пробормотал Оборотень. – Погоди хоть немного, у меня... есть для тебя подарок.

Не глядя на нее, словно стараясь скрыть смущение, он добавил:

– Я знаю, что скоро тебе исполнится семнадцать летних пор. И я кое-что нашел для тебя, вернее, кое-кого.

Есения пораженно застыла, когда Оборотень скрылся за деревьями. Семнадцать летних пор... она совсем забыла об этом, слишком много событий одновременно закружили ее в буре. Спустя пару мгновений, Оборотень вернулся, и на руке его сидела птица невероятной красоты. Ее яркие, лазурно-синие перья, казалось, слабо мерцали, отраженные от снежного покрова вокруг. Умные глаза удивительного оттенка ежевичного вина спокойно глядели на Есению.

– Это Блар, очень редкая птица из рода Рэйро. Сейчас таких осталось немного, но в Хорсане можно найти что угодно, и мне повезло, – улыбнулся он, нежно поглаживая птицу. – Вытяни руку.

Есения послушалась, и птица осторожно перелетела ей на предплечье. Острые, как костяная игла, когти не причинили ей вреда, словно Блар старалась быть нежной.

– Оборотень... – с трудом произнесла Есения. – Она – самое прекрасное создание из всех, что я видела. Но я не могу держать ее в неволе, ты же знаешь.

– Неужели ты так плохо думаешь обо мне? – фыркнул он. – Птицы из рода Рэйро всегда живут с людьми. Они – единственные создания, что не могут прожить без хозяина, им нужна связь с человеком. Рэйро созданы служить своему хозяину и защищать его. И если меня не будет рядом... я буду спокоен, зная, что Блар с тобой.

Есения не знала, что сказать. Она всегда получала в подарок от Анастасии что-то практичное: одежду, ленты, гребешки. Никогда ради нее никто не старался, отыскав что-то особенное. Есения сжала губы, стараясь сдержать невольные слезы, и Оборотень, не так поняв ее реакцию, нахмурился.

– Тебе не нравится подарок?

Тот, кто не знал его хорошо, мог бы не заметить эту едва уловимую неуверенность, проскользнувшую в его тоне. Мысленно обратившись к Блар, Есения попросила ее взлететь, а сама бросилась к Оборотню и, спустя мгновение, ее лицо уже прижималась к его тунике.

– Она чудесна, спасибо тебе, – прошептала она. – Никто раньше не делал для меня такого.

Оборотень, расслабившись, обнял ее в ответ, и Есения почувствовала, как связь заискрилась между ними.

– Ты достойна всего, чего захочешь, Есения, – тихо проговорил он в ответ. – А я готов положить все дары этого мира к твоим ногам.

Когда Оборотень говорил такие слова, было безумно легко поверить в его чувства к ней. И Есения постаралась заглу-

ШИТЬ ТИХИЙ ГОЛОС В ГОЛОВЕ, НАПОМИНАЮЩИЙ ЛИСЬЕ ШИПЕНИЕ.

Глава 24

Этой ночью Есения провалилась в сон без пугающих сновидений. Возможно, боги и богини дали ей свое благословение и защитили от дурного, а может, это Блар, что сидела в большой золотой клетке, охраняла ее сон. Брать птицу с собой в покои королевы, наверное, было не лучшей идеей, но Есения не смогла расстаться с ней. Блар едва ли привлекла бы больше внимания, чем ее разные глаза и жемчужные волосы, так что Есения решила махнуть рукой на любопытные взгляды.

Она улыбнулась, вспомнив реакцию Яры на появившуюся вдруг в покоях лазурную птицу. Девушка оцепенела, разглядывая диковинку, но уже пару минут спустя гладила шелковые перья, а Блар взирала на нее со снисходительным терпением.

Оборотень уже ждал ее у винтовой лестницы. Огнеслав, немолодой стражник, напоминающий большое молчаливое полено, уже привык видеть ее каждый день, но чуть помедлил, заметив, что она пришла не одна.

– Оборотень пришел помочь мне, – тепло улыбнулась ему Есения. – Все в порядке, пропусти его.

Огнеслав молча обвел Оборотня сдержанным взглядом, но, видимо, решив, что он не представляет угрозы, посторонился. На Блар он вообще не посмотрел, словно стражники

каждый день здесь видели ярких птиц.

Воздух в покоях был спертым, похоже, служанки давно не заглядывали сюда. Есения первым делом распахнула окно, впустив морозный ветерок. Блар сразу перелетела на подоконник и принялась внимательно оглядывать двор. Спящая королева, увы, не могла приветствовать гостей, и они, не теряя времени присели рядом с ней с двух сторон.

– Мы раньше не пробовали применить нашу связь, как думаешь, что мы должны делать? – неуверенно спросила Есения.

– Думаю, сначала нам нужно почувствовать друг друга. Затем, когда связь укрепится, ты соберешь все свои силы и направишь их на королеву, а я попробую присоединиться к тебе.

Внимательный взгляд Оборотня, казалось, прожигал ее, но Есения запретила себе отвлекаться и сосредоточилась на знакомом тепле в центре груди. Она постаралась почувствовать силу, что излучал Оборотень рядом с ней. Огонь разгорелся внутри, соединяя ее дар и их связь, Есения закрыла глаза и неожиданно увидела в глубине своего разума неяркое сияние. Оно все разрасталось, пока не обрело четкие границы, превращаясь в двуликий образ, справа – человек, а слева – ирбис.

– Оборотень... – прошептала Есения. – Это ты?

«Да», – прошелестел свет, хотя сам Оборотень молчал.

– Кажется, я вижу твою душу.

«Похоже, я смог проникнуть в твой разум. Помнишь, Милош говорил, что мы сможем слышать друг друга мысленно? Видимо, для этого тебе нужно использовать свой дар».

– Скорее, давай попробуем разбудить королеву, я не знаю, сколько мы сможем удерживать связь!

Сейчас Есения ощущала свой дар по-другому, он будто был усилен в десятки раз. Ощувив магию в кончиках пальцев, она сосредоточилась и постаралась проникнуть вглубь сна Софии. Вновь и вновь они с Обратнем бросались на барьер в поисках лазейки. Но стоило ему чуть истончиться, как сразу он снова начинал защищаться, так и не впустив их.

– Не понимаю, почему не выходит? – раздраженно пробормотала Есения, когда, чуть позже, Обратень уговорил ее передохнуть в оранжерее.

Видимо, он надеялся, что этот мирный уголок поможет ей успокоиться, но жгучее разочарование не давало расслабиться ни на минуту.

– У меня есть одна идея... – задумчиво протянул он. – Может, мне попробовать обратиться?

– Ты имеешь в виду, в замке? – растерялась Есения. – Но зачем?

– В последнее время я много думал об ирбисе и моей связи с ним. Когда я обратился в резиденции Гостивара, я почти не испытывал боли, которая стала для меня такой привычной. Но что, если я и не должен каждый раз чувствовать ее? Если причиной этому стало мое упорное нежелание делить

с ним власть? Когда он требовал выпустить его, я каждый раз сопротивлялся и ему приходилось... словно прорываться наружу, понимаешь?

– Ты хочешь сказать, что когда ты добровольно уступаешь ему место, то обращение проходит легче?

– Да, и я думаю, что, выпустив ирбиса, я возможно, смогу еще усилить твой дар.

– Но вдруг тебя кто-то увидит? – нахмурилась Есения. – Ты столько лет скрывал ирбиса от всех, неужели ты готов рискнуть?

– То есть, только тебе можно жертвовать своим временем, силой, здоровьем, чтобы спасти королеву? Ты не думала, что я тоже хочу сделать хоть что-то, чтобы отплатить семье Ратных?

– Хорошо, если ты уверен... но ты не можешь обратиться сейчас, сюда сбежится весь замок.

– Об этом не беспокойся, – ухмыльнулся Оборотень. – Мы сделаем это ночью.

Когда темнота поглотила последний луч солнца, Есения и Оборотень вновь подошли к покоям королевы.

– Какой у нас план? – прошептала Есения. – Как только Огнеслав услышит твое обращение, он сразу же прибежит!

– Не волнуйся, – усмехнулся Оборотень. – Нам повезло,

Огнеслав стережет покои только днем, а ночные стражники всегда меняются. Сегодня ночью дежурит молодой парнишка, Святозар. Он заступает первый раз, очень доверчив, и – еще одно наше преимущество – побаивается всего магического. Тебе нужно только вести себя уверенно и кивать на все, что я говорю.

– И это твой план? – прошипела Есения.

В ответ на ее гневный взгляд Оборотень тихо рассмеялся. У дверей в покои стоял худой молодой человек, казалось, ему не больше пятнадцати летних пор. Форма на нем сидела будто с чужого плеча. Есения сразу постаралась принять уверенный и чуть надменный вид.

– Б-балия? – удивленно спросил страж, увидев их. – Я думал, вы приходите в покои королевы только днем.

– В этот раз балии необходимо провести особый ночной ритуал, – сразу перехватил разговор Оборотень. – Что бы вы ни услышали за дверью, вы не войдете в покои, вам ясно?

Святозар совсем стушевался и неуверенно пробормотал:

– Но как же я не войду, если что-то случится, я же страж королевы.

Голос Оборотня мгновенно стал строгим, и Есения могла представить, как напугали мальчишку его ледяные глаза и пересекающий лицо шрам.

– По-моему, страж, вы забываете, кто перед вами. Это балия короля Земирада, та, кто день за днем пытается пробудить королеву ото сна. Король дал ей добро на все способы,

которыми она может помочь королеве. Если вы войдете сегодня, то весь ритуал сорвется и королева может умереть! Вы этого хотите?

– Нет-нет, конечно, господин Оборотень, – побледнел юноша. – Я не войду в покои, даю слово.

– Что ж, отлично.

Оборотень кивнул ему и открыл дверь перед Есенией, которая за весь разговор не произнесла ни слова, храня многозначительный вид. Только войдя в покои и плотно закрыв за собой дверь, Есения тихо захихикала, чтобы не услышал стражник.

– Сорвется ритуал? Хвала Роду, Оборотень!

– Я придумывал на ходу, – криво улыбнулся Оборотень. – Главное, что сработало. По-моему, я напугал бедного мальчишку до полусмерти, зато теперь он точно не войдет в покои.

– Хорошо, что я не взяла с собой Блар, а то бы он точно рухнул от страха.

Есения отошла к окну, когда Оборотень попросил ее отвернуться. Шум сброшенной одежды заставил ее невольно побагроветь. Она услышала тихий вздох, словно Оборотень готовился к боли, но его стоны и сухой треск костей заняли всего пару мгновений. Есения прислушалась, не войдет ли Святозар, но, видимо, Оборотень и правда сильно напугал его. Тихое рычание позади говорило, что обращение было окончено и через секунду о ее бок потерся ирбис. Есения

протянула руку, и зверь коснулся ее мордой, словно требуя ласки.

– Знаешь,оборотень, таким ты мне нравишься даже больше, – хмыкнула она. – Такой мягкий... и молчаливый.

Его глаза сощурились, и Есения могла бы поклясться богами и богинями, что ирбис насмешливо улыбнулся. Рыкнув, он напомнил, что время уходило, и им стоило поторопиться. Кивнув, Есения настроилась на свой дар, тепло превратилось в жар, когда они с Оборотнем вновь соединились. Сила была еще мощнее, словно ирбис отдавал ее больше. Внутри появился двуликий образ, но на этот раз правую сторону занимал зверь.

Сосредоточив всю магию в руках, Есения ударной волной бросила ее на барьер. Тот сопротивлялся изо всех сил, истончался, дрожал и, казалось, даже рычал от ярости. Но они не остановились, надавили еще сильнее, и вдруг в нем образовался небольшой разлом. Мгновение спустя королева открыла глаза.

Это была победа, хоть и совсем краткая. Спустя секунду барьер отбросил Есению и Оборотня. Разлом закрылся, а королева смежила веки, вновь забываясь магическим сном. Последняя атака на барьер отняла у них почти все силы. Есения рухнула в кресло, Оборотень прилег рядом с ней, все

еще в обличии ирбиса. Пару секунд они молчали, никто из них не мог подобрать слов. Наконец Есения прошептала:

– Мне ведь не показалось? У нас действительно получилось разбудить королеву?

Оборотень не стал утруждаться словами и просто утробно рыкнул в ответ.

– Видимо, это: «Да, Есения, ты не сошла с ума и все было на самом деле?» – устало хмыкнула она.

Затем она вскочила, не обратив внимания на резкое головокружение, что заставило мир чуть пошатнуться.

– Нам нужно рассказать королю!

«Думаю, не стоит беспокоить его среди ночи, – раздался в ее голове голос, что изо всех сил пытался скрыть под насмешливым тоном радость. – Пойдем к нему с самого утра».

Есения кивнула, и они посидели в уютном молчании еще немного, пока Оборотень не накопил достаточно сил для обращения. Святозар взглянул на них с плохо замаскированной опаской.

– Что это были за звуки? – тихо спросил он. – Как будто треск сухих веток.

– Мы готовили все для ритуала, хотя тебе и этого знать не следует, – стараясь не засмеяться, серьезно ответила Есения.

Видимо, с силой Оборотня к ней перетекла и его самоуверенность. Лежа в кровати, Есения снова и снова прокручивала в голове их небольшой, но такой долгожданный успех, и в эту ночь кошмары отступили под натиском ее надежды.

Король сидел не двигаясь уже пару минут, и Есения начала переживать, что потрясение стало для него слишком сильным.

– И вы говорите, что моя жена открыла глаза? – уже в третий раз спросил он.

– Да, ваше величество, – мягко ответила Есения.

Затем король, будто очнувшись, вскочил и подошел к окну. Руки, сомкнутые за спиной, побелели от его хватки.

– Почему пробудить Софию получилось лишь на несколько секунд? Что произошло потом? – наконец почти прошептал он.

– Потом барьер вновь отбросил... Есению назад, – вмешался Оборотень, словно она собиралась выложить королю его секрет.

Король вдруг резко обернулся, и его лицо преобразила широкая улыбка.

– Если у вас получилось пробудить Софию, хотя и всего на мгновение, значит, еще не все потеряно!

Король был так обрадован новостями, что даже не стал спрашивать Есению, почему она была в покоях королевы так поздно. Оставалось надеяться, что Святозар не выдаст, что она была там не одна. Решив обезопасить их от подозрений, она произнесла:

– Ваше величество, если у меня получилось пробить барьер ночью, возможно, мой дар усиливается в это время суток? Сегодня я могла бы снова попробовать...

– Нет, – прервал ее Земирад. – Я благодарен вам и мне претит откладывать ваши попытки, но вы нужны мне на сегодняшнем приеме. В нашем замке все еще гостит делегация из Зэлии, и я хочу, чтобы вы показали ей силу своего дара. У нас с правящей семьей Эвгэни хорошие отношения, однако не стоит забывать и о том, что наше королевство всегда было более развитым, чем наши соседи. Пора им об этом напомнить.

– Но что мне им показать? – растерялась Есения.

– Я даю вам полную свободу, – махнул рукой Земирад, уже погруженный в свои мысли. – Придумайте какой-нибудь номер или еще что-то. Я полностью вам в этом доверяю.

Есения вышла из покоев короля со смешанными чувствами. Она ожидала, что новость о Софии заставит его воспрянуть духом и бросить все силы на ее пробуждение. Ей совсем не хотелось быть потехой для таких людей, как Аминта или Дия, что и так считали ее забавной игрушкой короля.

– Есения, успокойся, – словно почувствовав ее возмущение, сказал Оборотень. – Я знаю, что ты не этого хотела, но просьбы короля – вовсе не просьбы, ты понимаешь?

– Я просто ждала, что он... не знаю, больше обрадуется? – вздохнула она.

– Он король, а не обычный человек. Реагировать сдержан-

но на новости, не важно, добрые или дурные, – это то, чему его учили всю жизнь. Будь к нему снисходительнее.

– Что-то король не был ко мне снисходителен, заставляя выделять фокусы перед гостями из Зэлии, – фыркнула Есения. – К вечеру мне нужно придумать какое-нибудь представление, а я даже не знаю, с чего начать!

– А я-то тебе на что? – усмехнулся Оборотень.

Глава 25

Сегодня Яра превзошла себя. Нежно-зеленое платье с длинным шлейфом было усыпано белоснежными жемчужинами, мягко мерцающими на свету. Подол спускался до пола пышными волнами и должен был как нельзя лучше скрыть тайных помощников Есении. Оборотень за пару часов успел сходить в Крильский лес, чтобы подготовить все необходимое.

Яра собрала волосы Есении в тугую корону, а другую часть оставила распущенной, словно стараясь сделать ее внешность еще ярче, не дав никому из гостей забыть ее силу. Оборотень проводил ее в тронный зал, и Есения пожалела, что он не сможет быть с ней сегодня. Прием был устроен только для делегации из Зэлии и придворных короля, и она вновь почувствовала злой огонек несправедливости всего этого.

Монотонный гул голосов дал понять, что все уже в сборе, и Есения вдруг испугалась. Что, если у нее не выйдет? Она опозорит короля, и тогда...

– Есения, – отвлек ее Оборотень. – Я вижу, как быстро вертятся твои мысли. Все пройдет отлично. Когда ты начнешь, я буду в зале, обещаю. Даже если ты меня не увидишь, знай, что я там.

Неожиданно он прикоснулся губами к ее запястью, пустив

по телу тысячи дрожащих мурашек и заставив забыть о волнении.

– Удачи тебе, – усмехнулся он и, бросив на нее последний хищный взгляд, исчез, оставив ее с багряно-красными щеками и рваным дыханием.

Тронный зал был украшен чуть скромнее, чем во время осеннего бала. Длинные дубовые столы сегодня стояли вдоль стен, оставляя большое пространство посередине – обещание сегодняшнего представления. И вновь король посадил ее рядом с Селинием, который сразу втянул ее в бессмысленный разговор об отличиях тканей для камзолов. Есения слушала вполуха, волнуясь перед представлением, и возможно, отвечала совсем не так, как нужно, но, похоже, ее собеседника это не слишком волновало.

Знакомое имя заставило ее вслушаться в разговор более внимательно.

– Дианзэ сказала, что они с Оборотнем вместе росли в Гринхорне, разве не удивительно, что они встретились вот так, совершенно неожиданно и через столько лет?

Есения повернула голову и встретилась с холодными серыми глазами, говорившими, что этот вопрос был задан вовсе не случайно.

– Скажите, Селиний, а какие именно обязанности Дианзэ выполняет при дворе Эвгени? – не поддалась на провокацию Есения.

– Она наша защитница, естественно. Элейния – друже-

ственная нам страна, но никогда не знаешь наверняка, не правда ли? С Дианзэ мы чувствуем себя спокойно, ведь ее лисья натура всегда настороже, а острые клинки готовы защитить от любой угрозы.

Удивительно, что за последние несколько часов Есения успела услышать от двух королевских особ убеждения в дружбе, за которой скрывалось лишь соперничество и зависть. От продолжения этого неприятного разговора ее отвлек Земирад, объявивший, что балия покажет силу своего дара через несколько минут.

Гости заметно оживились, а для Есении это был знак, что ей нужно подготовиться. Продвигаясь к балкону, она бросила взгляд на Елену, что сидела по левую руку от короля. Принцесса ободряюще ей улыбнулась, она единственная в зале не смотрела на нее с жадным любопытством.

Ледяной ноябрьский ветер чуть охладил щеки, но не прибавил решимости.

– Это так глупо, – тихо вздохнула Есения. – Я помогаю животным, а не использую их для потехи.

– Может, тогда тебе здесь не место? – проворчал голос из темноты.

Сегодня Дианзэ была одета в платье цвета полуночи с серебристыми нитями. Видимо, ради приема она даже сняла свою броню, однако кинжалы на поясе никуда не делись. Зная теперь, зачем они лисице, Есения заметно напряглась.

– Что ты здесь делаешь? – бросила она.

– Пришла пожелать тебе удачи, – издевательски улыбнувшись, протянула Дианзэ. – Наверное, тяжело заставлять животных делать то, чего им совсем не хочется?

– Дия, прекрати, – прорычал Оборотень, неизвестно откуда появившийся в дверях. – Ты ничего не знаешь о ее даре и о ней самой, так что придержи свои клыки.

– Зато я знаю тебя, Эйрон! – янтарные глаза Дии яростно сузились. – Как ты мог променять наше прошлое, нашу связь на эту...

– Давай, продолжай.

Его пальцы начали меняться, превращаясь в когти, а от его угрожающего тона вечерний холод показался лишь шуткой. Верно оценив ситуацию, Дия отступила:

– Я просто хотела сказать...

– Ты достаточно сказала, – рявкнул Оборотень. – Я думал, что ясно объяснил тебе все, но, видимо, я ошибся. Наши отношения закончились, когда я покинул Гринхорн. Да, все произошло не так, как мы хотели, но я смирился и вновь обрел счастье. Тебе я советую сделать то же самое, только уже без меня.

Есения, замерев, ждала реакции Дианзэ. На щеках лисицы расплзлись два ярких алых пятна, рот презрительно искривился.

– Что ж, ладно, будь по-твоему, Эйрон, – бросила она и покинула балкон.

– Извини, что тебе пришлось услышать это, – вздохнул

Оборотень. – Надеюсь, теперь она уймется и перестанет тебя провоцировать.

– Так со мной ты, значит, обрел счастье? – поддразнила Есения.

Она ждала в ответ очередной насмешливой улыбки или колкости, но он лишь обжег ее серьезным взглядом.

– Никогда не сомневайся в этом.

Не успела Есения понять, что она чувствует, как Оборотень резко сменил тему.

– По-моему, ты забыла, зачем мы здесь. Тебе пора в зал, Есения.

И, отбросив все мысли, она сосредоточилась на разливающемся внутри тепле.

Гости замолчали, когда она вышла в центр тронного зала. Слуги приглушили свет, а музыканты, с которыми Есения заранее договорилась, заиграли грустную и прекрасную балладу. Это была песня, что Анастасия пела ей перед сном. Так Есения пыталась сохранить хоть частичку себя в этом выставленном на показ представлении.

Она резко взмахнула подолом, и сотни разноцветных бабочек вспорхнули с него к потолку. Они разлетелись так быстро, что казалось, будто это многоликая радуга промелькнула перед глазами. Гости ахнули. Под аккомпанемент музыкантов Есения сосредоточила свой дар на бабочках, заставив их лететь то в одну сторону, то в другую, собираясь в причудливые фигуры. Вот они изобразили колокольчик, чья

тяжелая головка клонила к земле, а после сложились в бегущую по полям мерцающую лань. Есения приказала им лететь вперед, и они пронеслись над головами гостей, заставив тех восхищенно зааплодировать. Высоко под потолком они сложились в голову дракона – герб Ратных.

Есения подняла руки в стороны, и бабочки мгновенно вернулись к ней, превратив ее платье в красочное полотно. Но самое волшебное было еще впереди. Музыка играла все громче, переходя к финальному аккорду, и на нем, самом высоком и протяжном, в зал влетела Блар. Ярким лазурным вихрем она взвилась вверх, опустив на головы гостей блестящие песчинки. Медленно кружась, они опускались вниз, даря ощущение, словно ты оказался под звездопадом.

На секунду все смолкло, чтобы потом обрушиться на Есению волной громких аплодисментов. Гости повскакивали с мест, на их лицах теперь читалось восхищение, а не простое любопытство. Есения бросила взгляд на короля, который смотрел на нее с неменьшим удивлением, чем все остальные. Однако он быстро взял себя в руки и на губах его заиграла довольная улыбка. Поклонившись Земираду, Есения вышла на балкон, чтобы отпустить с Родом созданий, что так помогли ей сегодня.

Оборотень куда-то испарился, а ей так хотелось поделить-

ся с ним своим успехом. Но вместо этого ей пришлось общаться с сотней гостей, каждый из которых хотел перемолвиться с ней словечком и сказать, как прекрасен ее дар. Есению смущало такое внимание, день был долгим, и она бы предпочла поскорее скрыться в тишине своих покоев.

Земирад ловко умыкнул ее из цепких лап одной дамы, задававшей один неловкий вопрос за другим.

– Ну что же, Есения, я каждый день открываю в вас что-то новое. Как вы смогли отыскать бабочек в ноябре? Я думал, все они исчезают с приходом холодов.

–оборотню удалось найти их в дупле старого клена в Крильском лесу, а я смогла... убедить их помочь, – улыбнулась Есения.

– А что же ваша синяя птица? – хитро посмотрел на нее король, а затем перевел взгляд на Блар, что чинно сидела у нее на плече. – Это и правда было волшебство, когда она взлетела вверх? И, кстати, откуда она взялась? Это создание... Оно явно не отсюда.

– Никакого волшебства, ваше величество. Всего лишь порошок черной лилии и немного янтаря. Но люди верят в то, во что хотят верить. Блар – тому подтверждение. Кто-то может сказать, что это магическая птица, рождающая звездную пыль, но она просто моя защитница, хотя и очень красивая. Ее подарил мне Оборотень, скоро мне исполнится семнадцать летних пор.

– Как щедро с его стороны, – усмехнулся король, заста-

вив ее гадать, не намеком ли это было. – Семнадцать летних пор... Оборотень говорил мне, что вы не знали о своем даре до недавнего времени?

Такая перемена темы сбивала с толку, и Есения осторожно ответила:

– Это так, ваше величество. Когда Оборотень пришел за мной в Удолию...

– Вы жили там с Анастасией, не так ли? Наверное, вам было тяжело узнать о ее лжи? – нахмурился король.

Сам того не зная, Земирад задел ее самое уязвимое место. Опустив глаза, Есения проговорила:

– Да, мне было... нелегко.

– Знаете, Есения, во времена моего отца законы в отношении балий были очень строги. Тот, кто похитил одну из вас, был бы сразу казнен... Однако я считаю такие обычаи варварскими. Если бы Анастасия покаялась в совершенном преступлении, я бы мог поступить милосердно.

Есения вскинула взгляд и встретила с теплыми карими глазами, словно уговаривающими ее признаться в недавней встрече с Анастасией. Какая-то неуловимая мысль, дурное предчувствие заставило ее быть осторожной и ответить:

– Вы очень добры, ваше величество, но я не виделась с ней почти два месяца. С тех пор, как ушла из родной деревни.

Король еще пару мгновений внимательно смотрел на нее, а затем будто расслабился.

– Что ж хорошо, Есения. Прошу, наслаждайтесь остав-

шимся вечером. Ваше выступление было чудесным, вы меня не разочаровали.

Разговор с королем окончательно лишил ее сил, и Есения решила не следовать его совету, а потихоньку выскользнуть из тронного зала. Факелы отбрасывали пляшущие тени на гобелены с изображениями Ратных. У портрета Драгомира Есения помедлила, недоумевая, как могла память о таком чудовище висеть на почетном месте. Видимо, Земирад действительно почитал своих предков, а может, до этого портрета у него пока просто не дошли руки.

Ее размышления прервал томный голос, видимо, щедро сдобренный королевским вином:

– Балия, почему вы так рано ушли? Вы должны мне танец!

Селиний чуть пошатнулся, и сомнений в его намерениях не осталось. Впрочем, потом Есения еще не раз винила себя в том, что недооценила его.

– Прошу прощения, но я очень устала и отправляюсь в свой покой, – холодно ответила Есения.

– Всего один танец, балия, – пьяно ухмыльнулся он. – Я не так уж много прошу.

– Нет, я ухожу.

Есения сделала шаг вперед, но Селиний и не думал посторониться. Серые глаза сощурились, а вид его вмиг утратил вежливость.

– По-моему, вы не понимаете, Есения. Я делегат из Зэлии, друг короля, а кто вы? Просто очередная служанка на побе-

гушках у Земирада. Если вы не хотите танцевать со мной по-хорошему, я могу вам приказать.

– Я служу только королю, и вы не смеете приказывать мне! – вспыхнула она. – Я сказала вам «нет»! Оставьте меня в покое!

Блар, будто почувствовав угрозу, чуть крепче схватилась за ее плечо.

– Ах ты, мерзкая девка! – зло бросил Селиний. – Как ты смеешь так со мной разговаривать?

– Так вот она, «знаменитая обходительность семьи Эвгени»? – ухмыльнулась Есения, хотя все внутри нее сжалось от страха.

Селиний вдруг шагнул вперед и сжал в стальной хватке ее локти.

– Дианзэ говорила, что ты упряма и надменна, но ничего, я научу тебя манерам, – процедил Селиний, дернув ее на себя.

Невольно или специально, он смахнул Блар с ее плеча, и та встревоженно вскрикнула, описав полукруг. Одной рукой обхватив Есению за талию, Селиний крепко стиснул ее запястья. В коридоре было безлюдно, и никто не слышал, как она вскрикнула от боли.

Пронзительный крик разорвал тишину, и Блар спикировала вниз, напав на отшатнувшегося Селиния. Она пыталась клюнуть его в лицо, ее длинные крылья бешено бились, подарив Есении возможность сбежать. Сердце билось повсюду,

когда она неслась, объятая ужасом, до своих покоев. Блар, спустя пару секунд последовала за ней, и вслед им летели проклятия Селиния.

Есения вбежала в покои, резко захлопнув за собой дверь. Яра сразу вскочила с кресла, где, скорее всего, последние часы дремала.

– Госпожа, что случилось? На вас лица нет!

– Этот сын Чернобога напал на меня, – тяжело дыша, ответила Есения.

Ей все еще не верилось, что опасность миновала.

– Кто на вас напал? – побледнела Яра. – Вы в порядке?

– Да, я... скоро буду, не переживай. Делегат из Зэлии, Селиний, оказался полным... Мне нужно к королю! Если он отправится к нему сейчас, то расскажет ему новость что обо всем этом.

– Госпожа, подождите! Час слишком поздний, король уже наверняка уединился в своих покоях. Сегодня уже никто не сможет к нему пойти. Боюсь, вам придется подождать до утра.

Напряжение погасло, оставив во рту привкус пепла. Есения чувствовала себя грязной, словно ее вываляли в столетней пыли на главной площади.

– Значит, утром первым делом пойду к королю, – вздох-

нула она. – Как думаешь, уже слишком поздно просить тебя приготовить мне ванну?

Яра, словно волшебница, отодвинула ширму, за которой поднимался ароматный густой пар. Есения устыдилась своих поспешных выводов и воскликнула:

– Яра, ты просто моя спасительница!

Девушка ярко зарделась и отмахнулась от похвалы. Теплая вода очистила тело от скверных рук, но голова по-прежнему была полна разъедающих мыслей. Селиний упомянул Дию, неужели она имеет отношение к этому отвратительному событию?

Мягкая кровать манила Есению, но она догадывалась, что сегодня кошмары набросятся на нее яростной стаей. И она не ошиблась. Есения бежала, сама не зная от чего, подгоняемая страхом. Она снова оказалась в резиденции Гостивара, в самом повторяющемся изо дня в день сне. Ей снилось, что она бежит по узким улицам Горниграда, спасаясь от стражи наместника. Она слышала их крики за своей спиной, чувствовала их приближение. Но неожиданно сцена изменилась, и она оказалась позади знакомого бледно-голубого дома.

Милош стоял в маленьком яблоневоm саду спиной к ней. Вдруг он повернулся, и его глаза расширились от страха.

– Беги, – прошептал он умоляюще, но тут сад заполонили гвардейцы.

Они грубо схватили Милоша и сковали ему руки за спиной. Есения вырывалась, стараясь приблизиться к нему, од-

нако двое гвардейцев держали ее сзади.

– Нет, не трогайте его, – умоляла Есения, но ее голос... был каким-то другим.

Острый штык блеснул на свету, когда гвардеец поднял его над головой.

– Не-е-ет... – услышала она свой надрывный крик, когда гвардеец опустил штык на спину Милоша.

Есения резко проснулась. Этот сон отличался от других. Сердце ее стучало быстро, как и всегда, когда она просыпалась от кошмаров. Однако в этот раз что-то изменилось, но, как бы Есения ни старалась ухватить смутную догадку, она ускользала из рук словно юркая морская вода.

Глава 26

Из-за почти бессонной ночи Есения проспала, а значит, скорее всего, потеряла возможность объясниться перед королем первой. Руки немного дрожали, когда она шла к его покоям, но Есения старалась разжечь в себе тот яростный огонек, который помог бы ей отстоять правду.

Постучав, она дождалась разрешения и вошла. По напряженному взгляду Земирада Есения поняла, что сбылись ее худшие опасения. Селиний стоял у окна, его лицо светилось самодовольством, и она невольно отступила на шаг, вновь ощутив тонкие паучьи лапки страха.

– Есения... – строго начал король. – Селиний рассказал о вчерашнем... происшествии.

– Происшествии? – задохнулась она от возмущения. – Селиний напал на меня!

– Это грязная ложь, Земирад! – бросил Селиний, притворно вздохнув. – Твоя балия кроме того, что развратна, так еще и лгунья.

От страха не осталось и следа, только гнев раскаленным металлом бежал по венам. Есения чувствовала, как покраснели ее щеки, когда она повернулась к этому сыну Чернобога.

– Да как вы смеете...

– Есения, помолчите, – рявкнул Земирад.

Затем, он повернулся к делегату и добавил:

– Селиний, я достаточно услышал от тебя. Больше тебя не задерживаю. Уверяю, что мы разберемся в сложившейся ситуации и все виновные будут наказаны.

Селиний кивнул и, бросив последний ленивый взгляд на Есению, вышел из покоев. Земирад же перевел на нее тяжелый взгляд.

– Что ж, Есения. Может, теперь *вы* объясните мне, что произошло вчера после приема?

Она понимала, что бурные эмоции сейчас повредили бы ей, ведь король ценил сдержанность. Есения постаралась обуздать ярость и рассказать все спокойно, не утаив даже часть истории про вмешательство Блар, что бросилась ей на помощь.

– Да, Селиний рассказал мне, что ваша птица чуть не выклевывала ему глаза, – нахмурился король. – Это так?

– Блар лишь защищала меня от этого... человека! – вспыхнула Есения, забыв о хладнокровии. – Она не сделала ничего дурного!

Пару секунд Земирад молчал, лишь его глаза прожигали ее, задумчиво сузившись. Затем, король вздохнул и произнес:

– Есения, я знаю о репутации Селиния... и верю вам. Однако я – король, а Селиний Эвгени – мой гость и брат короля Ээлии. Вы понимаете, что я не могу оставить без внимания этот случай. Боюсь, мне придется принять меры.

У нее закружилась голова. Она ждала, что король сейчас позовет стражников, которые бросят ее в самую глубокую темницу в этом замке, однако Земирад придумал более жестокую кару.

– Я не стану наказывать вас, Есения. Я знаю, что вы невиновны, и поговорю с Селинием. Он мой друг, и я смогу убедить его смягчиться. Однако, боюсь, я должен что-то предложить ему взамен, – печально взглянул на нее Земирад. – Я не могу позволить, чтобы в замке вредили моим гостям, поэтому вашу птицу мне, увы, придется... казнить.

– Нет, ваше величество, – похолодела она. – Прошу, накажите лучше меня, не Блар. Она невиновна...

– Я все решил, Есения, – отвел глаза король. – За вашей птицей вскоре придет стражник. А теперь идите.

Она вылетела из покоев короля и стремглав побежала к комнате Оборотня. Есения не хотела его вмешивать, предвидя его реакцию, однако он мог помочь спасти Блар, и ей пришлось рискнуть. Неожиданно она столкнулась с ним у лестницы, что вела в ее покои. Оборотень растерялся и подхватил ее под локти, чтобы она не упала, однако его руки, что всегда дарили покой, теперь вызвали резкое ощущения ужаса. Есения отшатнулась и прижалась к стене. «Бежать, бежать», – билось внутри.

– Есения, что случилось? – побледнел Оборотень, напряженно оглядев ее с головы до ног. – Ты ранена?

Этот бархатный голос, так непохожий на томный самодо-

вольный яд Селиния, наконец помог ей сбросить наваждение и вдохнуть.

– Прости я... – прошептала она, но тут слезы прорвались через преграду, и больше она не могла вымолвить ни слова.

Оборотень шагнул к ней, но словно вспомнил ее реакцию, остановился и просто показал рукой на дверь ее покоев.

– Давай зайдем, и ты мне все расскажешь.

Терпеливо дождавшись, пока не кончатся ее слезы, он так же молча выслушал ее сбивчивый рассказ. Только лицо его с каждой минутой становилось все более яростным, пока на нем не начали проступать звериные черты, а пальцы не заострились.

– Давай-ка проясним, – прорычал он. – Селиний посмел напасть на балию короля, а затем солгал ему, сказав, что это ты набросилась на него? И теперь Блар казнят из-за того, что какой-то подлый червяк наболтал?

– Да!

Есения невольно улыбнулась тому, как точно Оборотень сумел вместить в два предложения столько часов ее беспокойства и страха. Однако затем из груди вновь вырвался уродливый всхлип. Заметив это, Оборотень, казалось, совладал с гневом и мягко сжал ее ладонь, следя за ее реакцией.

– Не волнуйся, мы что-нибудь придумаем, – сжав зубы, процедил он. – Никто не заберет Блар.

Они оба посмотрели на прекрасную синюю птицу, что, сидя в своей большой клетке, внимательно глядела на них. Она

будто говорила Есении: «Я знаю, что скоро погибну, но ты не виновата в этом».

– Я знал, что-то случилось с тобой вчера, – вдруг произнес Оборотень, – почувствовал это через связь. Но когда я пришел к твоим покоям, Яра сказала, что ты уже спишь, и я подумал, что, возможно, дело снова в твоих кошмарах.

Есения удивленно распахнула глаза, а он добавил:

– Да, я знаю о кошмарах, я же твой хранитель, помнишь? Думаешь, чувствуя твой страх, я спокойно сплю?

– Если ты знал о них, почему раньше не сказал?

– Ждал, когда ты сама мне расскажешь, я думал, что ты... не готова обсуждать это. Что ты видишь в них?

– Эти сны... – вздохнула Есения. – Они такие реальные, словно я живу в них, живу в кошмаре. Не знаю, почему вижу их так часто. Наверное, постоянное напряжение и использование дара так подтачивают мои силы.

– Боюсь, с этим я не могу помочь тебе, – отвел глаза Оборотень. – Зато я могу постараться спасти Блар.

– Но как? Король сказал, что стража скоро заберет ее. Что мне тогда делать?

– Тяни время, сколько сможешь. Мне нужно отлучиться ненадолго, – он резко поднялся. – Надеюсь, все получится... – пробормотал Оборотень почти про себя, покидая ее покои, и Есении оставалось только с ним согласиться.

День начал клониться к закату, Солнечный круг Хорса пробил шесть часов, а Оборотня все не было. Вдруг раздался громкий стук в дверь. Есения вскочила, думая, что это он, однако из-за двери раздался строгий голос:

– Балия, по приказу короля мы пришли за вашей птицей. Откройте дверь.

– Нет, – с ужасом прошептала Есения.

Что бы Оборотень ни планировал – он не успел. Нужно было действовать быстро, полагаться теперь можно было лишь на себя. Есения открыла клетку, и Блар перелетела к ней на плечо. Подбежав к окну, она настежь распахнула ставни. Холодный воздух мгновенно обжег плечи, прикрытые лишь тонкой рубашкой. Нежно погладив птицу по голове, Есения тихо проговорила:

– Прошу тебя, улетай. Ты не можешь больше оставаться со мной, иначе погибнешь.

Сердце разрывалось от боли, ведь, несмотря на то, что Блар была с ней совсем недолго, Есения успела привязаться к этому прекрасному и храброму созданию. Птица, словно чувствуя ее метания, не улетала, а лишь внимательно вглядывалась в ее глаза, словно спрашивая, уверена ли она?

– Балия, откройте дверь немедленно! Это приказ короля! – звучал все громче голос стражника за дверью.

Времени не осталось, и Есения ссадила Блар с плеча, опустив ее на подоконник.

– Улетай же, – твердо произнесла она.

На этот раз птица опустила голову, будто кланяясь ей в прощальном жесте, и взмыла в небеса. Есения подошла к двери и отперла ее. Двое молодых стражников зашли в покои, внимательно оглядываясь по сторонам.

– Где птица, баляя? – спросил тот, кто выкрикивал приказы за дверь. – Вы знаете повеление короля, отдайте ее нам.

– К сожалению, я не могу этого сделать, – ровным голосом ответила Есения. – Она улетела.

– Улетела? – подозрительно спросил стражник. – Как удобно, что она сделала это именно тогда, когда мы пришли за ней.

– Птицы – свободолюбивые существа, стражник, – холодно бросила она. – Невозможно удержать их, если они того не хотят.

– Не думайте, что вам это сойдет с рук, баляя, – процедил он. – Король обещал делегату кого-то казнить. Если птицы нет, как думаете, кто займет ее место?

С этими словами стражники покинули покои Есении, а она тяжело опустилась на кровать. Все это время она задерживала дыхание, а теперь наконец могла расслабиться, хотя бы ненадолго. Жестокие слова стражника крутились у нее в голове. Король был добр к ней, но если ему придется выбирать между Селинием и ею, кого он предпочтет?

Примерно через час в дверь вновь постучали. Есения ожидала увидеть целый отряд гвардейцев, которые сопроводят ее в темницу, однако это была лишь немолодая служанка с недовольно поджатыми губами.

– Балия, король хочет вас видеть, – глухо произнесла она, и Есения, с бешено бьющимся сердцем, отправилась в покои Земирада.

Помня слова стражника, она готовилась к худшему. Она думала об Оборотне, который не сможет смотреть на ее казнь и попытается спасти ее, обрекая и себя на гибель. Думала о королеве, которая так и останется навсегда погруженной в магический сон. Думала об Анастасии, которая рискнула жизнью, возвращаясь в Хорсан, чтобы присмотреть за ней, а Есения ее оттолкнула. Сейчас она жалела о злых словах, что бросила ей в последнюю встречу.

Двери покоев короля распахнулись, впуская Есению на встречу своему приговору. Она решила быть стойкой и ни за что не заплакать. Однако в покоях ее ждал не только король. Здесь также был советник Ведомир, который смотрел на Есению успокаивающим взглядом, а также один из делегатов Зэлии. «Его имя – Эйас», – отстраненно вспомнила она.

Рядом с большим бархатным креслом стояла Дианзэ, вновь одетая в кожаную броню, глаза ее угрожающе сощу-

рись. Одна ее рука, словно невзначай, лежала на кинжале, а вторую она опустила в защитном жесте на спинку кресла. Есения не сразу поняла, кого охраняла Дия. Селиний весь будто сморщился, от его самодовольного вида не осталось и следа. Свежий ярко-алый порез пересекал его лицо, он затравленно смотрел на Есению, будто боялся ее больше всего на свете. Едва она узнала его, как брат короля Зэлии опустил взгляд, стараясь, казалось бы, сделаться еще незаметнее.

– Что произошло? – нахмурилась Есения.

– Сегодня делегация из Зэлии прогуливалась по центру Хорсана, а затем по Крильском лесу, – ровно ответил король. – В лесу на Селиния напали. Он говорит, что это было... животное, но от потрясения он, к сожалению, не смог вспомнить какое. В любом случае, если это был какой-то дикий зверь, ему повезло, что он отделался лишь порезом на лице.

– Повезло, ваше величество? – прошипела Дианзэ. – Вы хотите сказать, что в вашем королевстве нападать на гостей считается нормальным?

Есения не дрогнула под ее хищным взглядом, боясь выдать свою догадку. Похоже, Селиний не знал, что Оборотень тоже превращается в животное, а может, он действительно потерял память.

– Дия, перестань, – раздался вдруг тихий голос из кресла. Селиний с трудом поднялся на ноги, отмахнувшись от руки Дианзэ.

– Встреча с этим животным заставила меня задуматься о жизни... и моем поведении.

Затем он перевел взгляд на Есению, и она поразилась, какими потухшим казался сейчас ее недавний обидчик.

– Я приношу вам извинения, баляя, – продолжил он. – Я напал на вас и затем оклеветал перед Земирадом, ибо моя гордость не дала мне сказать правду. Я раскаиваюсь в этом и надеюсь на ваше прощение.

Есения потеряла дар речи. Она ожидала чего угодно: объявление о своей казни; новости, что стражники все-таки поймали Блар; Оборотня, скованного цепями, но точно не того, что она дождется извинений от Селиния. Когда она шла сюда, в ее сердце все еще пылала ярость на этого ничтожного человека, но глядя на него сейчас, бледного, наполненного ужасом от пережитых событий, с прерывающимся голосом, она не могла испытывать ничего, кроме жалости.

Земирад спокойно смотрел на Есению, уступая ей право на решение. Вздохнув, она бросила твердый взгляд на брата короля Зэлии и произнесла:

– Я прощаю вас, Селиний. Больше не терзайтесь муками совести, по крайней мере на мой счет.

Казалось, что он ждал только этих слов, чтобы силы окончательно покинули его. Селиний признательно кивнул и тяжело опустился обратно в кресло.

– Ну что ж, – довольно произнес король. – При свидетелях мы разрешили этот конфликт, чему я безгранично рад. Мы

сделаем все возможное, чтобы найти животное, что напало на тебя, Селиний. Уверяю вас, что раньше такого не случилось в нашем лесу. Мы поймаем его, не волнуясь.

На этом спор был окончен. Селиний поднялся, тяжело опираясь на плечо Дианзэ. Она не удостоила Есению и взглядом, однако всем видом выражала неодобрение. Эйас – высокий немолодой мужчина в наглухо застегнутом камзоле, не проронил ни слова за весь этот короткий разговор. Он молча поклонился и вышел вслед за Селинием.

– Интересно, что это за таинственный зверь напал на делегата в лесу, где живут только птицы да белки? – тихо хмыкнул советник Ведомир, когда прошел мимо.

– Есения, задержитесь, – произнес король и жестом предложил ей сесть. – Я рад, что эта постыдная глава закрыта. Решение казнить вашу птицу мне далось нелегко, и я рад, что не пришлось исполнять приговор. Кстати, мне доложили, что она неожиданно улетела? – проницательно посмотрел он на нее.

– Так и есть, ваше величество.

– Что ж, теперь, когда все закончилось, думаю, она скоро... вернется? – хитро улыбнулся Земирад.

– Все может быть, – ровно ответила она.

Король помолчал пару минут, а затем вдруг спросил:

– Скажите, Есения, вы больше не связывались с лесом Гринхорн?

Она чуть растерялась от резкой смены темы, но честно

ответила:

– Нет, ваше величество. У меня не было возможности, ведь я все время проводила с королевой.

– Поймите, – отвел он глаза, словно стараясь скрыть свою слабость. – Когда вы рассказали о том, что у вас получилось разбудить Софию, я стал надеяться... может быть Великий Олень все же поможет нам? Раз вы доказали ему свой дар.

– Боюсь, защитник леса не отступит от своих слов, – вздохнула Есения. – Но я обещаю вам, что сделаю все, чтобы помочь королеве.

– Хорошо, я понял вас, – разочарованно проговорил Земирад. – Тогда с сегодняшнего дня продолжайте пытаться.

Поклонившись Земираду, Есения вышла из его покоев. События сегодняшнего дня так быстро сменяли друг друга, что кружилась голова. Беспокойство, страх, надежда, потеря, а затем хорошие вести... от этого становилось не по себе. Но еще больше тревожило понимание, как легко другие могли распорядиться ее жизнью.

Оборотень ждал ее в покоях. Едва увидев его, Есения бросилась к нему, тесно прижавшись к груди.

– Как же я рада, что ты здесь... – прошептала она.

– Как все прошло у короля? – ухмыльнулся Оборотень, за что сразу получил ощутимый тычок в бок.

– Как ты мог напасть на Селиния! – пробормотала Есения. – А если бы тебя увидели?

– Этот глупец сам предоставил мне возможность, отстав от остальных делегатов. Было достаточно просто припугнуть его, прорывав, чтобы он оставил тебя в покое.

– Он говорит, что не помнит, кто на него напал...

– Еще бы, – фыркнул Оборотень. – Иначе ему пришлось бы объяснять всем, что на него не просто напал огромный ирбис, но еще и говорящий. Да его бы посчитали сумасшедшим!

– Мне кажется, Дианзэ догадалась, что это был ты, – Есения нахмурилась и отошла на шаг. – Что, если она все расскажет?

– Что бы ни было между нами... я думаю, она меня не выдаст.

От такой уверенности внутри Есении разлилась едкая горечь.

– Она все еще любит тебя, – бросила она, отвернувшись.

Оборотень подошел ближе и заставил ее поднять взгляд.

– Может и так, но в моем сердце больше нет чувств к ней.

И снова его губы прижались к ее в нежном поцелуе. Однако между ними по-прежнему стояла стена его сдержанности, и едва Есения прижалась к нему крепче, как Оборотень разорвал поцелуй.

– Нам пора отправляться к королеве, – тихо сказал он, отвернувшись.

Есения постаралась скрыть, как ранили ее постоянные отказы. Ей оставалось только выбросить из головы все печальные мысли и сосредоточиться на помощи королеве. Однако сегодняшние их попытки принесли лишь разочарование. Оборотень побоялся обращаться при свете дня, а их связи, похоже, было недостаточно. Барьер будто стал еще сильнее, не давая им ни на секунду прорвать защиту.

Когда Солнечный круг Хорса пробил полночь, Есения без сил рухнула в кровать. Напряжение этого дня навалилось на нее своей чугунной тяжестью, и она провалилась в сон без сновидений. Она не сразу поняла, что ее разбудило. Стараясь сбросить дремоту, она резко осознала две вещи: в промерзшей комнате слабо пахнет лавандой, а к ее шее приставлен острый клинок.

Глава 27

– Тебя предупреждали, чтобы ты убиралась из Хорсана, – свистящим шепотом произнес незнакомец. – Но ты оказалась слишком упрямой, маленькая балия. Даю тебе последний шанс. Завтра утром собирай вещи и беги без оглядки домой, в свою деревню. Иначе здесь тебя ждет лишь смерть.

Дверь резко распахнулась, и в покои вбежал Оборотень. Увидев, что происходит, он тотчас выхватил клинок, однако ночной гость не стал ждать нападения. Спустя мгновение он выпрыгнул в распахнутое окно, оставив после себя лишь легко колышущуюся штору. Оборотень бросился к окну, словно размышляя, не прыгнуть ли вслед за незнакомцем, но затем выругался и подошел к Есении.

– Ты в порядке? – схватив ее за плечи, спросил Оборотень. – Не ранена?

– Нет, со мной все хорошо.

Она даже не успела испугаться, так быстро все произошло, но теперь дымка сна развеялась и ее начало трясти. Оборотень накинул халат ей на плечи, но Есения все равно дрожала. До нее начала доходить мысль об опасности, что только что подстерегла ее в собственной комнате.

– Он сказал, чтобы я бежала из Хорсана, что он меня предупреждал...

– Он? Это был мужчина?

– Я не уверена, – пробормотала Есения. – Он говорил шепотом, я не знаю, кто это был. Зачем ему это? Что я такого сделала этому незнакомцу, что он так хочет избавиться от меня?

– Не знаю, – мрачно ответил Оборотень. – Но это зашло слишком далеко. Мы больше не можем скрывать от короля, что тебе угрожает опасность.

– Как ты узнал, что на меня напали? Связь подсказала?

– Да, она меня разбудила. Я сразу понял, что тебе грозит опасность.

– Думаешь, король разозлится, что мы не сказали ему обо всем раньше?

– Боюсь, он будет в ярости.

К сожалению, Оборотень не ошибся в своих предположениях.

– И вы говорите мне об этом только сейчас? – ходил из стороны в сторону Земирад. – Почему я узнаю последним о том, что моей балии угрожает опасность?

– Ваше величество... – начала она.

– Нет, ни слова! – прогремел король. – Вы проявили преступную легкомысленность, Есения! Вы должны были рассказать мне, когда получили первые послания с угрозами! А ты, Оборотень! Как ты мог скрыть от меня это? После всего, что Ратные сделали для тебя! Неужели я не могу тебе доверять?

Сейчас Земирада было просто не узнать. Его обычная

сдержанность рухнула под влиянием гнева, и Есения почувствовала внутри тихий фитилек страха.

– Ваше величество, мы просто не хотели беспокоить вас, – побледнел Оборотень.

– Беспокоить? Когда мою балию пытаются убить, это, по вашему, простое беспокойство? – процедил король.

Гнетущее молчание опустилось на покои Земирада, пока он думал, что с ними делать. Наконец он немного пришел в себя и строго произнес:

– Значит так... пока у меня нет времени, чтобы придумать вам наказание. Гости из Зэлии отбывают завтра, и мне нужно с должным уважением их проводить. Я пришлю охрану к вашим покоям, Есения. Теперь вы нигде не будете ходить одна, вас будут сопровождать двое стражников, это ясно?

– Да, ваше величество, – покорно пробормотала Есения, и с этим король их отпустил.

Бросаться в битву с барьером сегодня было попросту глупо, потому что без Оборотня у Есении все равно бы ничего не вышло. Теперь, когда ее сопровождала охрана, они больше не могли незаметно проникнуть ночью в покои королевы. Решив побыть в одиночестве, Есения снова и снова прокручивала в памяти нападение незнакомца. Что-то не давало ей покоя, словно нить, которую она вот-вот должна была поймать, вновь ускользала от нее.

Чуть ранее она попросила Яру принести ей сушеную ла-

ванду, и теперь Есения задумчиво вертела веточку между пальцев, вдыхая терпкий аромат. И вдруг она вспомнила, где недавно чувствовала этот запах. И вместе с этим, словно соединенные кусочки разбитого фарфора, в ее голове сложилась вся картина.

Чтобы окончательно убедиться в том, что она права, Есении пришлось дожидаться ночи. Она знала, что стража возле ее покоев менялась в полночь. Между сменами была всего минута, чтобы выбраться из покоев незамеченной. О том, как она будет возвращаться обратно, Есения старалась сейчас не думать.

Как только Солнечный круг пробил полночь, она тихо подошла к двери, прислушиваясь. Заметив, что стража ушла, она мигом выбежала из покоев. Есения торопилась так, словно за ней гнались, но это беспокойные мысли заставляли ее нестись так быстро. Скорее, к западной лестнице. И вот он был перед ней. Зброшенный этаж.

Есения отворила тяжелую дверь и оказалась среди разрушения. Однако ковер на полу по-прежнему был чистым, и теперь она знала почему. Неслышно ступая по толстому ворсу, Есения все отчетливее чувствовала запах лаванды. Все комнаты здесь были полны пыли и серебристых нитей паутины, но она знала, что где-то в глубине есть то, что она ищет.

Тихий шорох привел ее в маленькую комнатку, что выглядела по сравнению с остальными очень даже жилой.

Кровать, потрепанное кресло, небольшой дубовый шкаф да письменный стол – вот и все убранство, что мог позволить себе обитающий здесь человек. За столом, скрепя пером, сидела фигура в знакомом черном плаще. Услышав шаги за спиной, она повернулась и сбросила капюшон. Есения была почти уверена, кого увидит перед собой, но все же сердце сжалось от страха, будто она встретила призрака. Возможно, так оно и было.

– Здравствуй, Есения, – сдержанно кивнула Надия, словно не было ничего странного в том, что баляя, погибшая четыре года назад, сейчас сидела здесь. – Я знала, что рано или поздно ты догадаешься, где я. Что меня выдало?

– Когда я была в этом крыле замка в прошлый раз, я почувствовала запах лаванды, – бросила Есения, стараясь скрыть волнение. – А затем еще раз... когда ты напала на меня.

– Так ты не знала, что это я живу в западном крыле?

Ее разные глаза цвета стали и зелени, разочарованно вспыхнули.

– Я догадывалась... из-за кошмаров. Это твоих рук дело, не так ли? – прищурилась Есения. – Я никогда раньше не видела таких страшных снов – до недавнего времени. Все они были слишком реалистичными. Я поняла, что в них магическая сущность, в ночь, когда мне приснился чужой кошмар.

Смуглая кожа Надии побледнела от страха, когда Есения продолжила:

– Насылая на меня видения, ты не учла, что я тоже балия. Ты пустила часть себя в мои сны, и я увидела не свой кошмар... а твой. Когда ты показала мне яблоневый сад, где я никогда не была, то я поняла, что вижу не свои воспоминания. Это была лишь догадка, она и привела меня сюда.

– Есения, послушай... – начала Надия.

– Нет, это ты послушай! – взорвалась она. – Ты такая же балия, как и я. Тогда почему ты делаешь это? Сначала меня чуть не убила лошадь на площади, затем послания с угрозами, кошмары, потом нападение!

Есения прервалась, озаренная еще одной догадкой.

– В тот день, когда мы с Оборотнем поехали к Гринхорну одни... он сказал, что почувствовал чье-то присутствие, а затем магическая стена отбросила меня. Это тоже была ты, не так ли?

– Да, это была я, – отвела Надия взгляд.

– Магический барьер мог убить меня! Что тебе нужно? Почему ты так меня ненавидишь?

Надия вскочила, и ее длинные волосы цвета полуночи взметнулись за спиной.

– Ненавижу? Нет, Есения все не так. Я лишь хотела тебя защитить...

– Убив меня?

– Лошадь должна была лишь тебя напугать! И эти посла-

ния... Я напала на тебя вчера только потому, что была в отчаянии. Тебе нужно немедленно покинуть Хорсан!

– Но зачем? – растерялась Есения. – Я не понимаю...

– Здесь ты в опасности. Узнав, что в замок прибывает новая балия, я сделала все, чтобы отпугнуть тебя от этого места, чтобы ты сбежала. Но упрямства тебе не занимать, впрочем, в этом мы похожи.

Есения покачала головой и отступила от Надии на шаг.

– Как я могу верить тебе? – сказала она. – Ты пыталась изгнать меня из замка, пробираясь в мою голову, когда я была уязвима больше всего. Ты играла моими снами, заставляя видеть смерть любимых снова и снова!

Надия поджала губы и помолчала несколько секунд, словно собираясь с силами.

– Я просто хочу убереечь тебя от моей судьбы, – наконец вздохнула она.

– Какой судьбы?

– Пленницы этого замка... Есения, ты права, у тебя нет причин верить мне. Но хотя бы послушай мою историю, прежде чем клеймить меня злодейкой.

Надия жестом поманила ее присесть на изношенное временем кресло, ее глаза умоляюще сощурились. Есению все еще трясло от гнева, но она резко села, стараясь не морщиться от его жесткости.

– Все началось, когда я прибыла служить королю Радиславу, – начала Надия, пристально глядя вперед. – Сначала

все было прекрасно. Король был добр ко мне. У меня была единственная задача – наладить связь с лесом Гринхорн, как и у всех балий до меня. Раз за разом я ездила к лесу, обрушивала всю силу своего дара на его магическую защиту, но тщетно. Лес ни разу не заговорил со мной. Тем временем король начал терять терпение.

Однажды лучшего коня короля поразила хворь. Он отправил меня вылечить его, однако не успела я сосредоточиться, как конь вырвался из стойла и бросился на меня. Именно тогда проявилась сторона моего дара, которую я скрывала от всех. Я тогда испугалась и не смогла себя контролировать. Я направила дар на коня... и свела его с ума. Я сделала ему больно, и это было страшное зрелище. Конь метался из стороны в сторону, и в итоге конюху пришлось его убить. Но на этом история не закончилась, потому что король все это видел. Он понял, какова на самом деле сила моего дара, и решил ее использовать.

Надия перевела дыхание, а Есения похолодела от этого рассказа.

– Король заставлял меня делать ужасные вещи, – продолжила Надия. – На потеху ему и его гостям я причиняла боль животным. Радислав брал меня с собой на битвы, где я уничтожала силой мыслей лошадей врага. Это убивало меня каждый день. Однако моей силы королю было недостаточно. Он хотел... меня. Вначале я даже немного влюбилась в него. Я была тогда молода, как ты сейчас. Король мог быть

таким очаровательным, таким приятным, когда хотел. Однако также он был жестоким и властным. Ему нельзя было отказывать. С каждым днем, видя его темную сторону, я все больше понимала, что он безумен. Я отказала ему, и он посадил меня в клетку – темницу в подвале замка, где я не видела ни еды, ни воды. В конце моего заточения я уже почти сошла с ума. Я молила о смерти, однако она все не приходила. Видимо, балии сильнее, чем обычные люди.

Когда король выпустил меня, я была сломлена. Мне пришлось поддерживать нашу... связь, хотя он и был мне омерзителен. Я не горжусь этим, но тогда я была так слаба. В то время король уже был женат на королеве Велине. Узнав о нас, она пришла в ярость. Я поняла, что так продолжаться больше не может. Моя служанка помогла мне. Ночью она вывела меня из замка, и я бежала без оглядки. Я знала, что король так просто не отпустит меня, что пошлет за мной гвардейцев. Я пришла в Горниград на третьей неделе, когда у меня почти уже не оставалось сил.

– Там ты встретила Милоша... – догадалась Есения.

– Откуда ты знаешь, как зовут моего мужа? – удивилась

Надия.

– Мы с Оборотнем встретили его, когда были в Горниграде. Он был добр ко мне. От Милоша я и узнала о тебе, вернее, о твоей смерти.

– Мой дорогой Милош... Мне пришлось оставить его, – погрустнула Надия. – Ему нельзя было знать, что я жива. Ко-

гда гвардейцы короля все же нашли меня и доставили к Радиславу, я знала, что мне не жить. Однако он приготовил для меня участь пострашнее. Теперь он угрожал не только мне, но и моей семье. Король инсценировал мою смерть, а им сказали, что меня убили враги короля.

– С тех пор ты живешь здесь? – против воли пожалела ее Есения.

– Да, – вздохнула Надия. – Это заброшенное место стало моим приютом на последние четыре года.

– Но как же Земирад допустил это? Он не знает, что ты здесь? Мы должны пойти к нему и ...

– Есения, – перебила Надия. – А как ты думаешь, чья это была идея запереть меня здесь?

– Нет, не может быть! – вскочила Есения. – Ты лжешь!

– Король Земирад ничем не отличается от своего отца, – упрямо продолжала Надия. – Не зря говорят, что все Ратные – безумцы с непреодолимой жадой власти. Земирад женился на Софии, еще когда был наследником трона. Это был не брак по любви, по крайней мере не с его стороны. София без памяти влюбилась в него, и ему было это на руку. София происходит из богатого рода, близкого к королевскому. Зэлия – процветающее и очень быстро развивающееся королевство, Ратные давно хотели наладить с ним дружествен-

нее отношения. Брак между Земирадом и Софией как раз служил этой цели. Однако София оказалась не так проста, как Земирад думал. Когда Радислав умер, и он занял трон, королева узнала о его планах покорения Гринхорна. Земирад обманул Софию, сказав, что он не похож на своего отца, что ему не нужны сокровища леса, но после свадьбы в нем проявилась жестокость Радислава. София не могла смириться с этим, и тогда Земирад придумал план. У него была я – бабия, которая была бесполезна в налаживании контакта с Гринхорном, зато хороша... в другом. Он не хотел убивать Софию, ведь тогда мир с Зэлией пошатнулся бы, и решил заставить ее «уснуть». Так он мог выглядеть безутешным мужем, чья жена была отравлена предательницей-служанкой.

– Так это ты держишь королеву Софию в этом магическом сне? – побледнела Есения, в ужасе отступив от нее на шаг.

– Да, это я, – вызывающе выкрикнула Надия. – На кону были жизни Милоша и Аны, Земирад обещал убить их, если я откажусь. У меня не было выбора!

– Но как тебе удастся постоянно держать Софию во сне? Мы с Обратнем пытались пробиться через твой барьер, но смогли лишь на секунду.

– Когда Радислав вернул меня в замок и я поселилась здесь, одиночество съедало меня изнутри, – вздохнула Надия. – Все, что мне оставалось, – это развивать свой дар, чтобы не сойти с ума. Тогда я поняла, что могу причинять боль, погружать в кошмары не только животных... но и людей. Ра-

дислав узнал об этом и передал свое знание Земираду, который им воспользовался. Мой барьер держится несколько дней, если я не отвлекаю свой дар на что-то иное. Но мне приходится снова и снова погружать Софию в сон.

– Так ты в любой момент можешь просто снять этот магический сон? – прошептала Есения.

– Да, но если я сделаю это – Земирад убьет мою семью.

Весь мир Есении пошатнулся. Тот, кто, как она думала, желал ей смерти – оказался союзником, а король Земирад, от которого она видела лишь добро, – чудовищем. Все внутри восставало против того, чтобы поверить Надии. Это бы означало, что она ошибалась во всем, что королю нельзя было доверять с самого начала. Подумав об Оборотне, она ощутила внутри расплзающуюся тьму. Когда он узнает об истинной сущности короля, это разрушит его.

– Зачем король послал за мной? – медленно проговорила она. – Если у него есть ты?

– Я потерпела неудачу в попытках связаться с Гринхорном. Королю понадобилась новая балия, чтобы вновь попробовать проникнуть в Гринхорн и... уничтожить его.

– Уничтожить? – Есения покачала головой, мысли расплзались как тонкие швы на старом платье. – Но почему?

– По той же причине, по которой несколько поколений Ратных хотели этого. Месть и жажда власти, – отрезала Надия. – Ратные считают, что им может принадлежать все, чего бы они ни захотели. Гринхорн – единственное место, кото-

рое не подчинилось, которое живет по своим законам. Тебе рассказывали историю Горниграда?

– Оборотень говорил, что жители не смогли заплатить дань королю...

– Да, вот только дань была так велика, что у них просто не было шансов. Король Радислав не мог смириться, что Горниград был совершенно самодостаточным городом, что ему не нужна была поддержка Элейнии или ее законы. Когда жители не смогли заплатить, он изгнал их с горы Харалуг в заброшенную деревню, где почва была мертва, а жизнь невыносима.

Теперь представь его гнев на Гринхорн, где скрываются необъятные сокровища знаний, которые он не в силах получить. Это поедало Радислава изнутри, и в этом безумии он вырастил и сына. Земирад – копия своего отца. Та же жажда, которую ничем не притупить. Как и отец, Земирад помешался на лесе. Поэтому ты здесь, чтобы попытаться открыть врата и помочь его уничтожить. Твой единственный шанс выжить – это бежать сейчас.

– И бросить тебя здесь? – возмутилась Есения. – В плену у короля, а вместе с тобой и Софию, что до конца своих дней останется тлеть в магическом сне?

– У тебя нет выбора! Или ты хочешь повторить мою судьбу? Гнить в этом замке, тревожась за жизнь любимых каждую секунду? У тебя еще есть возможность уйти от всего этого, – почти умоляла Надия. – Воспользуйся им!

– Ты наверняка изучила меня за все то время, что я здесь? – спокойно произнесла Есения.

Надия кивнула, не понимая, к чему она ведет.

– Тогда ты знаешь, что я не отступлюсь, что бы мне ни грозило. Король Земирад должен ответить за все. И мы добьемся этого вместе.

Глава 28

Алый рассвет занимался над Хорсаном, когда Есения выскользнула из заброшенного крыла. Снова и снова она уговаривала Надию выступить против Земирада. Однако баля жила в страхе много лет, и все, что она видела – лишь эти затхлые, покрытые паутиной комнаты. Надежда давно покинула ее, оставив после себя лишь смирение с судьбой. Но Есения не готова была согласиться с этим, и ей оставалось только пообещать, что она придумает, как спасти Милоша и Ану. Тогда, возможно, Надия бы примкнула к ней, и вместе они бы смогли раскрыть истинное лицо Земирада, а королеву Софию освободить из плена.

Надия предупредила, чтобы Есения не доверяла никому в замке. Прознай король об их встрече... его реакция могла быть непредсказуемой. Есения понимала, как трудно будет скрыть свое отвращение от всех. Тот, кому она верила, ради кого жертвовала своими силами, оказался чудовищем. Это могло бы вызвать в ней горечь или разочарование, но все, что она испытывала – это гнев, сильный и разъедающий.

Оборотень был единственным, кому она могла сейчас доверять, но при мысли о том, что придется рассказать ему о короле, все болело. Она знала, что это разрушит его.

Замок еще спал, однако перед ее покоями по-прежнему стояла стража, и Есенин нужно было придумать, как про-

браться незамеченной. Решение нашлось само собой, когда недалеко от западного крыла она столкнулась с Ярой.

– Госпожа? – удивилась она. – Вы же должны быть в покоях, что вы делаете здесь? Вы были в заброшенном крыле? – побледнела девушка.

Было поздно отпираться, и Есения смущенно улыбнулась.

– Да, – заговорщицки прошептала она. – Знаешь, я очень люблю все таинственное, а это крыло стоит заброшенным столько лет, что я не удержалась и решила посмотреть.

– Госпожа, но там же опасно, стены могут обрушиться! Вы могли пострадать!

– Не волнуйся, Яра. Там не было ничего особенного, пыль да запустение. Больше я туда не пойду, обещаю. Но, боюсь, король, может не оценить, что я поддалась любопытству и сбежала от охраны. Скажи, ты сможешь мне пробраться обратно в покои?

– Но как? – неуверенно проговорила Яра.

– Тебе нужно будет отвлечь стражу всего на секунду, а я проберусь в покои. – умоляюще посмотрела она на девушку, и та неохотно согласилась помочь.

Стража менялась в полдень, однако последние пару часов перед сдачей караула покои сторожил лишь один охранник. Есения видела из-за угла, как Яра подошла к двери, поздоровалась со стражником и зашла внутрь. Вдруг она выскочила из комнаты и закричала:

– Скорее, бегите за знахарем, балии плохо, она потеряла

сознание!

Стражник застыл в неуверенности, но Яра напустилась на него:

– Что вы стоите? Бегите же, я останусь с ней, а вы приведите знахаря!

Выругавшись, стражник убежал, открыв для Есении возможность спокойно пробраться в комнату.

– Не знала, что ты такая хорошая актриса, – тихо рассмеялась она.

– Мне даже понравилось, если честно, – хмыкнула Яра. – Но вам стоит поторопиться, скоро здесь будет знахарь.

На этот раз бледная кожа Есении и ее изможденный от бессонной ночи вид сыграл ей на руку. Когда пожилой знахарь в длинной зеленой мантии вбежал в покои, она раскинулась на кровати, прикрыв глаза рукой.

– Баляя, что случилось? – строго спросил он, доставая сундучок с травами.

– Когда я встала с кровати, у меня сильно закружилась голова, – произнесла она слабым голосом. – А потом я, кажется, потеряла сознание.

Знахарь нахмурился, от чего стал похож на огромную ученую сову. Есения старалась скрыть так не вовремя вырывающийся из груди смех, и оттого закашлялась. Осмотрев ее, знахарь сделал вывод, что она, похоже, переутомилась и велел побольше отдыхать и пить мятный чай. От души поблагодарив его, Есения поскорее выпроводила знахаря из поко-

ев. Все ее мысли теперь были заняты только предстоящим разговором с Оборотнем.

Оборотень пришел к ней чуть позже, и с порога метнул в нее хитрую усмешку.

– Говорят, у тебя был знахарь? Зачем он приходил? Я не чувствовал сегодня никакой угрозы.

Однако Есения не ответила на поддразнивание, слишком нелегкая задача стояла перед ней.

– Скажи, ты можешь отвести меня к скалам? – тихо спросила она. – В прошлый раз ты обещал показать их мне поближе.

– В чем дело? – сразу посерьезнел Оборотень. – Что-то случилось?

– Я хочу поговорить с тобой наедине... за пределами замка. Ты сможешь устроить так, чтобы стража не следовала за нами?

– Да, смогу. Но Есения, ты меня пугаешь.

– Просто... сделай, как я прошу.

Раздраженно выдохнув, Оборотень вышел из покоев. Она не знала, что он сказал стражникам, но в город они действительно отправились одни. Торговый квартал, как всегда, встретил их гомоном и яркими красками, но сегодня Есении было не до того. В порту стоял большой корабль, украшен-

ный изящной резьбой. Судно ждало делегацию из Зэлии, которая сегодня на закате отправлялась домой. Есения почувствовала облегчение от мысли, что Дианзэ скоро будет далеко от нее... и Оборотня.

Они практически не разговаривали, пока не спустились к морю, где в прошлый раз стали чуть ближе. Есения боялась, что после этого разговора ничего уже не будет между ними как раньше, и старалась наслаждаться последними мгновениями спокойствия.

Снег укрыл хрустким покрывалом песок, а от пронзительного морского ветра горели щеки. Оставляя за собой цепочку следов, они шли до величественных острых скал, защищающих пляж. Оборотень опустился на гладкий камень, а Есения отвернулась к морю, крепко стиснув руки за спиной.

– Так что произошло? – не выдержал Оборотень. – Зачем мы здесь?

– Теперь я знаю, кто угрожал мне той ночью.

– Что? – он резко поднялся. – И кто это был?

– Это будет долгая история... я прошу лишь выслушать меня, – вздохнула Есения.

Во время своего рассказа она ни разу не повернулась к Оборотню. Ей казалось, что едва она увидит его лицо, как это сломает ее, разобьет на тысячу осколков. Оборотень слушал, не перебивая, а после того, как она закончила, вовсе замолчал на минуты, которые казались ей бесконечными.

– Почему мы должны верить ей? – наконец выдал он, и

Есения развернулась к нему.

Оборотень побледнел, его челюсть была крепко сжата, а руки вцепились в скалы.

– Я поверила, – просто сказала Есения. – Слышала, как она говорила о своей жестокой судьбе. Ты бы видел, где заперли ее Ратные. Она в рабстве у них, Оборотень.

– Нет! – вдруг вскрикнул он и резко поднялся на ноги. Острые когти вспороли воздух, а лицо изменилось, словно он не мог решить, кто главенствует сейчас – человек или зверь. – Эта женщина пыталась тебя убить! Ее отговорки звучат просто жалко. Она хотела спасти тебя? Бред! Почему тогда она просто не пришла к тебе?

– Она боялась, Оборотень!

– Ах да, конечно, боялась ужасных Ратных, которые заперли ее в заброшенном крыле, из которого она каждый раз сбегала, когда хотела...

Есения понимала, что принять правду Оборотню было невыносимо. Это бы означало, что он ошибался во всем, чему верил. Однако рассказ Надии показался ей слишком убедительным для выдумки.

– Оборотень... – снова начала она.

– Не надо... – прорычал он. Его взгляд сейчас напоминал осколок льда, о который можно порезать пальцы. – Надия, если это вообще она, заморочила тебе голову этой выдумкой. Не ожидал, что ты настолько наивна, что согласишься любой слезливой истории. Есения, тебе пора повзрослеть и понять,

кому ты можешь доверять, а кому нет.

После этого, словно он больше не мог смотреть на нее ни секунды, он развернулся и зашагал обратно к порту.

– Как же я могу тебе доверять, если ты бросил меня здесь? – прошептала Есения.

Слова Оборотня все еще бились внутри, причиняя острую боль. Похоже, теперь она была одна против всей Элейнии.

Есения возвращалась в замок уже к вечеру. Ноябрьский холод проникал под душегрею, пальцы заоченели и плохо справлялись с шерстяным платком, который она старалась затянуть на голове потуже. Теперь, когда она знала, что за угрозами стояла Надия, ей было нечего бояться в городе. Словно во сне она брела к замку, сомнения жгли ее изнутри. Что, если она ошиблась в Оборотне и сейчас он пойдет прямиком к королю? Стоила ли ее откровенность смерти Милоша и Аны?

В вечной сутолоке Торгового квартала Есения не сразу услышала, как кто-то тихо зовет ее. Обернувшись, она встретила взглядом с таким знакомыми зелеными глазами, однако в этот раз их спокойное тепло вызвало лишь прилив облегчения.

– Мама! – прошептала Есения и крепко ее обняла.

Обида на нее уже стала похожа на старый зарубцевавший-

ся шрам, что лишь напоминает о себе, но больше не болит. Ее разбитое сердце устремилось к матери, стараясь скрыться от боли и ужасов этого мира. Анастасия, казалось, опешила от такой горячности, но с готовностью обняла ее в ответ.

– Что ты делаешь здесь одна? – в своем духе сказала мать. – Я думала, тебя теперь всегда сопровождают.

– Лучше скажи, почему ты до сих пор в Хорсане?

Есения вдруг поняла, насколько серьезной опасности подвергала себя мать. В прошлый раз, когда Анастасия сказала, что ее могут казнить, Есения не придала этому значения, посчитав лишь пустым страхом. Но теперь, когда она узнала об истинной сущности короля, угроза была как никогда реальной.

– Ты должна уехать! – в панике произнесла Есения, невольно оглядываясь по сторонам. – Тебя могут увидеть!

– Я лишь хотела попрощаться с тобой... – грустно улыбнулась Анастасия.

– Прощаться?

– Да. Я пришла в Хорсан, думая, что ты здесь совсем одна, что ты беззащитна. Но теперь я вижу, какой взрослой ты стала. Я тебе больше не нужна, ты со всем справишься.

Есения постаралась скрыть горечь от мысли, что они с матерью могут больше не увидеться. Анастасии не нужно было знать ни о том, что Есения – избранная, ни о том, что она собирается свергнуть короля. Зная об этом, мать никогда бы не покинула Хорсан и поплатилась бы жизнью.

– Куда ты отправишься? – тихо спросила Есения.

– В Зэлию. Корабль делегации берет всех желающих уплыть. Зэлия близко к Хорсану, однако там меня искать не будут, а знахари нужны повсюду.

Вместе они подошли к порту, где корабль покачивался на беспокойных волнах.

– Мама... – чуть помедлила Есения. – Я хотела сказать, что прощаю тебя. Надеюсь, в Зэлии ты найдешь счастье.

– Ох, моя девочка, – прошептала Анастасия, еще раз крепко ее обняв. – Я так горжусь тобой. Мы еще обязательно встретимся, обещаю. А теперь тебе пора идти, не люблю долгих прощаний.

Есения обернулась лишь на каменном мосту, провожая взглядом корабль, что скоро увезет ее мать далеко от опасности.

Вернувшись в замок, Есения отправилась в свои покои и тяжело рухнула на кресло. Если Оборотень не поможет ей, то придется справляться самой. Пока у нее не было никакого плана, как разоблачить короля, и она даже не знала с чего начать. Первым делом нужно было защитить Милоша и Ану, но как у нее одной получилось бы вывезти их из Горниграда? Напряженные мысли бродили по кругу, не предлагая никакого решения, пока Есению не отвлек громкий стук в дверь.

– Балия, немедленно откройте.

Похоже, за дверью был тот же стражник, что приходил за Блар пару дней назад, а значит, это не сулило ничего хорошего. Открыв ее, Есения встретилась взглядом с холодными, водянисто-зелеными глазами.

– Король велел вам явиться в тронный зал, – процедил стражник и развернулся, не дожидаясь ответа.

Раньше Земирад всегда вызывал ее в мнитые покои, тем более день уже клонился к сумеркам. Что было нужно королю? Есения, стараясь подавить тревогу, медленно вошла в тронный зал, и стражник затворил за ними тяжелые двери, отрезая ей путь к отступлению.

В центре, на винно-красном ковре, стоял большой каменный трон, увитый ветвями из золота. Есения не видела его во время балов, наверное, трон убирали, чтобы не смущать гостей его угрожающей роскошью. Король сидел, расслабленно откинувшись назад, и она незаметно выдохнула. Едва ли Земирад был бы так спокоен, зная о том, что она увиделась с Надией.

Рядом с королем стояла Елена, а чуть ниже, слева от него, Оборотень. Позади него замерли двое стражников, но он не был напуган, скорее... озадачен, словно и сам не понимал, что происходит. Надменный стражник, что проводил ее сюда, остановился за спиной. Страх снова пополз по телу, но Есения старалась не подавать виду.

– Ваше величество, – осторожно произнесла она и покло-

нилась. – Вы хотели меня видеть?

– Да, Есения, именно так, – усмехнулся Земирад, однако улыбка не коснулась его глаз.

Она старалась поймать взгляд Оборотня, но тот смотрел лишь на короля.

– Я все думал о том пророчестве, – продолжил король. – О котором тебе рассказал Великий Олень... оказывается, ты поделились знанием о нем не только со мной, верно?

– Я не понимаю, о чем вы, – ровно произнесла Есения.

– Ну как же? – нахмурился король. – Разве ты не обсуждала это с Надией?

Сердце ухнуло вниз, и она почувствовала, как сошли все краски с лица. Но, возможно, стоило попробовать до конца изображать неведение?

– С Надией, ваше величество? Балией, что погибла четыре года назад...

Неожиданно король вскочил на ноги, и с его лица спало даже подобие дружелюбия.

– Хватит лгать мне, Есения! – рявкнул он, и его крик громом отразился от стен тронного зала. – Неужели ты думала, что сможешь скрыть от меня правду?

Есения встретилась взглядом с Оборотнем, который теперь тревожно смотрел на нее.

– Это был ты? – прошептала она. – Ты все рассказал?

Теперь уже не было смысла врать королю.

– Нет, Есения... – шагнул он вперед, но два стражника по-

зади него схватились за штыки, вмиг переворачивая ее мнение о роли Оборотня в этой истории.

– Нет, баляя, это был не он, – усмехнулся король. – Ты так и не научилась разбираться в людях, не так ли?

Земирад подал знак, и стражник пропустил в зал хрупкую женскую фигурку.

– Нет, – прошептала Есения, когда Яра поклонилась Земираду.

– Расскажи, что ты видела, – приказал король, не отрывая холодный медный взгляд от Есении.

– Я видела, как баляя покидала заброшенный этаж, а затем она попросила меня помочь ей обмануть стражника у двери, чтобы пробраться обратно в свои покои незамеченной, – тихо проговорила Яра, не глядя на нее.

Казалось бы, после стольких ударов в спину, Есения должна была ожесточить сердце, не верить никому, но предательство девушки, с которой она так сблизилась, все равно было похоже на ржавый клинок, что пронзал насквозь.

– Спасибо, Яра, ты можешь идти, – отпустил ее Земирад. Девушка кивнула, на секунду задержавшись возле Есении.

– Простите меня, госпожа, у меня тоже есть семья, – прошептала она, и быстро вышла из тронного зала.

– Земирад, зачем я здесь? – растерянно спросила принцесса. – О какой Надии вы говорите?

– Ты здесь, чтобы посмотреть, с кем ты водила дружбу и

делилась секретами, – процедил король, игнорируя второй ее вопрос. – Предателя всегда лучше знать в лицо.

Его тяжелый взгляд вновь обратился к Есении, и он спросил:

– Теперь, когда лгать уже не имеет смысла, может, ты признаешься, где Надия?

– Она пропала? – на этот раз с подлинным удивлением спросила Есения.

– Да, стража не может найти ее, и я хочу знать, куда она пошла. В Горниград?

Что-то не складывалось. Несколько часов назад Надия говорила, что не хочет убегать. Что же она задумала?

– Я не знаю, где она, – холодно бросила Есения. – Но, похоже, теперь некому будет поддерживать магический сон королевы, не так ли? Меня вы точно не заставите сделать это, как вы заставили Надию.

Казалось, все в тронном зале замерли от такого возмутительного обвинения. Но король лишь громко засмеялся, а Есения вздрогнула от неожиданности.

– Что ж, баляя, не ожидал от тебя такой смелости! – откинулся он на спинку трона. – Но, раз уж все маски сброшены, значит, я наконец могу перестать играть эту утомительную роль доброго короля.

Оборотень побледнел. Та правда, от которой он бежал, обрушилась на него. Все, во что он верил, в одночасье обернулось ложью, и Есения почувствовала внутри его боль. Елена

смотрела на брата, словно не узнавала его.

– София... – скривившись, продолжил король. – Она не разделяла моих планов и могла помешать им, конечно, мне пришлось ее остановить.

– Ваших планов по захвату Гринхорна? – процедила Есения. – Единственная ваша цель – это поработить его, забрать то, что вам не принадлежит. За этим я и здесь, не так ли? Вы манипулировали моим желанием помочь королеве, чтобы я открыла врата в лес.

– Знаешь ли ты, что будет, когда идолы богов и фигуры королей в Роще Предков сравняются? – неожиданно сменил тему Земирад. – Древние предания гласят, что тогда завершится цикл правления династии Ратных, и люди должны будут выбрать нового короля. Мой сын Станимир – последний из моего рода, кто будет править Элейнией. Однако я не могу этого допустить.

– Но причем тут Гринхорн?

– Сменить династию после седьмого потомка завещали нам боги и богини. Лес таит в себе несметные сокровища знаний и могущества, только они могут помочь мне изменить предание и позволить Ратным править.

– Только у богов и богинь есть такая сила, – побледнела Есения.

– Именно так, – холодно усмехнулся Земирад. – И я заберу ее. Сейчас врата в Гринхорн закрыты... но ты сама подсказала мне решение. Когда ты так наивно рассказала мне о

пророчестве Великого Оленя, я все время прокручивал его в голове. «Лишь жертва избранной балии откроет врата, и лишь возрождение разрушит все преграды».

В устах короля эти строки звучали зловеще, но еще более страшными их делал безумный взгляд Земирада.

– Что же это за «жертва», о которой говорилось в пророчестве? – возбужденно пробормотал он. – И тут меня наконец осенило! Я, не откладывая, начал поиски.

– Но что вы искали? – с трудом проговорила Есения, невольно отступив на шаг.

– Не «что», а «кого», балия, – усмехнулся король. – Анастасию, конечно.

Глава 29

Подав знак стражнику, король расслабленно откинулся на спинку трона. Казалось, его даже забавляла вся эта ситуация, будто перед его глазами происходило дивное представление. Стражник скрылся за большим бархатным занавесом винного цвета, и Есения поняла, что там находился еще один выход из тронного зала. В ее голове билось имя матери, которым король бросался так, словно оно ничего не значило.

Спустя мгновение стражник вернулся, подтвердив все ее самые ужасные страхи. Он вел за собой Анастасию со скованными за спиной руками. Ее лицо было в синяках и порезах, видимо, она изо всех сил сопротивлялась. Но ни кандалы, ни раны не могли сломить ее волю, что горела непокорным огнем в ее глазах. Лишь увидев Есению, мать чуть растерялась, впустив каплю тревоги.

– Что вы сделали с ней? – рванулась Есения вперед, однако стражник, что стоял позади, сразу схватил ее, с мстительным, как ей показалось, удовольствием сжимая локти до боли.

Оборотень наконец очнулся от потрясения и, зарывшись, двинулся к ней. Однако он не учел, что стражники ждали именно этого и, не теряя времени, повалили его, приставив острые штыки к его горлу.

– Успокойся, Есения, – вздохнул король. – Ты же не хо-

чешь, чтобы Оборотень случайно пострадал?

Выбора не было. Стражники превосходили числом, и не было никого, кто мог бы прийти на помощь. Есения переводила взгляд с Анастасии, которая стояла неестественно прямо в кандалах, на Оборотня, шею которого могли пронзить одним ударом, и перестала вырываться.

Земирад удовлетворенно кивнул и продолжил как ни в чем не бывало:

– Какая встреча, не правда ли? С тех пор как ты рассказала про пророчество, я искал Анастасию повсюду, и какова была моя удача, когда, проследив за тобой сегодня, моя стража нашла ее прямо у меня под носом, в Хорсане! И снова удача! Мы успели поймать ее на корабле, уплывающем в Зэлию, в последний момент. И вот мы все здесь.

Оборотень дернулся, все больше животных черт проступало на его лице, как он ни пытался сдержаться. Пальцы начали меняться, а из груди вырвалось рычание ирбиса. Стражники поднесли штыки еще ближе, готовясь нанести удар, едва тот шелохнется.

– Не нужно глупостей, – устало произнес король, посмотрев на него. – Твой зверь не поможет тебе сейчас.

– Так вы знали, что я оборотень? – пораженно спросил он.

– Это мое королевство и мой замок. Когда напали на Селиния, ты думал, я не узнаю, что это ты? У меня повсюду шпионы.

Неожиданно король поднялся и, не торопясь, подошел к

Анастасии. Она смотрела на него прямо, словно она была королевой, а он лишь зарвавшимся слугой. Земирада, казалось, позабавила такая реакция, но улыбка быстро превратилась в зловещую маску, когда в его руке блеснул тонкий острый клинок. Встав чуть позади, король прижал оружие к ее шее.

– Брат, что ты делаешь? – растерянно проговорила Елена. – Прощу тебя...

– Елена, иди в свои покои, думаю, с тебя достаточно, – перебил король и принцесса, замерев всего на мгновение, молча подчинилась.

Казалось, ей не терпелось скрыться от всего этого, и она быстро покинула тронный зал, даже не обернувшись на Есению. Король же вновь перевел на нее свой безумный взгляд.

– Теперь я спрошу еще раз, баляя. Где скрывается Надия? Если ты выдашь ее, я освобожу Анастасию от оков, обещаю.

Есению охватил ужас. Она понятия не имела, где сейчас может быть Надия. Мысли метались словно огненные искры, но ни одна не предлагала решения. Единственным вариантом было убедительно солгать, чтобы выиграть время.

– Хорошо, – обреченно произнесла она. – Надия сказала, что она сбежит сегодня. Она должна была переждать у скал, что охраняют западную часть города, а затем уйти через квартал Мастерских.

Есения старалась играть свою роль до конца, лишь надеясь, что случайно не выдала истинное местонахождение На-

дии. Земирад смотрел на нее пару секунд, а затем, словно убедившись в ее правдивости, бросил одному из стражников:

– Отправьте отряд к скалам и в квартал Мастерских. Перехватите балию и доставьте ее ко мне... живой.

Стражник почтительно кивнул и вышел из тронного зала.

– Спасибо за твою честность, Есения, – улыбнулся король, словно случайно прижав ближе к шее Анастасии клинок. Алая капля скатилась, затерявшись в лифе ее платья.

– Мама! – бросилась Есения вперед, и снова была взята стражником в стальной плен. – Вы обещали, что отпустите ее!

– Мама? – хмыкнул Земирад, но глаза его светились холодом. – Она тебе не мать, балия. Лишь служанка, что не справилась с поручением своего короля. Более того, она нарушила закон и выкрала тебя, оградив от дара и влияния королевской семьи. Похвальная храбрость, но все же она предала меня. А наказание за предательство только одно... смерть.

Клинок тускло блеснул, когда одним движением, почти незаметным, но чудовищным, Земирад провел лезвием по шее Анастасии. На мгновение время будто замедлилось. А затем рубиновые струи, словно кровавый дождь, залили шею и грудь матери. Анастасия ошеломленно посмотрела на Есению, а затем ее глаза закатились, и она рухнула на каменный пол.

Есения чувствовала тяжелый стук своего сердца, он раз-

давался словно через дымку. Душераздирающий, почти животный вопль разорвал тишину, и Есения не сразу поняла, что кричит она сама. Больше не скованная стражником, она упала на колени рядом с матерью и попыталась зажать рану. Все вокруг заливал запах меди и смерти, но она не готова была сдаться.

«Мама... мама, пожалуйста», – шептала она, но жизнь покидала Анастасию капля за каплей, пока дыхание ее не замедлилось, и она не сомкнула глаза, чтобы больше не проснуться.

– Ты можешь не верить, Есения, но мне действительно жаль, – вздохнул король, стирая кровь с клинка белоснежным платком.

– Вы же обещали не трогать ее, – прохрипела она, глядя на Земирада.

– Я обещал освободить Анастасию от оков, но смерть – это тоже форма свободы, разве нет? Это досадная потеря, но только так я смогу открыть врата в Гринхорн. Твоя жертва не будет забыта, обещаю.

Он подозвал стражника, что еще недавно держал ее в тисках, и бросил:

– Приберите здесь. Балию и оборотня запереть в темнице.

Услышав знакомое имя, Есения перевела взгляд и увидела, что Оборотень лежит на каменном полу, не шевелясь. Крови вокруг не было, а значит, его просто оглушили, видимо, когда он пытался броситься ей на помощь.

– Завтра мы отправимся к Гринхорну, где ты уговоришь Великого Оленя открыть врата в лес, – склонился к ней Земирад.

– Я не стану вам помогать, – еле слышно, но твердо произнесла Есения.

– Тебе придется. Если не хочешь, чтобы Оборотня постигла та же судьба, что и Анастасию. Пока он без сознания, однако в моих силах сделать так, чтобы он не проснулся.

Есения смотрела на бледное лицо матери, что никогда больше не очнется, не отругает ее за проступки, не вплетет ей ленты в косы. Затем перевела взгляд на Оборотня, который был застигнут врасплох подлым правителем, которому он безоговорочно доверял. Притворная жалость в глазах Земирада была ей отвратительна. Она вызывала жгучую, разъедающую ненависть, что наполнила тело, заменив собой ее дар. Ярость росла, пока не переполнила Есению, заставив ее направить силу на короля.

Окна тронного зала задрожали, по ним потекли тонкие трещины, а затем все они взорвались брызгами стекла, впуская внутрь крылатую синевато-черную тучу. Десятки воронов влетели в тронный зал, и каждый из них преследовал лишь одну цель – навредить королю. Стражники бросились к нему, образовав вокруг Земирада кольцо, и разили птиц штыками. Зал наполнился неистовыми гортанными криками воронов и стонами людей, что не успели увернуться от когтей. Отражая атаки птиц клинком, король встретился взгля-

дом с Есенией и, правильно оценив причину этого бедствия, рявкнул:

– Схватить балию!

Один из стражников подбежал к ней, и последним, что увидела Есения, стала занесенная над ней рукоять штыка.

Есения с трудом открыла глаза. Голова болела так, будто по ней ударили молотом не меньше ста раз, все вокруг кружилось. Она смутно слышала, что кто-то будто зовет ее изда- лека. Тело не слушалось, когда она медленно села и посмотре- лась. Ее окружал лишь голый пол, рядом не было даже кой- ки. От пронизывающего холода все внутри будто заледене- ло. Ее темница была маленькой и темной, вместо двери – ре- шетки. Голос, который она слышала, принадлежал Оборот- ню, но Есения не видела его рядом.

– Оборотень? – хрипло спросила она. Горло перехватило от жажды.

– Есения, слава Роду, ты очнулась! – услышала она отча- янный голос где-то справа от себя. – Я в другой камере. Ты в порядке? Я потерял сознание, когда стражник, этот сын Чер- нобога, ударил меня, а очнулся уже здесь.

Есения перевела взгляд на свои руки, покрытые запекши- мися алыми брызгами, и тут воспоминания накатили на нее, словно ударная волна. От их силы она сложилась пополам.

Сердце будто сжал невидимый железный обруч, дыхание перехватило, а стены ее клетки начали смыкаться вокруг нее. Упершись лбом в грязные каменные плиты пола, она могла лишь безмолвно кричать в этой темноте. Сквозь плотный шум в ушах, она услышала, как кто-то отпер решетку и присел рядом с ней. Сейчас у Есени не было сил ни на страх, ни на гнев, ей казалось, что она умирает.

Теплая ладонь легла на ее спину, и через секунду боль немного отступила, из разрывающей на части превратилась в саднящую, но терпимую. Есения резко вздохнула и встретила взглядом со знакомыми разными глазами.

– Надо выбирать, – тихо произнесла Надия.

– Что... что ты сделала со мной?

– Причинять боль – это часть моего дара, которую я всегда ненавидела. Но есть и обратная сторона... то, чем я могу наделять, я могу и забирать. Есения, я знаю, что сделал Земирад, и мне очень жаль твою маму. Но сейчас не время сдаваться. Пусть гнев подпитает тебя, а жажда отмщения поднимет на ноги. Будет время, чтобы оплакать Анастасию, обещаю, однако сначала нам нужно сбежать.

Надия помогла ей подняться и протянула темно-синий плотный плащ. Есения с благодарностью закуталась в его тепло, скрыв заодно платье, забрызганное кровью. Когда они вышли из темницы, она подбежала к соседней камере, и ее сразу прожег тревожный льдистый взгляд. Не теряя времени, Надия открыла решетку ключом, и Оборотень вышел, насто-

роженно осматривая балию. Теперь он знал правду о короле, но довериться незнакомке для него, видимо, было все еще непросто.

– Где стражник? – бросил он.

– Я погрузила его в сон, но это ненадолго, – ответила Надия. – Когда он заснул, я взяла ключи.

Быстро оглядев Есению, что прятала запачканные рукава в полах плаща, Оборотень побледнел и шагнул ближе.

– Мне так жаль... – тихо произнес он.

Его желание прижать ее к себе, понять, что она в порядке, было очевидно, но Есения не могла сейчас позволить себе ослабить защиту. Надия помогла ей притупить боль, но малейший шаг мог вновь сломать ее, поэтому она осталась на месте и перевела взгляд на Надию.

– Нам нужно попасть в Гринхорн, – твердо сказала Есения. – Земирад сказал, что завтра он поведет армию в лес, чтобы я открыла врата. Нужно предупредить Великого Оленя.

– Думаешь, хозяин леса пустит нас внутрь? – нахмурилась Надия. – За два столетия лишь один человек был приглашен в лес, ты.

– Я поговорю с ним, – отрезала она. – Уверена, он прислушается.

Есения могла лишь надеяться на это, но убежденность – это то, что было им сейчас нужно, даже если она была фальшивой.

– Но как нам добраться до Гринхорна? – спросила Надя. – Конюшни под присмотром, мы не сможем проскочить.

– Это я беру на себя, – мрачно пробормотал Оборотень.

Они выбрались из подземелья, прислушиваясь, но вокруг было тихо. Западная лестница обычно пустовала, но сейчас у заброшенного крыла стояли четверо стражников.

– Видимо, они здесь на случай, если я вернусь, – прошептала Надя. – Мне погрузить их в сон?

– Лучше не трать пока свои силы, – так же тихо проговорил Оборотень. – Мы не знаем, с чем столкнемся дальше. Нужно найти другой путь.

Тихий шорох за углом сказал им, что они больше не одни. Оборотень приложил палец к губам и осторожно двинулся туда, чтобы через секунду привести не сопротивляющуюся Елену.

– Принцесса, что вы здесь делаете? – нахмурилась Есения.

– Сразу ясно что, – процедила Надя. – Шпионит за нами, чтобы донести своему братцу.

Есения скорее почувствовала, чем увидела, что балия готова в любой момент обрушить свою силу на Елену, и положила руку ей на плечо.

– Если не хотите, чтобы Надя причиняла вам боль, говорите! – строго произнесла она.

– Я... я шла в темницу, чтобы проведать тебя, Есения, – чуть не плача, проговорила принцесса. – Я только что узнала, что сделал мой брат, и это просто ужасно! Пожалуйста,

прости, что я не помешала этому...

Казалось, что глаза принцессы не лгали, и Есения чуть смягчилась.

– Елена, я не держу зла на вас. Не ваши руки отняли жизнь моей матери, только король виновен в этом. Вам лучше уйти, пока вас не увидели.

– Вы покидаете замок, не так ли? – прошептала принцесса.

– А что, хочешь рассказать Земираду о наших планах? – прошипела Надия. – Есения, она же Ратная, такая же, как все они, разве ты не видишь?

– Надия...

– Но я могу помочь вам выбраться! – выдохнула Елена. – В замке есть еще одна лестница, тайная. Ее построили в древние времена, чтобы королевская семья смогла уйти, в случае нападения врагов.

Елена повела их к библиотеке, которая стала Есении такой знакомой, но, видимо, так и не открыла всех своих тайн. Надия кипела от злости, все в ней восставало против помощи одного из Ратных.

– Ты веришь принцессе? – тихо спросил Оборотень.

– Другого выхода у меня просто нет, – вздохнула она.

В библиотеке Елена сразу прошла вглубь, к самому дальнему стеллажу. На нем стояла небольшая золотая фигурка дракона. Принцесса уверенно повернула ее сначала вправо, затем влево, и неожиданно стеллаж отъехал немного в сто-

рону, открыв перед ними узкую лестницу, ведущую глубоко вниз.

– Лестница приведет вас к заброшенному выходу из замка. Он находится в глубине Роши Предков, оттуда вы сможете покинуть резиденцию через восточные ворота. Однако учтите, что, с тех пор как Надия «сбежала», там стоят стражники. Боюсь, это все, чем я могу вам помочь.

Есения подошла к принцессе и крепко сжала ее ладони.

– Елена, спасибо вам. Я не забуду вашей доброты.

– Будьте осторожны, – смущенно прошептала принцесса, закрывая за ними проход.

Все погрузилось во тьму. Им приходилось пробираться наощупь, друг за другом. Надия ворчала, что сейчас они вывалятся прямо посреди тронного зала, на потеху королю, но внезапное дуновение ветра сказало им об обратном. Из-под простой деревянной двери пробивался лунный свет, и Оборотень на ощупь нашел тяжелый засов. Скрипя, дверь поддалась, и лицо сразу охладила студеная ночь. Прямо перед ними вырос древний дуб. Его изогнутые ветви уже потеряли все листья, но широкий ствол уберегал их от вражеских взглядов. Голоса стражников отсюда слышались монотонным гулом, а значит, восточные ворота были совсем рядом.

– Пойду гляну, что нам предстоит, – тихо проговорил Оборотень и исчез за деревьями.

Не успело пройти и пары минут, как он вернулся.

– Там двадцать стражников, но все они вооружены лишь штыками, так что смогут задеть нас только с близкого расстояния. Нужно придумать план.

Не теряя времени, они обговорили единственно возможный план действий, и Оборотень отошел чуть дальше за деревья.

– Куда это он собрался? – нахмурилась Надия, но затем замерла от потрясения, когда к ним вышел огромный ирбис. – Так ты... ты существо из Гринхорна, не так ли?

Казалось, что Оборотень усмехнулся, но в обличье ирбиса никогда нельзя было знать наверняка.

– У вас будет время познакомиться позже, – отрезала Есения. – Сейчас нам пора.

Все они застыли на мгновение, собираясь с силами, а затем двинулись к восточным воротам.

Радим, молодой страж, что был на службе всего несколько месяцев, крепче перехватил штык. Пальцы, сжимающие оружие, совсем одеревенели от холода, и он подошел чуть ближе к пылающему факелу, что освещал небольшую поляну. Сегодняшняя ночь явно была отмечена Чернобогом. Сначала все лошади в конюшне взбесились, потом окна тронного зала разлетелись вдребезги. Вот и сейчас вокруг стало тихо, слишком тихо, а затем десятки черных птиц

взмыли в небо, и их становилось все больше с каждой минутой. Чутье подсказало ему, что балия была рядом. Радим побежал к командиру стражи. Внимательно его выслушав, тот отдал приказ приготовиться, и стражу польстило, что ему сразу поверили.

Король приказал доставить балию живой, так что им запрещено было использовать штыки. Радим только недавно узнал, что в замке, оказывается, живет еще одна балия, которая может свести с ума одной силой мысли. «Как, интересно, мы с ней тогда справимся?» – едко сказал про себя Радим, отгоняя страх.

Он стоял во второй шеренге, и, вместе с другими стражниками, сгруппировался, чтобы не дать Надии уйти. Передняя шеренга напряглась, а значит, балия уже была здесь. Радим постарался разглядеть ее за спинами соратников, но застыл от неожиданности. На поляне стояли две балии, а не одна. По описанию командира он узнал Надию, высокую женщину с длинными черными волосами. Рядом с ней застыла Есения, балия, что пыталась спасти королеву от волшебного сна. Радим невольно ощутил к ней уважение, такая хрупкая на вид девчонка, а силища у нее огромная.

Командир, как и весь строй, казалось, не ожидал такого. Однако, быстро придя в себя, он грозно выкрикнул:

– Именем короля Земирада, я приказываю вам сдаться немедленно!

Есения сделала шаг вперед, и гвардейцы сразу напряг-

лись.

– Пропустите нас, и вы останетесь невредимы! Мы обещаем не трогать вас, – твердо произнесла она.

Ее голос напоминал нежное звучание свирели, и Радим невольно улыбнулся.

– Вас всего трое, а нас двадцать, – усмехнулся командир. – Сдайтесь, балия, – повторил он.

– Что ж, – вздохнула Есения. – Вы сделали свой выбор.

Увидев огромного зверя, что появился позади балий, Радим побледнел. «Это что еще за животное такое, дикая кошка что ли?» – прошептал он про себя. Гигантская кошка присела, оскалившись, и громко зарычала, заставив мурашки страха побежать по телу.

– Выставить штыки! – закричал командир, видимо забыв о приказе короля. – Не дайте им использовать силу!

Он отдал приказ, и четверо стражников, что стояли слева, бросились к балиям. Однако у них на пути встала эта зверюга. Рыкнув, она отбросила с дороги сразу двоих. Те пролетели не меньше шестнадцати пядей и так и остались лежать. Двое других стражников пытались ранить зверя, но тот увернулся, отбросив в сторону еще одного.

Командир отдал приказ наступать остальным, однако шестеро оставшихся стражей с левой стороны вдруг пронзительно закричали и повалились на землю. Их лица исказились, словно что-то выжигало их изнутри. Черноволосая балия смотрела на них не отрываясь, и Радим похолодел, осо-

знав, что это ее рук дело.

Первая шеренга побежала вперед, но неожиданно птицы, что кружили над деревьями, ринулись вниз, напав на отряд. Они били стражников крыльями и клевали их, куда попадет-ся. Им ничего не оставалось, как защищаться.

Командир крикнул второй шеренге двигаться на зверя, и Радим покрепче сжал штык в скользких от пота пальцах. Те стражники, что напали на дикую кошку первыми, были также отброшены в сторону. Лишь чудом Радим избежал удара и теперь двигался к чудищу сзади. Несмотря на ужас, сковавший его, он бросился на зверя, но в последний момент тот повернулся, и, мгновение спустя, Радима придавила к земле огромная лапа.

В этот момент Радим почему-то подумал о маме. Она не хотела, чтобы он шел в стражники, просила, чтобы он продолжил семейное дело и стал пекарем. Но от запаха теста его всегда мутило, а служба королю казалась ему почетным занятием. Как же он ошибался. Умереть такой глупой смертью от рук странного чудовища – что же здесь почетного?

Зверь, не отрываясь смотрел на него, но тут в его взгляде словно что-то переменилось, и он стал почти... человеческим. Радиму показалось, что существо вздохнуло, а затем его сковало ужасом, когда зверь покачал головой, будто говоря: «Не вставай, и я тебя не трону».

Существо убрало лапу и отошло. Радим не мог бы сейчас встать, даже если бы хотел. Парализованный страхом, он

лишь повернул голову, наблюдая, как обе балии залезли на спину чудища и без какого-либо сопротивления покинули место битвы. Затем он потерял сознание.

Глава 30

На ирбисе они достигли Гринхорна гораздо быстрее. Есения крепко держалась за его шею, покрытую густым, мягким мехом, ощущая под собой разрушительную силу, которой обладал ирбис. Надия позади нее будто заледенела, изо всех сил вцепившись в ее талию. Оборотень старался бежать ровно, но мышцы от непривычной езды совсем затекли, и Есения с трудом удержалась на ногах, когда сползла с его спины.

Он решил пока не обращаться обратно в человека, посчитав, что так Великий Олень с большей охотой пустит его в лес. Есения сосредоточилась, коснувшись магического барьера.

«Великий Олень, прошу, впустите нас. Лесу грозит опасность, мы пришли предупредить», – мысленно обратилась она к хозяину леса, стараясь вложить в свою просьбу все силы. И Великий Олень дал свое согласие. По барьеру прошла рябь, словно от камня, пронзившего водную гладь. Есения не увидела, но почувствовала, что проход открыт.

– Оборотень, Надия, скорее сюда. Мы сможем войти! – возбужденно позвала она.

Нужно было торопиться, магия барьера могла усилиться в любой момент. Есения положила руку на теплый мех ирбиса, молча встретившись с ним взглядом. Оборотень чуть

кивнул, и она, крепко сжав ладонь Надии, шагнула вперед.

Ургамлы словно расступились перед ними, и они оказались на поляне, освещенной ярким сиянием светлячков. Надия потрясенно застыла. Есения наблюдала за Оборотнем, который спустя столько лет наконец смог вернуться домой. Из-за его воплощения, сложно было понять, что он чувствует сейчас, но повлажневшие глаза, оглядывающие знакомые места, все ей сказали. Она сжала чуть крепче его мех, молчаливо поддерживая.

Спустя мгновение на поляне появилась Атэнэйс, как всегда встречающая гостей. Она изящно поклонилась и произнесла:

– Добро пожаловать в Гринхорн, путники.

– Это что, косуля говорит, или я сошла с ума? – прошептала Надия.

Есения, не удержавшись, хмыкнула. Увидев ирбиса, Атэнэйс резко вздохнула.

– Эиренэйос? – тихо прошептала она, будто не веря.

Ирбис опустил голову и подошел к ней. Атэнэйс почти скрылась за его большим телом, когда он к ней прижался.

– Мой маленький Эиренэйос, я боялась, что никогда тебя не увижу, – зазвенели в воздухе серебристые нити ее голоса. – Я вижу, что ты нашел покой и наконец соединился со своим зверем, я очень рада.

Это воссоединение было таким трогательным, что Есения почувствовала, как навернулись на глаза слезы, которые она

сдерживала изо всех сил. Даже Надия, из души которой, казалось, давно вытравили веру в лучшее, отвела глаза. Наконец Оборотень оторвался от косули, и медленно удалился за деревья.

– Эиренэйос хочет обратиться в человека, он догонит нас позже. А я пока провожу вас к Великому Оленю, – проговорила Атэнэйс.

Теми же тропами косуля повела их через лес. Вечное лето укрыло своим покрывалом это место, яркие деревья дремали в теплой тишине. Но, несмотря на ночную тьму, Есения смогла разглядеть, что черная гниль распространилась дальше, охватив больше деревьев своими хищными щупальцами.

Могучее Мировое древо раскинулось перед ними насколько хватало взгляда, его кроны были увиты светлячками, словно оно хотело показать себя во всем своем великолепии. Несмотря на то, что Есения видела его уже во второй раз, она с неменьшим почтением опустила на колени.

– Хвала богам и богиням... – прошептала Надия позади нее. – Это то, что я думаю?

– Именно так, балия, – прогудел низкий голос.

Видимо, на этот раз Великий Олень решил поговорить с ними обычным способом, может, потому что они были вдвоем.

– Великий Олень, мы приветствуем вас, – проговорила Есения поднявшись. – Я благодарю вас, что разрешили мне вновь посетить лес.

Надия, казалось, потеряла дар речи. Она широко распахнутыми глазами смотрела на Великого Оленя, словно перед ней разом ожили все предания, о которых она лишь читала. Хотя, наверное, так и было.

– Балия Есения, у меня кое-что есть для тебя, – пророкотал защитник леса, и тут между ветвей Мирового древа мелькнуло ярко-синее пятно.

Блар спикировала вниз и осторожно опустилась к ней на плечо.

– Но как? – с трудом произнесла Есения, поглаживая шелковые крылья.

– Это создание прилетело к магическому барьеру. Птица попросила впустить ее, а я никогда не отказываю существам, просящим меня о помощи.

– Тогда почему вы ни разу не впустили меня? – горько бросила Надия, наконец сбросив с себя оцепенение. – Я столько раз пыталась связаться с лесом. Если бы вы открыли ворота, меня бы не ожидала такая тяжкая судьба.

– Балия Надия, я понимаю твою боль, – внимательно взглянул на нее Великий Олень.

– Едва ли...

– Надия! – одернула ее Есения, но защитник леса не стал гневаться.

– Я могу понять, что такое защищать своих близких ценой всего, даже своей жизни, – медленно произнес защитник леса. – Именно поэтому я закрыл ворота в Гринхорн. Твоими

мыслями и поступками тогда руководил король, безумный в своей жажде. Я не мог позволить ему захватить мой дом. Балия, ты видела много боли, познала предательство и ложь. Однако твой дар по-прежнему может служить добру. Поэтому не тревожься о своих родных, скоро они будут в безопасности.

– Как вы можете обещать это? – нахмурилась она.

– Балия Есения, – вновь перевел на нее взгляд Великий Олень, – готова ли ты расстаться с Блар на некоторое время, чтобы она передала сообщение Милошу и Ане?

– Конечно!

Блар перелетела с плеча Есении на один из рогов Великого Оленя. Хозяин леса внимательно посмотрел на птицу пару секунд, а затем она взмыла в небеса, без труда преодолев магический барьер.

– Великий Олень, – обратилась к нему Есения, вспомнив, зачем они здесь, – на рассвете здесь будет Земирад со своей армией.

– Да, я знаю об этом. Но очередному безумцу не пробиться сквозь магию. Она защитит нас, как и всегда.

– Но неужели вам не надоели постоянные нападки Ратных? – воскликнула она. – Земирад никогда не оставит Гринхорн в покое и однажды может прорвать вашу защиту. Он хочет уничтожить лес и завладеть вашими знаниями, чтобы стать богом! Король должен получить по заслугам!

– Что сильнее говорит в тебе, балия... жажда справедли-

ности или же мести? Да, я знаю про твою мать, и это великая потеря. Однако моя задача – сохранить лес любой ценой. Ратные не пробрили магический барьер раньше, не пробьют и впредь. Гринхорн не будет вступать в битву, однако вы можете оставаться здесь столько, сколько захотите.

Разговор был окончен. Есения понимала, что не добьется большего от Великого Оленя, но в ее груди пылали ярость и разочарование. Неужели король уйдет от заслуженного наказания?

Атэнэйс отвела их ближе к поляне, где они очутились в первый раз. Есения напряженно раздумывала, как склонить Великого Оленя на свою сторону, но в голову не приходило ни единого решения. У небольшого скопления ветвистых деревьев с серой, словно покрытой серебристой краской, корой, Атэнэйс остановилась, показав головой на три странных куска ткани. Они напоминали большую разноцветную простыню, привязанную между двумя деревьями за пеньковые веревки.

– Жителям Гринхорна не нужны спальные места, – мягко произнесла косуля. – Для нас достаточно мягкой травы. Однако я знаю, что люди предпочитают более комфортные условия.

– Вы сделали эту... постель для нас? – улыбнулась Есе-

ния. – Большое тебе спасибо.

– Отдыхайте и набирайтесь сил. Здесь вас никто не потревожит, – поклонилась Атэнэйс и исчезла за деревьями.

На одной из тканевых кроватей уже развалился Оборотень, который поднялся при виде Есении и Надии.

– Как прошел разговор с Великим Оленем? – напряженно спросил он.

– Он не готов поддержать нас, – дала выход раздражению Есения. – Видимо, он боится.

– Послушай... – осторожно начал Оборотень. – Без помощи существ из леса мы не сможем одолеть Земирада. Да и стоит ли нам ввязываться в битву? Великий Олень говорит, что королю не пробиться через магический барьер. Мы можем просто остаться здесь...

– И все оставшиеся нам годы прожить в страхе? – гневно воскликнула она. – Жить в Гринхорне, словно беженцы, никогда его не покидая? Я не могу сидеть сложа руки, король получит по заслугам, даже если я одна выйду к нему навстречу!

– Я пойду с тобой, – тихо произнесла Надия, сверкнув глазами. – Больше никогда я не буду скрываться, лучше умереть...

Оборотень раздраженно выдохнул, и начал ходить из стороны в сторону.

– Есть одна идея... но это будет сложно, сразу предупреждаю, – мрачно пробормотал он. – Мы можем попытаться

убедить Совет существ.

– Какой совет? – нахмурилась Есения.

– Великий Олень – хранитель леса, однако, когда требуется решить какой-нибудь вопрос, касающийся всех жителей Гринхорна, он созывает Совет. Так было, когда Драгомир пришел уничтожить лес. В Совет входит по одному верховному существу, от которых произошли все прочие звери. Если мы сможем убедить Совет вступить в битву, возможно, тогда Великому Оленю придется смириться.

– Но это же отличная новость! – улыбнулась Есения. – Как нам созвать Совет?

– Все не так просто... – скривился Оборотень. – Я возьму это на себя. А ты пока подумай, что скажешь им. Другого шанса у тебя не будет.

С этими обнадеживающими словами он вновь покинул их, а Есения принялась лихорадочно размышлять. Как она могла уговорить существ, намного превосходящих ее мудростью и опытом, вступить в битву, которая была им не нужна? Тем более, пойти против Великого Оленя?

Казалось, она только прикрыла глаза, но, видимо, напряжение последних часов отразилось и на ней, и Есения задремала. Она резко проснулась, когда Оборотень ощутимо потряс ее за плечо.

– Совет существ в сборе. Они ждут тебя, – тихо произнес он, и Есения мгновенно сбросила с себя вялость.

Разбудив Надию, она отправилась вслед за Оборотнем вглубь леса. В этой части Гринхорна Есения еще не была, воздух здесь был чуть холоднее, а может, она просто мерзла от нервной дрожи, что пронзала тело. Оборотень быстро сжал ее ладонь, безмолвно поддерживая, когда они вышли на большую поляну, освещенную мерцающими факелами. Вся она была покрыта огненно-красными маками, и в первый миг Есении показалось, что поляна залита кровью. Она невольно отступила назад, голова мгновенно закружилась, но Оборотень вовремя подхватил ее, не давая рухнуть на колени прямо перед Советом.

– Есения, ты в порядке? – прошептала Надия, и она резко кивнула.

Сейчас было не время и не место для болезненных воспоминаний. На поляне полукругом расположились шесть существ, которые только на первый взгляд напоминали обычных зверей. В их глазах светились острый ум и мудрость, все они доброжелательно смотрели на Есению, и она немного расслабилась.

– Мы рады познакомиться с тобой, избранная балия, – произнесла рыжая лиса, чей мех мерцал огнем на свету. – Я Атана. Зачем ты собрала нас здесь?

Когда Оборотень только рассказал Есении о Дианзэ, ей стало любопытно взглянуть на ее мать. Она ожидала увидеть

то же презрение, но янтарные глаза смотрели дружелюбно и лишь немного недоуменно. Пока Есения собиралась с мыслями, на поляну вышла Атэнэйс и присоединилась к Совету.

– Я пришла к вам, чтобы просить о помощи, – выдохнув, начала Есения. – Несколько столетий назад ваш лес жил в мире с людьми, пока король Драгомир Ратный не пришел сюда с жадной властью и крови. Он вырезал многовековые деревья и убил ваших родных. Прошло много времени, однако та самая жажда не умерла с первым королем людей. Его потомок, что сейчас занимает трон, не остановится ни перед чем, чтобы заполучить знания богов и богинь, что вы поклялись защищать. Он возомнил себя богом, что может нарушить наказания Рода. Король хочет обеспечить своей династии вечное правление. К утру Земирад со своей армией будет у вашего порога. Я призываю вас вступить с ним в битву, чтобы раз и навсегда покончить с тиранией Ратных.

– Великий Олень защищает лес магическим барьером. Зачем нам слать на смерть наших братьев, если здесь мы в безопасности? – спросила Ксантина, рысь, чей мех переливался золотыми бликами.

– Рано или поздно Земирад найдет способ пробить барьер, он не остановится ни перед чем, – отрезала Есения.

– Что думает Великий Олень насчет этого? – низким, утробным голосом спросил Кэйаф, лось, чьи ветвистые рога уходили ввысь.

Есения на миг опустила глаза, и Никела, волчица с сереб-

ристым мехом цвета луны, пронизательно прищурившись, пророкотала:

– Он отказал тебе, не так ли?

Оборотень шагнул вперед.

– Лес слишком долго прятался от людей, – нахмурившись, произнес он. – Вам пора дать отпор захватчикам, подтвердив свою верность богам и богиням.

– Разве не ты служил Ратным много лет, Эиренэйос? – прорычал Иазэн, большой бурый медведь. – Как можешь ты говорить о верности?

Оборотень дернулся, но все же твердо ответил:

– Я был жестоко обманут Ратными. Благодарность затмила мне разум, но сейчас я прозрел. Я видел, каков Земирад на самом деле, он не отступит, пока не оставит пепелище вместо некогда цветущего мира. Нашего мира.

Неожиданно вперед вышел павлин, перья которого переливались всеми оттенками зеленого и голубого. Адамун был едва ли самым крупным среди членов Совета, однако все замолчали, прислушиваясь к его мнению.

– Мы выслушали вас, – произнес он строго. – Однако ваших слов недостаточно, чтобы Гринхорн вступил в битву с Ратными. Мы останемся под защитой магического барьера. Мы много лет жили без людей... и проживем еще столько же.

– К сожалению, это не так, – вдруг раздался знакомый низкий голос, вмиг заполнивший собой все пространство вокруг.

На поляну вышел Великий Олень. Есения покраснела от стыда, ведь она за его спиной собрала этот Совет, однако защитник леса, казалось, совсем не злился и даже... был доволен ею?

– Что ты имеешь в виду, Великий Олень? – удивленно рыкнул Иазэн.

– Сваарт... гниль, что пожирает наш лес, – не просто болезнь, занесенная извне. Последнее столетие я скрывал от вас ее истинную природу.

Мысль, что хранитель леса мог что-то утаить от них так поразила членов Совета, что все они замерли.

– Тогда что она такое? – тихо спросила Атэнэйс, нежно глядя на свою пару.

– Наш лес, как и все живое, создал бог Род. Сначала были лишь мы – разумные создания, которые не знали своего предназначения. Затем Род создал людей, чтобы мы помогали им и жили в гармонии, а потом появились балии – связующее звено между нами. Двести лет назад было нарушено хрупкое перемирие, и мы закрыли лес, дабы уберечь его. Однако само существование Гринхорна связано с людьми, без этого он погибает. Гниль – лишь первый признак увядания. Мы необходимы людям, но и люди нужны нам. Это великое равновесие, созданное богом Родом. Когда гниль заполонит лес, я больше не смогу держать магический барьер, ибо лес питает меня, а я его.

– Значит, чтобы Гринхорн избавился от сваарта, нам нуж-

но вновь открыть врата для людей? – уточнила Никела.

– Да, это так, – подтвердил Великий Олень.

– Но сделать это – значит вновь подвергнуть опасности Гринхорн, – рассудительно прогудел Кэйаф. – Люди один раз чуть не уничтожили нас, и вы хотите дать им еще один шанс?

Есения поняла, что Совет вот-вот уступит, нужно лишь еще немного надавить.

– Если мы выступим против Земирада, то прервем царствование безумных королей и снова воцарится мир между людьми и лесом, – вновь шагнув вперед, произнесла она.

– Даже если мы остановим Земирада, династия на нем не прервется, – осторожно произнесла Ксантина. – У короля есть сын, если я не ошибаюсь?

– Ему всего два года, он слишком мал, тем более он живет у родственников в Зэлии, а значит, лишен влияния отца-тирана, – ответила Есения.

– Жена короля сейчас находится в магическом сне, однако скоро она пробудится, – добавила Надия. – София – не Ратная, она не склонна к жестокости и злобе, она будет править справедливо, пока Станимир не подрастет. С ее направляющей рукой он станет достойным правителем, я уверена.

– Сколько времени продержится магический барьер? – кратко спросил Адамун у Великого Оленя.

– Боюсь, он уже истончается, – мрачно ответил тот. – Гниль расплзается все быстрее, я не знаю, сколько я смогу ее удерживать.

– Что ж, – подвел итог Адамун, – вы слышали защитника леса. Чтобы спасти Гринхорн – необходимо вновь воссоединить нашу связь с людьми. Чтобы сделать это – нужно пре-сечь безумие Ратных. Так тому и быть. Проголосуем.

Один за другим члены Совета склонили головы, едино-гласно решив вступить в битву.

– Избранная баляя, – Адамун обратил внимательный взгляд на Есению, – ты поведешь нас в этой войне. Надеюсь, мы не зря тебе доверились.

После этого члены Совета существ удалились, оставив Есению наедине с тревожными мыслями. Ответственность, которую возложил на нее Великий Олень, была слишком вы-сока. Теперь, если их постигнет неудача, пострадает не толь-ко она, но многие. Справится ли она с со своим предназна-чением?

Глава 31

Едва первые солнечные лучи коснулись магического ба-
рьера, как весь Гринхорн услышал пронзительную трель со-
тен труб. Земирад собрал свою армию перед воротами в лес.
Великий Олень послал орла-разведчика, и тот сообщил, что
войско короля насчитывает три тысячи гвардейцев. Сущест-
в из леса было намного меньше. Совет смог собрать лишь
пятьсот, однако, если бы план Есении сработал, численное
преимущество Земирада не сыграло бы роли.

Она потихоньку удалилась от всех. Сердце ее заходило
неровным стуком, а дыхание перехватывало от страха за
всех, кому она пообещала победу. Есения раз за разом про-
говаривала внутри план действий, а руки мяли белоснежные
рукава расшитой узорами туники. Атэнэйс откуда-то доста-
ла им с Надией по паре коричневых кожаных штанов и два
черных плаща, отороченных мехом. Видимо, одежда оста-
лась в лесу с тех времен, когда существа из Гринхорна еще
выходили в Хорсан. Для удобства Есения изменила себе и
заплела волосы в две жемчужные косы, что теперь лежали на
спине. На поясе висел уже ставший привычным кинжал.

Именно такой, застывшей в напряжении между деревьев,
и нашел ее Оборотень. Отняв ее ладони от замученных рука-
вов, он крепко сжал их, а потом поднес к губам. Теперь уже
совсем другие мурашки побежали по телу, когда его хищный

взгляд остановился на ней.

– Нервничаешь? – усмехнулся он, но в глубине его глаз затаился тот же страх.

– А ты как думаешь? – прижалась она лбом к его груди. – Столько жизней зависит от того, как я поведу себя на поле битвы. Все они пошли за мной, и я буду виновна в смерти каждого из них.

Оборотень приподнял ее подбородок и тихо проговорил:

– Совет дал согласие, они идут на это добровольно. Ты, как всегда, слишком много думаешь. План сработает, я уверен. Только пообещай мне... держаться за мной и не рисковать зря, хорошо?

– Каждый из нас будет сегодня рисковать. Я не буду стоять в стороне, пока другие сражаются, – упрямо пробормотала Есения. – Теперь все в руках Рода.

– Может, боги и богини защитят нас в бою, а может, им на нас наплевать, – хмыкнул Оборотень. – Но они не решают нашу судьбу, Есения. Выбирать можем только мы сами.

Сегодня его поцелуй был совсем другим, словно Оборотень наконец решил разрушить все стены, что окружали его сердце. Он будто пытался доказать самому себе, что не потеряет ее. Его губы, не зная жалости, дразнили и уговаривали, а затем вновь захватывали контроль и впивались, как дикий крыжовник, до крови, до боли, но Есения, потеряв голову, отвечала на каждую его атаку.

Пальцы Оборотня, которыми он сжимал ее талию, вдруг

заострились, и он впился когтями в ствол дерева, что стояло позади. Рычание вырвалось из его груди, и Есения прижала ладони к его чуть колючим щекам.

– Ты не потеряешь контроль, – твердо проговорила она. – Ты сможешь справиться с ирбисом.

Мгновение спустя Оборотень уже стал самим собой, и сразу на его губах заиграла любимая усмешка.

– Постараемся сегодня не умереть, – бросил он, и Есения, покачав головой, отправилась вслед за ним.

Казалось, солнце сегодня забыло о том, что на дворе ноябрь. Его яркие лучи отражались от дымчато-белого снега, когда Есения, Надия и ирбис вышли к войску Земирада. Есения старалась казаться спокойной, однако внутри она похолодела – такой огромной ей показалась армия короля. Повсюду реяли гербы Ратных. Драконы хищно скалились, будто обещая разорвать врага на куски.

Едва увидев Земирада, чьи тяжелые золотые доспехи слепили глаза, Есения словно вновь оказалась в тронном зале, а руки ее покрывала кровь матери. Раскаленный гнев пробежал по венам, наполняя ее ненавистью, но сейчас ей нужен был холодный рассудок, слишком многие зависели от нее. Рядом с Земирадом застыла королева-мать. Велина была одета в кожаные доспехи поверх медно-коричневого пла-

тъя. Она не отрывала взгляда от Надии, и глаза ее пылали злобой. Король вышел чуть вперед, и гвардейцы позади него сразу встали на изготовку. Оборотень предупреждающе зарычал, и Земирад дал им знак подождать. Он по очереди взглянул на противников, а затем усмехнулся.

– И это вся твоя армия, Есения? Признаться, я ожидал большего.

– Вы еще можете сдаться, – холодно ответила Есения. – И избежать гибели своих воинов.

Король хмыкнул, совсем не убежденный ее словами.

– Балия, даже если ты позовешь на помощь всех существ этого леса, тебе не победить мое войско. Однако я готов пойти тебе навстречу. Открой врата в Гринхорн, и тогда я пощажу зверей, что живут там. Мне лишь нужны знания, я не хочу проливать кровь.

– Именно поэтому вы созвали трехтысячную армию? – насмешливо бросила Надия. – Ради мирных переговоров?

Король резко перевел на нее взгляд, наполненный ледяной сталью.

– Не ожидал, что и ты предашь меня, Надия. Видимо, жизнь твоей семьи значит для тебя меньше, чем эта девчонка.

Надия дернулась вперед, и Земирад улыбнулся, довольный, что его удар попал в цель. Есения положила руку ей на плечо, предостерегая от ошибки.

– Я не могу принять ваши условия, – процедила она. –

Только богам и богиням надлежит менять правила этого мира. Я не позволю вам войти в Гринхорн.

– Что ж, очень жаль... – бросил Земирад. – Тогда мне придется сжечь этот лес и убить всех, кто попадется у меня на пути. А начну я с него, – кивнул он на ирбиса, который в ответ глухо зарычал.

Не позволяя королю увидеть, как напугала ее эта угроза, Есения тихо проговорила:

– Так тому и быть.

Они отступили назад, ближе к лесу. Среди гвардейцев слышались тихие смешки, видимо, Земирад сказал им, что битва будет быстрой. Сколько нужно времени, чтобы три тысячи уничтожили троих? Вот только их было не трое.

Магический барьер за спиной Есении начал дрожать, переливаясь на свету, и через миг из леса появились шестеро существ. Они встали позади Есении в безмолвном полукруге. Смех оборвался, ведь никогда раньше люди не видели волшебных существ из древних преданий.

Король скомандовал гвардейцам, и те из глубины строя выкатили несколько орудий, которые Есения сразу узнала. Та же огромная тетива, та же смертоносная стрела. Теперь было ясно, откуда у наместника Гостивара было оружие, которое чуть не убило Оборотня. Есения вспомнила разговор с Земирадом, который утверждал, что не знал об экспериментах наместника, и почувствовала себя дурой. Каждое слово короля было ложью.

Трубы загремели, и первая шеренга гвардейцев ринулась вперед. Есения мысленно связалась с членами Совета, стоящими за ней, и дала команду выдвигаться. В тот же миг каждый из них издал боевой клич, и за ними стали появляться самые разные животные. За Атаной выстроилось множество лис: рыжих и черных, серебристых, как лунный свет, и белых, как амарантовая мука. За Ксантиной появились рыси и дикие кошки. Кэйаф повел в бой оленей, что стучали о землю ветвистыми рогами.

Первыми в бой ринулись бурые медведи Иазэна. Громким ревом разрывая монотонный гул труб, они смели первую шеренгу врага и продвинулись вперед. Никела протяжно завывала и десятки рыжих волков отправились за ней в бой. Остальные члены Совета тоже дали знак наступать, и через пару минут поле боя превратилось в мешанину когтей, острых зубов и человеческих тел.

Рядом с Есенией остались Надия и ирбис, который пока не вступал в битву, защищая их. Адамун издал гортанный крик, и десятки птиц вылетели из леса. Орлы, ястребы, вороны, соколы – все они заполонили собой небо, большим облаком закрыли солнце, словно наступила ночь, а затем ринулись на врага. Они били крыльями и клевали гвардейцев, заставляя тех отбиваться изо всех сил. Король, покрытый кровью, но невредимый, выкрикнул приказ, и задние шеренги сделали залп из арбалетов. Сотни стрел взметнулись вверх, поражая птиц. С протяжным криком они падали наземь, словно

дождь из залитых кровью перьев.

Надия рядом сосредоточилась на своем даре, и воздух вокруг задрожал от ее силы. Те гвардейцы, что подступали к Есении с боковых сторон, валились на землю, пораженные приступом невыносимой боли. Король приказал стрелять из смертельных орудий, и длинные острые стрелы полетели в существ, поражая их на своем пути. Одна из стрел целилась в сторону Есении, но Ксантина ринулась на орудие, разбив его в щепки. Ее золотая шерсть окрасилась алым, когда гвардейцы напали на нее вчетвером.

Иазэн и Никела, бившиеся рядом с ней, громко взревели. Есения почувствовала их боль каждой мышцей, каждой своей клеткой. Они потеряли не просто члена Совета, но и подругу, которая была рядом много столетий. В безумной ярости они бросились на другое орудие и разорвали на части стоящих рядом гвардейцев. Последнее орудие помогли уничтожить птицы, что отвлекли людей, пока олени Кэйафа громили его рогами.

Отряд из двадцати гвардейцев смог прорваться к Есении, и ирбис бросился на них. Она знала, что Оборотень обычно старался не причинять боли, но, видимо, ирбиса разъярила опасность, грозящая ей, и он разрывал зубами всех, кто попадался ему на пути. Однако он не мог справиться со всеми. Надия постаралась защитить Есению, но она и так держала в болезненных кошмарах левый и правый фланги и начинала слабеть. Есения сжала в дрожащих пальцах кинжал,

которому наконец пришло время себя проявить. Оборотень показал ей основные приемы боя, но сейчас она не могла вспомнить ни одного из них. Один из гвардейцев преградил ей путь, и она узнала в нем стражника, что так наслаждался ее страхом в тронном зале. Бледно-зеленые глаза сузились в мрачном удовлетворении, когда он напал на нее, стараясь пронзить штыком.

– За предательство короля ты умрешь, балия, – зарычал он, пока Есения вновь и вновь уходила от его ударов.

Непривычная к тяжелому весу клинка, она начала уставать, и стражник воспользовался этим, резко выбив его из рук. Он без труда, словно играя, толкнул ее на землю, и занес над ней штык. Не успела Есения обратиться к своему дару, как яркое сине-зеленое пятно взметнулось между ними. Адамун защитил ее собой, штык вонзился в его бок, нанеся глубокую рану. Есения, связанная с ним, ощутила ту же жгучую боль, но сжав зубы, поднялась и схватила отброшенный кинжал. Стражник, невольно попятившийся от нападения павлина, растерялся всего на миг, но этого хватило, чтобы Есения подняла над головой кинжал и с громким криком вонзила его прямо ему в сердце. Бросив на нее последний удивленный взгляд, стражник рухнул и больше не шевелился.

Есения взглянула на свои ладони. Кровь стражника окрасила их багровыми каплями, и у нее сразу зашумело в ушах. Она убила его... отняла жизнь своими руками. На секунду

Есения потеряла связь со своим даром и всеми существами. Словно в тумане она посмотрела на неподвижное тело Адамун. Это заставило ее сбросить вязкую дымку, и она упала на колени рядом с ним. Павлин еще дышал, но едва-едва. Есения попыталась зажать глубокую рану, однако Адамун накрыл ее ладонь крылом, словно чувствуя приближающееся забвение. Вдохнув в последний раз, он остановил неподвижный взгляд на ярком лазурном небе.

Ирбис подбежал к Есени, его серебристый мех пропитался кровью.

– Ты ранен? – с трудом проговорила она.

«Нет, это кровь врагов, – низко прорычал он в ее голове, – тебе пора давать команду членам Совета».

Она окинула взглядом поле боя. Сейчас оно напоминало маковую поляну, однако не ритуальные цветы были виной этому алому морю. Тела гвардейцев переплелись с существами из леса, словно кто-то принес в жертву Чернобогу этих созданий. Столько смертей... но они будут оплакивать их позже. Армия Земирада сократилась вдвое, однако их все равно было слишком много. Есения мысленно попросила Великого Оленя открыть магический барьер, и приказала всем отступать в лес. Члены Совета сразу развернули свои отряды, и Ургамлы расступились, принимая их домой.

Есения встретилась взглядом с королем, который с болезненным возбуждением смотрел на открытый проход в Гринхорн.

– Наш враг отступает! – проревел он. – Столетия ожидания подошли к концу. Наконец Гринхорн будет нашим! Вперед... и не щадить никого.

Когда Есения прошла сквозь барьер, она чувствовала спиной его торжествующий взгляд.

Когда Земирад вместе с матерью и небольшим отрядом гвардейцев ступил в Гринхорн, его переполняла безумная радость победы. Все, к чему стремились его предки, но не добились, – получилось у него. Хотел бы он, чтобы отец сейчас видел его. Едва ли от него можно было добиться хоть одного слова похвалы, но такой триумф не мог не заставить его гордиться сыном.

Магический барьер пропустил его без всяких преград. «Так и знал, что рано или поздно лес сдастся», – усмехнулся про себя Земирад. Он вдруг очутился на большой поляне, со всех сторон окруженной странными деревьями. Земирад почувствовал слабое разочарование. Лес как лес, только листья какие-то причудливые, он ожидал... чего-то большего от прославленного Гринхорна.

Командир Колояр, строгий седовласый вояка, что занял свой пост еще при предыдущем короле, тревожно нахмурился.

– Ваше величество, здесь что-то не так, – медленно про-

говорил он. – Слишком уж здесь тихо.

– Да твой командир, похоже, испугался, сын, – насмешливо бросила мать. – Разве трус достоин командовать твоей армией?

Земирад уже несколько раз пожалел, что разрешил матери присутствовать на поле битвы. Но она умела быть убедительной, когда хотела. Мать желала лично увидеть, как умрет ее давняя соперница, Надия. Это было ее право, и Земирад дал согласие, взяв с нее слово держаться позади него и помалкивать. Естественно, свои обещания она постоянно нарушала.

Земирад раздраженно вздохнул и повернулся к Колояру.

– Нам остался последний, решающий шаг, чтобы уничтожить врага, – процедил он. – Если вы отступите, командир, вы знаете, что вас ждет.

Командир сжал зубы, но коротко кивнул. Мгновение спустя на поляну вышла Есения, и Земирад почувствовал яркий огонек предвкушения. Он ждал, что сейчас она сдастся и примет его недавние условия. Даже сейчас Земирад был готов пощадить ее, слишком ценной баляя была для него. Чего он не мог сказать о существах из Гринхорна. Мать рядом с ним напряглась, когда вслед за Есенией на поляне появился огромный олень. Его рога, увитые вьющимися растениями и мелкими цветочками, были в два раза больше, чем у обычного зверя. Великий Олень... неужели это и есть хозяин Гринхорна, что лишил его семью права на этот лес? Олень спокойно смотрел ему в глаза, и Земираду стало не по себе.

Разве не должен защитник леса быть зол на вторжение людей?

– И это все, что осталось от вашей армии? – усмехнулся Земирад, стараясь скрыть за фальшивой уверенностью расползающееся чувство страха.

Что-то действительно было не так, Колояр оказался прав. Даже воздух этом в проклятом лесу был другим, тяжелым и густым, Земираду вдруг стало трудно дышать.

– Ваше величество, – почти издевательски проговорила Есения, – видимо, вы забыли, чем закончилось последнее нападение на Гринхорн. Кто приходит в этот лес с дурными намерениями, пропадает здесь навсегда.

Великий Олень вдруг издал низкий протяжный гул, от которого у Земирада, казалось, зазвенели все кости. Несколько секунд все было тихо, и гвардейцы стали напряженно оглядываться по сторонам. И только Земирад подумал, что все обошлось, как земля содрогнулась. По ней пошла рябь, и жизнь, спавшая несколько веков, пробудилась, готовая разорвать их на части.

– Убить оленя! – резко закричал он, сразу догадавшись, кто управляет ужасом, скрытым в недрах земли.

Несколько гвардейцев ринулись на хранителя леса, однако не успели достигнуть цели. Гигантские зеленые лозы, словно смертоносные щупальца вырвались на волю. Будто сама земля Гринхорна протянула свои покрытые мхом и травой руки, чтобы остановить их. Могучая сила отбросила их от Велико-

го Оленя, словно те ничего не весили. Остальные гвардейцы в страхе попятились, но они знали, что за предательство им грозит смерть. Земирад развернулся к матери, быстро приказав ей куда-нибудь спрятаться, и надеялся, что она хоть раз в жизни послушает. Затем он обратился к своим людям:

– Не дадим этим животным сломить нас! Разобьем их раз и навсегда!

Он первым бросился вперед, верным мечом отсекая щупальца и пробивая себе дорогу к Великому Оленю. На поляну высыпали все звери, что сражались с ними у врат в Гринхорн. Земирад понимал, что сейчас они были на своей территории, а значит, у них было преимущество. Его единственным шансом на победу было убить хозяина леса. Вокруг короля царило пекло, кровожадные лозы разрывали солдат на части, а других утаскивали под землю. Медведи, волки, дикие кошки добивали остальных когтями и зубами. Оборотень в своем зверином обличи прикрывал Надию, и Земирад отстраненно подумал, что похоже матери так и не удастся сегодня свершить свою месть. Все они были слишком заняты битвой и оставили Великого Оленя без защиты, что ему и было нужно. Подобравшись к хозяину леса с правой стороны, Земирад занес над ним меч.

Ему помешал взгляд Великого Оленя. Глаза цвета сочной весенней зелени, казалось, проникли ему под кожу, и дальше, прямо к сердцу. Он увидел себя со стороны, свое детство под гнетом жестокого отца и неутолимую жажду завла-

деть лесом – единственное, что передал ему Радислав. Увидел смеющиеся глаза Софии, как в них погас огонь привязанности, превратившейся в страх. Великий Олень будто давал ему шанс передумать, покаяться. Слабый отзвук вины мелькнул в сердце Земирада. Но он зашел слишком далеко, слишком многим пожертвовал ради этого момента.

В глазах Великого Оленя на секунду мелькнула жалость, а затем три огромных щупальца пробили землю и напали на Земирада. Теперь нужно было только выжить. Острым мечом он безжалостно сек гиганта. Когда Земирад отрубил одно из щупалец, монстр грозно взревел, и еще четыре конечности поднялись на поверхность. Один против шести – Земирад размахивал мечом, но силы были неравны. Зеленое кольцо продолжало сужаться вокруг него, пока не обвилось вокруг ребер и не перекрыло дыхание. Меч выпал из ослабевшей руки. Монстр схватил Земирада и поднял его высоко, к кронам деревьев.

В последний миг король увидел пронзительную синеву неба, такого чистого, словно бойня, разворачивающаяся под ним, была сном. Ребра затрещали, пустив по телу обжигающую боль. А затем была лишь пустота.

Глава 32

Есения, как и все на поляне, замерла, когда древние защитники Гринхорна подняли короля к небу. С высоты полета орла его тело рухнуло вниз, а затем земля забрала Земирада с собой, не оставив ничего оплакивающим его гвардейцам. Увидев, что король мертв, они наконец бросились прочь, подальше от проклятого леса, несущего гибель.

Битва была окончена... но не для всех. Густую тишину разорвал громкий вопль, словно раненое животное билось в предсмертной агонии. Из-за дерева, обагренного кровью людей и жителей Гринхорна, пошатываясь, вышла Велина. В ее дрожащих руках был арбалет, что бросил кто-то из гвардейцев.

Ирбис сразу же зарычал и присел, готовясь к атаке, но Велина целилась только в Надию. Ее глаза горели бешеным огнем, теперь ей нечего было терять, и она обратила свой гнев на ту, кого она ненавидела много лет.

– Ты... это ты во всем виновата! – прошипела она. – Ты убила моего сына!

Надия спокойно смотрела на королеву-мать, будто они были на приеме, а смертоносная стрела не целилась ей в сердце.

– Вашего сына убила непомерная жажды власти, – бросила она. – И в этом нет моей вины.

– Сначала ты забрала моего мужа, что помешался на тебе, словно мальчишка, – будто не слыша ее, продолжила королева-мать. – Ты соблазнила его своими чарами, а теперь мой сын мертв из-за твоего предательства.

Пока она говорила, Атана тихо кралась позади Велины, ее рыжий хвост разметал листья, когда она приготовилась прыгнуть. Все произошло слишком быстро. Видимо, краем глаза королева-мать заметила лисицу, и понимая, что это ее последний шанс отомстить, выпустила стрелу в Надию.

Есения не думала. Что-то большее, чем инстинкт, заставило ее броситься к Надии и оттолкнуть ее с пути смертельного удара. Грудь пронзила острая боль, словно тысячи косяных игл мгновенно вонзились в ее тело. От силы удара Есения отшатнулась, мир закружился перед глазами, и она упала на спину. Густой гул в ушах приглушал все звуки, но она различила, как раздался пронзительный вой, а затем, спустя пару секунд, рядом с ней рухнул Оборотень.

– Есения... Есения, сейчас... – лихорадочно бормотал он, прижав ее к себе.

Она уткнулась носом в его голую грудь, и ее окутал запах теплого дерева и молодой зелени. Никогда она еще не была так близко к нему.

– Я сейчас выдерну стрелу, не смей умирать, слышишь! – прорычал Оборотень, и грудь вновь разорвало жгучей болью, когда он зажал рану ладонью.

Туника сразу намокла, горячая кровь заструилась из ра-

ны, и Есения чувствовала, как по капле жизнь утекает из нее. С трудом она положила ладонь поверх скользкой руки Оборотня, умоляя его посмотреть ей в глаза.

– Слишком поздно, – прошептала она, во рту появился привкус меди. – Прошу, дай мне уйти.

– Никогда... – сквозь зубы пробормотал он, продолжая давить на рану. – Ты не оставишь меня, я не позволю!

– Я всегда лишь хотела... чтобы меня приняли, и чтобы... полюбили. Ты дал мне все это, Оборотень. Ты стал... моей мечтой, – прошептала Есения, и его протяжный вой был последним, что она услышала.

Мир вокруг напоминал старый сон, который при пробуждении никак не удается вспомнить. Есения стояла посреди Роши Предков, древние дубы шелестели зелеными ветвями, а в воздухе разливался терпкий запах лета. На ней был чистый лазурно-голубой сарафан, а грудь больше не разрывалась от жгучей боли.

Низкий, могучий, как гроза, голос позвал ее вперед. Ведомая им, Есения вышла на поляну, где должны были стоять идолы. Но вместо гладкого дерева ее ждали семеро богов и богинь.

Молодая русоволосая Лада нежно улыбалась ей, словно говоря, что бояться нечего. Статная Мокошь, с косами, пе-

реплетенными пшеничными колосьями, чуть наклонила голову, приветствуя ее. Сварог и Перун – оба плечистые и черноволосые, строго глядели на Есению, но в глазах их не было гнева. Словно в насмешку над угрюмыми богами, юный златовласый Хорс хитро улыбнулся и подтолкнул локтем Стрибога, что задумчиво перебирал струны гуслей.

Есения перевела взгляд на Велеса, который рядом с остальными богами и богинями казался великаном. Его мощную голову венчала корона из оленьих рогов, в густую каштановую бороду были вплетены костяные бусины и звериные клыки. Он внимательно оглядел Есению, а затем довольно хмыкнул.

Она замерла, охваченная трепетом при виде богов и богинь, что стояли перед ней, как обычные люди. Она рухнула на колени, коснувшись лбом густой листвы.

– Встань, избранная баляя, дочь Велеса, – пророкотал голос рядом с ней, и Есения встретила взглядом с главным богом Элейнии.

Род был точно таким, каким рисовали его во всех преданиях. Седовласый старец с пронзительными полуночно-синими глазами, он серьезно смотрел на нее из-под кустистых бровей. Есения поднялась и тихо спросила:

– Где я, создатель всего сущего?

– Разве ты не узнаешь это место? – удивился Род.

– Да, но почему *вы* здесь?

– Ты в Прави, баляя, – густым, как липовый мед, голосом

проговорил Велес. – Так он выглядит для тебя.

– Душам смертных не место в Прави, но для тебя, избранная балия, мы решили сделать исключение, – лукаво бросил Хорс, словно тысячью солнечных лучей оживив поляну.

– Так я... мертва? – осторожно спросила Есения.

– Это зависит от тебя, – пронзил ее взглядом Род. – Ты можешь вернуться в Явь... или присоединиться к своей матери в мире Светлой Нави.

Вина пронзила Есению острым клинком. Только из-за нее мать погибла страшной смертью, не будь она так упряма, то уговорила бы ее покинуть Хорсан гораздо раньше.

– Не тревожь свое сердце напрасными сожалениями, – нежно проговорила Лада, словно прочитав ее мысли. – Твоя мать приняла тяжелую смерть, но теперь ее душа свободна в мире Нави.

– Ее смерть открыла врата в Гринхорн... – сквозь слезы проговорила Есения. – Но как мне справиться с этой болью?

– Балия, жертвой была не твоя потеря... а твоя жизнь, – мягко проговорил Велес. – Ты отдала ее добровольно, защитив другое существо. Это и откроет врата в лес, пророчество было исполнено.

Сердце сжалось, отказываясь верить в горечь истины.

– Так гибель моей матери была напрасной? Земирад убил ее просто так? Как вы могли допустить это? – воскликнула Есения, на миг забыв, где она находится, и как могут разъяриться боги и богини на ее обвинение.

– Судьбы всех людей и существ переплетены тонкими нитями, – острым, как наточенный серп, голосом произнесла Мокошь. – Даже боги не всегда могут предугадать, когда нить порвется.

– Значит, моя нить уже оборвалась, раз я стою здесь? – нахмурилась Есения.

– Лишь истончилась. Твое время еще не пришло, – сверкнув охровыми глазами, ответила богиня. – Сейчас в твоих руках перерезать ее или сплести вновь... не многим дается такой выбор.

Встретиться с матерью, попросить прощения за все зло, что причинили ей по вине Есении. Ее сердце страстно желало этого... но насмешливые глаза цвета голубоватого льда не позволяли согласиться. Как может она покинуть Оборотня, чья жизнь так прочно переплелась с ее?

– Что ты решила, баляя? – нахмурил густые брови Род.

– Пожалуйста, верните меня в мир людей... – прошептала Есения, низко поклонившись создателю всего сущего.

– ДА БУДЕТ ТАК! – разящим громом разлился по поляне его голос, и она почувствовала острое жжение в груди.

Есения согнулась пополам, багровая дымка затуманила глаза, когда живительная сила проникла в нее, заставляя сердце забиться вновь.

Оборотню казалось, что он сошел с ума от горя. Он изо всех сил прижимал к груди Есению, отказываясь признавать, что ее тело, все еще такое теплое, было лишено жизни. Он молился всем богам и богиням, что мог вспомнить. Скорбь, казалось, сгустилась в воздухе. Надия безмолвно опустилась рядом с ним, прикрыв его плащом, но Оборотню было все равно. Он готов был просидеть так сотни лет, если потребуется, только бы она вернулась.

Неровный стук ее сердца показался ему насмешкой надежды, что жестоко обманывала его разум. Но тут он повторился, и Оборотень замер, когда рваная рана на груди Есении начала затягиваться. Резкий вдох разорвал тишину, и она открыла глаза.

– Есения... – рука предательски дрожала, когда он убрал жемчужную прядь с ее лица. – Как... как это возможно?

Оборотень почувствовал, как Надия рухнула на колени рядом с ним.

– Есения! – зарыдала она. – Хвала богам и богиням, ты жива!

– Почему ты голый? – хрипло спросила Есения.

Оборотень с трудом усмехнулся, хотя все, чего ему хотелось, – это также разрыдаться от облегчения.

– Знаешь, как-то не было времени одеться, пока ты уми-

рала у меня на руках, – бросил он.

Есения коснулась его щеки, ее лазурно-карие глаза серьезно сощурились, словно она готовилась дать обещание.

– Благодаря богам и богиням я вернулась, Эйрон. И больше не покину тебя.

Она ухватила за его руку и, пошатываясь, встала. Казалось, ее связь с этим миром еще не была достаточно прочной, и Оборотень крепко прижимал ее к себе, готовый с боем вырвать ее из мира мертвых, если потребуется. Больше он ее не потеряет.

– Есения, прошу, прости меня... – тихо проговорила Надия, глядя под ноги. – Эта стрела предназначалась мне.

– Ты не виновата, и даже не смей думать обратного! Это было моим решением, и я не жалею о нем, – строго посмотрела на нее Есения и перевела взгляд на Велину, что лежала без сознания. – Что с королевой?

– Когда ты упала, я почувствовала такую ярость. Похоже, я перестаралась со своей силой. Она жива, просто... слегка забылась.

«Будь я на твоём месте, я бы не оставил ее в живых», – прорычал Оборотень про себя.

Оставшиеся члены Совета подошли к Есении и почтительно поклонились. Битва забрала больше жизней, чем кто-либо готов был отдать. Ксантина и Адамун пали, и теперь по ним будут проводить ритуал прощания в течение семи дней. Атэнэйс ласково потерлась о бок Есении, проговорив:

– Я так рада, что ты выжила, балия.

– Кстати, как это произошло? – прорычал Иазэн. – Никогда еще мы не видели, чтобы мертвые возвращались к жизни.

– Боги и богини решили, что мое время еще не пришло, – улыбнулась Есения.

Затем она перевела внимательный взгляд на Великого Оленя и добавила:

– Вы знали о том, что жертвой была моя жизнь, а не жизнь моей матери, верно?

– Да, боги поведали мне об этом, – чуть кивнул головой он. – Но я не мог вмешиваться. Это должно было произойти только по доброй воле. Ты прошла испытание, избранная балия.

– Так теперь врата в Гринхорн вновь открыты для людей? – спросила Надия.

– Да, раз пророчество было исполнено. Надеюсь, люди докажут, что они достойны того, чтобы обладать нашими знаниями, – вздохнул Великий Олень.

Глава 33

Когда София открыла глаза, она сначала не поняла, где находится. Крошечные затхлые покои ей не принадлежали, а шелковое нижнее платье было вызывающе-алого цвета. Никогда бы королева не позволила себе такую безвкусицу, неужели Анисья передела ее, пока она, измученная долгими родами, прилегла отдохнуть? Да и вообще, кто перенес ее сюда? Разве что Земирад придумал новые способы наказать ее.

Станимир... ее маленький сынок, где он? В панике София попыталась позвать Анисью, но из горла донесся лишь задущенный хрип. Приподнявшись на локтях, королева поразилась, как затекло тело всего за пару часов. Страх за сына заставил ее упрямо сползти с кровати, но едва она выпрямилась, как сразу рухнула на ледяной каменный пол. По лицу потекли слезы отчаяния. Да что с ней такое?

Все оставшиеся силы ушли, чтобы подтянуть свое непослушное тело к дубовой двери. Ладонь, удар которой был не тяжелее птичьего крыла, опустился на дверь, но, хвала богам и богиням, кто-то услышал ее безмолвный крик. Плечистый немолодой стражник, появившийся на пороге, ошарашенно застыл.

– По... помоги мне, – прохрипела София, и тот мгновенно наклонился и поднял ее на руки, словно она весила не

больше ребенка.

– Ваше величество, вы проснулись... – неверяще пробасил стражник, вновь опустив ее на ненавистную кровать. – Я сейчас позову кого-нибудь.

– Нет! – поддавшись мгновенному ужасу, смогла выдавить София. – Не... оставляй меня... одну.

Словно поняв ее состояние, стражник чуть наклонился. Его теплые зеленовато-карие глаза смягчились, и он успокаивающе ей улыбнулся.

– Ваше величество, то, что вы очнулись – великая радость для всего королевства. Но позвольте знахарю осмотреть вас.

– Очнулась? – проговорила София.

С каждым словом ее голос креп, словно вспоминая, как слушаться хозяйку.

– Вы спали два года, моя госпожа, – осторожно проговорил стражник, и сердце ее похолодело.

Она тяжело опустилась обратно на подушки и даже не заметила, как стражник покинул ее.

Спустя пару часов по всему замку, она уверена, уже разлетелась весть о «чудесном пробуждении королевы». Стражник, которого звали Огнеслав, привел к ней двух знахарей, а также Ведомира, а потом встал у изголовья ее кровати, словно готовый дать отпор любому врагу, что угрожает ей.

«Боюсь, от моего мужа тебе меня точно не защитит», – мрачно усмехнулась про себя София.

Знахари долго осматривали ее, не найдя никаких недугов, кроме разве что истощения да слабых мышц. Королева была благодарна им за то, что вновь почувствовала силу в ногах от их мазей, но сердце по-прежнему разъедал гнев. Где они были, когда она валялась в постели два года?

Это все еще не укладывалось у нее в голове. Она помнила, как, взглянув на рыжеватую головку сына, прикрыла глаза, а потом... все было будто покрыто вязким слоем тумана. Ведомир рассказал, что Земирад отправил Станимира к ее родителям в Зэлию. То, что король избавился от их ребенка, совершенно не удивило Софию, но мысль о том, сколько она пропустила, легла на сердце тяжелым камнем. Ее драгоценный сын рос без нее, разделенный с ней Замятным морем.

Когда знахари удалились, София, стараясь сдержать ярость, спросила у Ведомира:

– Где сейчас король?

Она догадывалась, что Земирад приложил руку к ее двухлетнему отсутствию, и хотела поглядеть в его лживые глаза.

– Земирад повел армию в лес Гринхорн, – вздохнул старик. – Боюсь, я не смог помешать ему.

– Так он все-таки добился своего... – прошептала София. – Надеюсь, теперь его непомерной жажде придет конец.

– Это... еще не все новости, ваше величество, – осторожно добавил Ведомир. – Весть пришла совсем недавно... вой-

ско короля было разбито, остатки гвардейцев сейчас стекаются обратно к замку.

Сердце на миг замерло, терзаемое одновременно надеждой и горечью.

– Советник... король мертв? – побледнела София.

– Боюсь, что так, моя госпожа.

Столько лет... разочарования и боли, страхов, сожалений. Неужели все закончилось? Она вдруг освободилась от клетки, но не знала, что теперь делать с этой свободой. Еще до того, как она уместила в сердце эту оглушающую весть, она решила, что первым делом вернет сына домой.

Ее королевские покои, оказывается, заняла мать короля. Эта старая ведьма всегда смотрела на Софию свысока, так что она совсем не удивилась такому повороту. Решив разобраться с Велиной позже, она вызвала служанок, и ее скромные покои наводнили незнакомые девушки. Они лишь отвели глаза, когда София спросила, где Анисья, и королева поняла, что больше никогда не увидит свою пожилую защитницу. Еще один родной человек, с которым разлучил ее Земирад.

Служанки помогли Софии надеть громоздкое верхнее платье, расшитое золотом, а медные волосы, отросшие почти до пола, убрали в тяжелые косы. Рубиновая корона ощущалась на голове совсем чужой, но королева должна была показать всем, что не беспомощна, несмотря на долгое «отсутствие». Огнеслав ждал ее за дверью, чтобы проводить во

двор замка. София хотела лично встретить остатки армии короля.

Командир Колояр, желчный и неприятный человек, едва увидев ее, стал похож на огромную жабу. София, стараясь сдержать смех, выслушала его опасения по поводу ее здоровья.

– Благодарю вас, командир, я прекрасно себя чувствую.

– Но, ваше величество, теперь, когда войско разбито, нам нужно...

– Я сама решу, что нам нужно, – отрезала София, вмиг став серьезной. – Теперь, когда мой муж... погиб, я встану во главе нашего королевства, пока мой сын не вернется домой. Так что осторожнее с советами, командир.

Колояр побледнел от злости, но София уже не смотрела в его сторону. Ее внимание привлек небольшой отряд, который не был похож на бегущих с битвы гвардейцев. В центре шла совсем юная девушка с косами цвета лунного луча. Несмотря на хрупкость, казалось, что именно ей подчиняются все остальные. Оборотень, ищейка Земирада, шел рядом с девушкой. София напряглась, заметив на его руках неподвижное тело Велины. Как бы ни относилась София к королеве-матери, она не могла позволить, чтобы та пострадала. Поэтому она строго бросила все еще пыхтящему рядом Колояру:

– Позовите сюда стражу. Мы не знаем, с какими намерениями прибыл сюда этот отряд.

– Сразу ясно, с какими, – проворчал командир, но пошел выполнять ее приказ.

София вновь обратила взгляд на странную маленькую группу и среди нее вдруг узнала Надию, придворную балию короля Радислава. Королева была уверена, что она умерла четыре года назад. Видимо, это была еще одна ложь Земирада. Чуть позади балии следовали уж совсем невероятные существа: темно-рыжая лиса и олень с ветвистыми рогами. Когда первое удивление прошло, София поняла, что это существа из Гринхорна.

Советник Ведомир шустро сбежал по ступеням замка, за ним следовал отряд из пяти стражников. «Будто такое жалкое количество охраны защитит меня от балий», – фыркнула про себя королева. Огнеслав – ее молчаливый страж, который, похоже, возомнил себя ее защитником, напрягся, когда отряд подошел ближе.

– Ваше величество, – тихо произнес Ведомир, наклонившись к ней. – Я понимаю, все выглядит худо, но, прошу вас, послушайте балию.

София и сама поняла кто перед ней, когда девушка с белыми волосами шагнула вперед. Ее разные глаза сразу говорили о ее даре.

– Ваше величество! – звенящим от напряжения голосом произнесла она. – Меня зовут Есения, я была балией в этом замке. Мы очень ждали вашего пробуждения и рады, что вы в добром здравии.

– А уж как я рада... – пробормотала София, улыбнувшись про себя от такой пылкости юной балии. – Что вы сделали с королевой-матерью? – строго произнесла она.

– Королева пострадала в битве, – уклончиво ответила Есения. – Но она будет в полном порядке... когда немного отдохнет.

Увидев Ведомира, девушка расплылась в радостной улыбке и почтительно ему кивнула.

– Так что же вам нужно? – стальным тоном спросила София. – Вы пришли обменять Велину на помилование?

– Что? – побледнела балия. – Нет, ваше величество, мы пришли с доброй вестью.

– Едва ли весть о смерти короля можно считать доброй, – покривила душой королева.

– Мы соболезнуем вам, – мягко проговорила лисица. – Битва окончена, обе наши стороны понесли большие потери. Сейчас от вас зависят дальнейшие отношения с Гринхорном, будь они мирные или нет.

Ее янтарные глаза испытывающе оглядывали Софию, пока она старалась справиться с потрясением. Она конечно читала предания о том, что существа из Гринхорна говорят, но это все равно было... странно.

– Мы здесь по поручению Великого Оленя – защитника леса, – присоединился олень. – Он послал нас вместе с избранной балией, чтобы сообщить, что лес откроет свои врата для людей, если вы будете поддерживать мир.

София прекрасно знала о планах Земирада. Он собирался выжечь лес дотла, и со стороны Великого Оленя было странно предлагать открыть врата после такого предательства.

Видя ее сомнения, Есения вновь обратилась к ней:

– Ваше величество, я прошу лишь выслушать нас.

Положение Софии в замке сейчас было шатко, как никогда. Она не могла ошибиться в своем решении, однако мысль о том, что она сможет наладить мир с лесом, приятно грела ее душу.

– Что ж, хорошо, – наконец выдохнула она. – Сейчас мы отправимся в замок, и вы расскажете мне все, что произошло в Гринхорне.

Неделю длился Вящий траур, когда Элейния просталась со своим королем. Несмотря на то, что Земирад не был милостивым правителем, подданные отовсюду стекались в Хорсан, чтобы помолиться в храме Рода и поглазеть на новую королеву. Перемены всегда пугают, и люди пока сомневались в Софии, однако весть о мире с прославленным лесом Гринхорн была добрым знаком даже для самых недоверчивых сердец.

Наконец настал тот день, когда Ратные вновь встретились с существами из леса. После того как Есения рассказала королеве все, София приняла решение лично приехать в Грин-

хорн и выказать свое уважение Великому Оленю. В качестве исключения, он позволил королеве посетить лес, и они о чем-то долго говорили у Мирового древа. Есению удивило, что хозяин леса открыл тайну божественного дуба одной из Ратных, но, как всегда, доверилась его мудрости.

Когда торжественная процессия вернулась в замок, королева вызвала Есению к себе. Ее ореховые глаза, сначала такие недоверчивые, теперь тепло ее поприветствовали. После смерти короля, она заняла его мнитые покои, где принимала советников и раздавала приказы.

– Теперь, когда мир с Гринхорном заключен, что ты планируешь делать? – сразу перешла к делу София, откинувшись на спинку бархатного зеленого кресла.

Этот вопрос сбил Есению с толку. В бешеном колесе, в которое превратилась ее жизнь за последнее время, не было места мыслям о будущем.

– Я... не знаю, ваше величество, – наконец растерянно ответила она.

– Ты можешь остаться в замке и быть посредником между людьми и лесом... но есть и другой путь. Мой сын сейчас в Ээлии. Я бы с радостью вернула его домой сама, но теперь я глава этого королевства и не могу отлучаться надолго. Я отправляю делегацию и хочу предложить тебе поехать вместе с ней.

– Но зачем?

– Признаюсь, мне было бы спокойнее, если бы за Стани-

миром присмотрела балия... да и настоящий оборотень тоже пришелся бы кстати, если кто-то посмеет напасть на принца. Уверена, Оборотень поедет с тобой, если ты попросишь, – хитро усмехнулась София.

Есения почувствовала, какими горячими стали щеки от намека королевы. После того, как боги и богини вернули ее к жизни, Оборотень не выпускал ее из виду, и ни для кого больше не были секретом его чувства к ней.

– Ваше величество, но, если я уеду, кто будет связываться с Гринхорном? – смущенно пробормотала Есения.

– Надия согласилась вновь стать балией при Ратных, если я пообещаю безопасность ее семье. Если ты примешь решение отправиться в Зэлию, мы справимся.

– Так вы знаете...

– Что это она держала меня в магическом сне? – приподняла бровь София. – Да. Она рассказала мне обо всем, что сделали с ней короли. Мне было нелегко принять правду, но я справилась.

– Ваше величество, могу я подумать над решением? – наконец произнесла Есения.

– Конечно. Но недолго, делегация уплывет через неделю.

Есения вышла из покоев Софии и отправилась туда, где всегда ей думалось лучше всего. Оранжерея встретила ее благоуханием цветов. Этот сад словно вновь вернулся к жизни, почувствовав, что его хозяйка пробудилась ото сна. На скамье у фонтана сидела Елена. После того, как погиб ко-

роль, Есения почти ее не видела. Она ухаживала за матерью, которая так и не оправилась от битвы. Здоровью Велины ничего не угрожало, но она не могла смириться с гибелью сына.

От яркой девушки с огненными волосами и заразительным смехом, какой Елена была раньше, почти ничего не осталось. Принцесса словно потускнела, вуаль скорби опустилась на ее лицо, а синевато-черное траурное платье печально охватывало ее фигурку. Услышав шаги, она посмотрела на Есению, а затем вновь перевела взгляд вперед.

– Зачем ты здесь? – безжизненным голосом спросила принцесса.

– Я пришла подумать, но теперь рада, что увидела вас, – осторожно ответила Есения.

– Я постоянно прихожу сюда. Здесь никто меня не тревожит.

– Я соболезную вашей потере, Елена.

Неожиданно принцесса резко вскочила, а ее лицо превратилось в уродливую маску гнева.

– Не смей соболезновать мне! – прорычала принцесса.

– Елена...

– Ты не имеешь права на это, ведь именно ты виновна в смерти моего брата! Я помогла тебе сбежать, и как ты мне отплатила?

Есения растерялась от такой атаки. Ей не было жаль короля, ведь он причинил ей страшную боль, однако принцесса любила брата, и ее можно было понять.

– Елена, – постаралась убедить она принцессу, – король сам избрал такую судьбу. Когда он пришел в лес...

– Не надо перекладывать вину на Гринхорн, Есения! Я знаю, кто вел их в бой. Неужели ты думала, что после всего мы сможем быть друзьями? Каждый раз при виде тебя я буду вспоминать смерть брата. На следующей неделе мы с матерью уплываем в Тэйнерию, ее родное королевство. Она больше не может оставаться здесь, как и я. Мы покинем Элейнию навсегда, и не обижайся, но я бы никогда не хотела видеть тебя снова.

Едва Есения успела оправиться от хлестких слов принцессы, как та уже покинула оранжерею.

Есения отыскала Оборотня в библиотеке. Развалившись в кресле, словно у него было все время мира, он лениво листал какой-то фолиант в изумрудно-зеленой обложке.

– Что, решил подтянуть знания о богах и богинях? – улыбнулась Есения.

– Подумал, что мне стоит изучить страну, в которую мы, возможно, скоро отправимся, – фыркнул в ответ Оборотень.

– Так ты уже знаешь...

– Что королева предложила нам уплыть в Зэлию? Да. Вопрос только в том – хочешь ли ты этого?

Есения опустила в кресло напротив и вздохнула.

– Пока я не могу решиться. Сам знаешь, Зэлия связана для меня... не с очень уж приятными воспоминаниями.

– Ты о Селинии? – прорычал Оборотень, словно ему тоже пока было трудно держать себя в руках.

– Да, но еще в Зэлии живет Дианзэ. Мы не очень хорошо поладили, и это неудивительно, но что, если она захочет отомстить или...

– Или что? – внимательно посмотрела на нее Оборотень. – Ты ревнуешь?

– Нет, я...

– Есения, иди сюда, – строго произнес он, протянув к ней руку.

Раздраженно выдохнув, она приняла его ладонь и в тот же миг оказалась на коленях Оборотня, носом уткнувшись в его шею. Есения замерла, жар пополз от ее лица ниже, пока не охватил все ее тело. Дыхание перехватило, когда Оборотень устроил ее поудобнее, словно они сидели так уже тысячи раз. Есения почувствовала его усмешку и поняла, что его забавляет ее скованность.

– Неужели ты до сих пор сомневаешься в моих чувствах к тебе? – удивительно серьезным голосом спросил он.

– Конечно нет! – вспыхнула она, подняв глаза.

– Тогда тебе нечего бояться, – нахально улыбнулся он. – Дианзэ не причинит тебе вреда, я об этом позабочусь.

– Мне кажется, что нужно посоветоваться с Великим Оленем, – сменила Есения тему, сгорая от смущения. – Он про-

водник богов и богинь, может, он подскажет мне решение.

– Хорошо, отправимся в Гринхорн... как только я решу выпустить тебя из плена, – лишь его хищный взгляд стал ей предупреждением, когда Оборотень накрыл ее губы своими.

Великий Олень, как всегда, ждал ее под Мировым деревом. Его зеленоватые глаза приветственно сощурились, когда она низко поклонилась хозяину леса.

«Я знаю, зачем ты пришла, балия, но, боюсь, я не дам тебе ответа», – услышала она его низкий голос в голове.

– Я лишь хотела спросить, правильно ли я поступлю, оставив Элейнию... оставив Гринхорн.

«Твое сердце жаждет знаний, оно стремится постигать новые места. Почему ты сомневаешься?»

– Пророчество сбылось, и вы открыли лес для людей... но что, если история повторится? Теперь, когда королева знает о Мировом древе, я боюсь...

«Что Ратные могут посягнуть на связь между Явью и Правью?»

Есения неохотно кивнула. Королева София нравилась ей, но однажды она уже ошиблась, доверившись лжецу, и из-за этого решения пострадали ее близкие.

«Когда королева была здесь, я заглянул в ее душу. В ней нет гнили Ратных, ты можешь быть спокойна».

Эти слова напомнили Есении о напасти Гринхорна.

– Великий Олень, теперь, когда ворота открыты, сваарт уйдет из леса?

«Да. Но, боюсь, на это нужно время, ведь Гринхорн живет по своим законам. С милостью богов и богинь, мы справимся с этой хворью».

Есения почти попрощалась с хозяином леса, когда еще один вопрос вдруг вспыхнул в голове.

– Когда я... попала в Правь, создатель всего сущего назвал меня дочерью Велеса. Что это значит, Великий Олень? – нахмурилась она.

«Велес – бог-хранитель животного мира. Все балии одарены его силой. Возможно, именно это имел в виду Род?»

– Да, это... похоже на правду, – пробормотала Есения.

«Тебе пора в путь, балия. Помни: искушения, что ожидают тебя в незнакомом мире Зэлии, не должны повлиять на то, кто ты есть».

Как всегда, последнее напутствие хозяина леса вызвало больше вопросов, чем ответов.

Спустя неделю Есения стояла на каменной набережной, глядя на большой, нагруженный дарами для Зэлии и сундуками с вещами, корабль. Сегодня волны Замятого моря были спокойны, обещая мягкое плавание, это ли не было доб-

рым знаком, говорящим о правильности ее решения?

С Надией она попрощалась чуть раньше. Балия крепко обняла Есению, пожелав удачи в далекой стране, и вновь успокоила ее, сказав, что справится с ролью придворной балии. Королева обещала лично проследить, чтобы Милоша и Ану доставили в Хорсан, и Надия с нетерпением ждала встречи с семьей.

Сегодня София была занята делами, и проводить их с Оборотнем вызвался Ведомир. Оборотень куда-то подевался, бросив лишь, что ему нужно отлучиться ненадолго, и теперь они с советником ждали его, неторопливо беседуя. Холодный морской ветер пощипывал щеки и нос, и Есения потуже затянула теплый шерстяной платок – подарок королевы. Весь он был вручную расшит пурпурными цветами, так София хотела напомнить ей о Гринхорне. Блар, нахохлившись, сидела у Есении на плече. Птица вернулась пару дней назад, выполнив поручение Великого Оленя.

Есения вздрогнула от неожиданности, когда Ведомир спросил:

– Скажите, как Надия отнеслась к предложению королевы вновь стать придворной балией?

– Думаю, теперь, когда она воссоединится с семьей, то сможет справиться с той болью, что причинили ей Ратные, – нахмурилась Есения. – Вы не доверяете ей?

– Ну что вы, моя дорогая, вовсе нет, – улыбнулся советник. – Я рад, что Надия наконец обрела свободу.

Есения резко выпрямилась. Чудовищная догадка мелькнула в ее голове.

– Вы знали, что Надия жива? Что Ратные удерживают ее взаперти?

– Конечно, – спокойно ответил Ведомир, будто не разбивал сейчас ее доверие на миллион осколков. – Я же был советником короля, не забывайте.

– Но почему вы ничего не сделали? – с ужасом прошептала Есения.

– Потому что один человек – ничто по сравнению с такой жестокостью и злобой, – отрезал советник. – Мне оставалась только ждать, когда появится возможность сделать все, чтобы свергнуть короля. Именно поэтому я поддержал вас тогда, уговаривая не сдаваться. Надия устала от притеснений, она озлобилась, и ее достаточно было лишь немного подтолкнуть. Я знал, что рано или поздно вы догадаетесь, что за магическим сном королевы стоит другая баляя, а Надия настолько ослепла в своем желании уберечь вас, что сама навела вас на догадку. Мне даже не пришлось вмешиваться.

– Вы... использовали нас, – побледнела Есения. – Как вы могли?

– Я был готов на все, чтобы уберечь королевство! Я видел, как безумный правитель день за днем погружается в свою жадность, чтобы потом рано или поздно все уничтожить! Не забывайте, что я пытался показать вам истинную сущность короля в тот день, когда мы ходили в квартал Ремесленни-

ков. Но вы предпочли поверить Земираду.

– Вы могли просто рассказать мне правду!

– Чтобы вы сразу пошли к королю и натворили глупостей?

Ну уж нет, я не мог так рисковать, – отмахнулся советник. – Не нужно расстраиваться, Есения, ведь все закончилось хорошо! Благодаря вам на троне теперь София, она будет править великодушно и научит этому же сына. Естественно, не без моей помощи.

Похоже, вся Элейния была пропитана жаждой... неиссякаемой и губительной жаждой власти. Слова Ведомира лишь на первый взгляд говорили о его преданности королевству, но все, чего он хотел – это влияние и сила. Есения с отвращением отвела взгляд от советника. Ей, как никогда раньше, хотелось уплыть отсюда, оставить Элейнию, с ее интригами и предательством, позади. Оборотень вовремя подошел, бросив на нее внимательный взгляд.

– Все в порядке, Есения?

– Да, – бросила она, больше не глядя на Ведомира. – Когда корабль будет готов?

– Как раз закончили его загружать. Нам пора отправляться.

Есения, не дожидаясь, пока он попрощается с наставником, спустилась к порту. Она решила не говорить Оборотню о роли Ведомира во всей этой истории. Зачем было понапрасну причинять ему боль?

Делегация уже взошла на корабль, и, едва Есения и Обо-

ротень присоединились к ней, как дородный капитан в наглухо застегнутом камзоле отдал команду к отплытию. Голубовато-сизые морские волны относили ее все дальше от дома. Впереди ждала Зэлия, королевство, где Есения могла обрести радость или несчастье. Лишь времени было по силам показать это.